

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

2016
№ 10

X Международная научно-практическая конференция

Ч. 2

ПОВОЛЖСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
АКАДЕМИИ
ВОЕННЫХ НАУК

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ
МАТЕРИАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
(ВА МТО)

ВОЛЬСКИЙ ВОЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
МАТЕРИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
(филиал) ВА МТО
(ВВИМО)

Адрес: 412903,
Саратовская обл., г. Вольск,
ул. М. Горького, 3
e-mail: v v v u t@mail.ru
для отправки материалов
конференции и справок:
telec8572@mail.ru

Издается по решению
Ученого совета ВВИМО
Протокол заседания
№ 21 от 28.01.2011 г.

© Вольский военный институт
материального обеспечения
© Авторы статей
© Изд-во «Перо», 2016

ISBN 978-5-906851-79-6

9 785906 851796

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

А.В. Немчинов – канд. пед. наук, доц.,
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

Заместители главного редактора

А.С. Мокроусов – канд. техн. наук,
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

А.Г. Наумлюк – канд. эконом. наук, доц.,
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

Члены редакционного совета

С.А. Бровко – канд. философ. наук, проф.,
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

В.П. Вишневская – д-р психол. наук, проф., Институт пограничной
службы Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь

В.Я. Ефремов – д-р ист. наук, проф.,
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

Г.И. Железовская – д-р пед. наук, проф., Саратовский национальный
исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышев-
ского, г. Саратов, Российская Федерация

Г.М. Ипполитов – д-р ист. наук, проф., Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара, Российская
Федерация

Н.М. Кадыргалиев – канд. ист. наук, проф., Казахстанский
университет инновационных и телекоммуникационных систем,
г. Уральск, Республика Казахстан

К.И. Курпаяниди – канд. эконом. наук, PhD, доц., Ферганский
политехнический институт, г. Фергана, Республика Узбекистан

О.А. Лускань – д-р техн. наук, доц.,
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

В.Д. Павлюк – канд. техн. наук, проф.,
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

С.В. Постников – канд. пед. наук, доц. (отв. ред.),
ВВИМО, г. Вольск, Российская Федерация

В.А. Труханов – д-р полит. наук, проф., Саратовская государственная
юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Д.И. Юнусова – д-р пед. наук, доц., Ташкентский государственный
педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Республика
Узбекистан

ББК 60я43
УДК 3:001.89
А 43

Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции / под ред. канд. пед. наук, доц. А.В. Немчинова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2016. – Ч. 2. Актуальные проблемы социально-политических наук. – 158 с.

Информация для авторов

Правила оформления материалов: текст набирается в редакторе Microsoft WORD или RTF. Поля страницы – все 2. Стиль – Обычный. Шрифт – Times New Roman, размер – 14. Межстрочный интервал – одинарный (корректур), абзац 1,0. Наличие списка использованных источников и ссылки на них обязательны. Ссылки набираются в тексте в квадратных скобках (например [1, с. 35]). Раздел «Список использованных источников» набирается в конце доклада. Стиль раздела – Обычный. Шрифт – Times New Roman, размер – 12. Межстрочный интервал – одинарный (корректур), абзац 1,0. Сохранять работу типом файла «Документ WORD» или «RTF», имя файла – Фамилия И.О. 1 автора. Ответственность за достоверность информации, отраженной в докладе, несет его автор.

Общий объем представляемых материалов (без сведений об авторах) составляет:

- до 1 п.л. для докторов наук, профессоров;
- до 0,5 п.л. для кандидатов наук, доцентов и прочих категорий участников.

Основные направления (секции) конференции:

- Актуальные проблемы отечественной истории и историографии;
- Актуальные проблемы социально-политических наук;

Содержание

От редакционной коллегии	4
Актуальные проблемы социально-политических наук	6
<i>Абдулмуталинова Т.А.</i> Религиозное возрождение России: новые вызовы безопасности	6
<i>Абдулмуталинова Т.А., Ибрагимов М.М.</i> Особенности вооруженных внутривнутриполитических конфликтов	9
<i>Абишева Ж.Р., Мейрманова Г.А.</i> Вероучение о душе в исторической философии	12
<i>Бойко С.И.</i> Военный потенциал государства в национальной политической культуре	18
<i>Борщева Н.Н., Постникова О.А.</i> Современная военная журналистика: тенденции развития и профессиональные стандарты ...	23
<i>Бровко С.А., Моралес А.К., Таджиеда Л.О.</i> Российско-Кубинские отношения	26
<i>Волокитина Ю.О., Хациева И.А.</i> Природа власти и ее психологические основы	30
<i>Загидуллина А.В.</i> Основные проблемы совершенствования системы адаптации персонала в организации	32
<i>Зайцева Н.В.</i> К вопросу о двух основных типах философии	35
<i>Ильин С.Н.</i> Обеспечение экономической безопасности страны гарантия независимости	37
<i>Ипполитова А.Г.</i> Причины развития экстремизма в исламской культуре	40
<i>Карпиленя Н.В.</i> Духовность личности, державный авторитаризм государства, суверенная народная демократия общества: обоснование формулы триединства	43
<i>Колесникова И.А., Толбатовская Е.Г.</i> Функции научных исследований в практике социально-культурного сервиса и туризма	52
<i>Косых Е.С.</i> Организованная преступность в Италии	55
<i>Курьшиова Л.А.</i> Девиантное поведение личности: показатели, состояние, основные причины	59
<i>Курьшиова Л.А.</i> Политическая социализация личности	62
<i>Лубяной В.И., Булатов А.В.</i> О взаимосвязи самообразования и самосовершенствования человека	65
<i>Лубяной В.И., Котиков В.А.</i> Социально-философский анализ феномена патриотизма	69
<i>Мартынова О.А.</i> Средний класс в современном российском обществе: сравнительный анализ исследований (на примере Республики Татарстан, Самарской и Ульяновской областей)	72
<i>Некрасова Е.А., Митасова Е.В.</i> Отношение к деньгам в супружеских парах как основа бесконфликтного общения в семьях военнослужащих	74
<i>Никитина Ю.Е., Хабибулин Р.Г.</i> Историческое значение Русской Православной Церкви в нравственно-патриотическом воспитании российского общества	77
<i>Пискунова С.И.</i> Проблематика философствования в культурной практике философского эго-текста	82
<i>Постников С.В.</i> Ретроспективный взгляд на отношение религии к войне и вооруженному насилию	85
<i>Радомский В.М.</i> Поиск новых идей с использованием законов развития технических систем	91
<i>Савик С.А.</i> Подготовка офицеров оперативно-стратегического уровня в Вооруженных силах Беларуси в начале XXI века	93

X международная научно-практическая конференция

- Актуальные проблемы психологии и педагогики;
- Актуальные проблемы социально-экономических наук и права.

Структура представляемых материалов:

- УДК (по левому краю, размер шрифта 12);
- Фамилия, инициалы автора (авторов) (по центру, полужирный, курсив, шрифт 14);
- Название статьи (по центру, прописные, полужирный, шрифт 14);
- Аннотация (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12);
- Ключевые слова (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12);
- Текст (по ширине, абзац, шрифт 14);
- Список использованных источников (название раздела – по центру, полужирный, курсив, шрифт 14; список – по ширине, абзац, шрифт 12);
- Фамилия, инициалы автора (авторов) на английском языке (по центру, полужирный, курсив, шрифт 14);
- Название статьи на английском языке (по центру, прописные, полужирный, шрифт 14);
- Аннотация на английском языке (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12);
- Ключевые слова на английском языке (по ширине, абзац, курсив, шрифт 12).

После текста дается справка об авторе. В справке указывается: автор (авторы) – ФИО, ученая степень, ученое звание, почетное звание (если есть), должность, организация, регион (страна), электронный адрес, почтовый индекс и адрес, по которому должны быть отправлены материалы конференции.

Материалы высылаются
на электронную почту:
telec8572@mail.ru

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул.
д. 29-33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию
17.03.2016. Заказ 165.

<i>Семенова В.Э.</i> Гендерные аспекты терроризма как феномена современного общества	98
<i>Семенова Л.Э.</i> Особенности отношения современных женщин к материнской роли	102
<i>Сметанкина Л.В., Шабанов Л.В., Бибарсова Г.Ш.</i> Современные национальные идеологии или рассуждения у подножия Вавилонской башни	108
<i>Сороко С.М.</i> Информационный уровень социокультурного пространства	111
<i>Третьяк А.Н.</i> Информационная война против истории России	116
<i>Труханов В.А.</i> Эволюция понятия «национальная безопасность»	119
<i>Узакова С.А.</i> Ценности современной семьи в парадигме социального конструктивизма	122
<i>Хабибулин Р.Г., Никитина Ю.Е.</i> Отношение Русской Православной Церкви к военной службе и воинскому долгу	125
<i>Чипкар Ян, Червена Каролина.</i> Критическая рефлексия современности и роль интеллектуала в ней	131
<i>Чуракова О.В.</i> Ресурсы военно-исторической антропологии и исследовательский дискурс истории эмоций	134
<i>Шакирова Е.Ю., Герасимов Н.Н.</i> Социальные риски и война: контуры пересечения дефиниций	138
<i>Шестакова И.Г., Булдыско А.Д.</i> Диалектика войны: прогресс и любовь	144
<i>Морозова К.И., Ерёмин М.А.</i> Современные тенденции развития научно-популярного журнала	146
Справочно-информационный раздел	153

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Дорогие коллеги!

В 2007 г. увидел свет первый сборник материалов конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук». В этом году он выходит уже в 10-й раз. За это время у сборника менялся статус: в первые годы конференция была межвузовской, потом всероссийской, сегодня она объединяет ученых не только Российской Федерации, но и стран Европы, Азии, Африки и Америки. От года к году растет количество публикаций и проблем, рассматриваемых учеными.

С 2015 г. публикации наших авторов размещаются на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU (в системах РИНЦ – Российского индекса научного цитирования и SCIENCE INDEX).

С 2007 по 2015 г. к публикации было принято 977 научных работ. В наших конференциях участвовали представители России, Абхазии, Анголы, Армении, Беларуси, Германии, Израиля, Казахстана, Камбоджи, Конго, Кубы, Кыргызстана, Мали, Монголии, Нигера, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Эстонии, Южной Осетии, Японии.

В юбилейном для сборника 2016 г. в X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук» принял участие 281 представитель 69-и научных и образовательных учреждений из семи стран мира, опубликовано 207 статей и научных сообщений по четырем направлениям. Среди наших авторов 33 доктора и 110 кандидатов наук.

В целях поддержки молодых ученых в 2016 г. к публикации приняты персональные и совместные работы 39 курсантов и студентов, 15 аспирантов, адъюнктов и слушателей вузов России и Беларуси.

Мы вновь убеждаемся, что проблемы гуманитарных и социально-экономических наук остаются острыми и постоянно требуют своего переосмысления. Их разрешение становится возможным только общими усилиями ученых разных поколений из разных стран, регионов, с разным мировоззрением и мировосприятием. В этом направлении организаторы конференции видят ее главное предназначение именно в консолидации наших авторов, сосредоточении их мыслей на обсуждении проблем данной тематики. Несмотря на то, что современная гуманитарная научная область насыщена идеями, они активно прилагают усилия к разгадке тайн человечества, закономерностей общественного существования, функционирования всех сфер человеческой деятельности.

Традиционно доклады участников конференции сгруппированы по четырем секциям. Научные идеи российских, белорусских и казахских ученых-историков, историографов, специалистов в области истории культуры, религии, различных сфер общественной жизни собраны в первой части сборника «Актуальные проблемы отечественной истории и историографии». Во второй части «Актуальные

проблемы социально-политических наук» на суд научной общественности представлены доклады по социологии, политологии и философии. «Актуальные проблемы психологии и педагогики» – третья часть сборника, посвящена научным разработкам ученых-педагогов и психологов. В четвертой части «Актуальные проблемы социально-экономических наук» делятся своими наработками ученые-экономисты и правоведы. В нее же вошли краткие научные сообщения по различным проблемам военно-гуманитарного знания, отчеты о научно-исследовательской деятельности, связанной с военной тематикой и научной работой Вольского военного института материального обеспечения.

Материалы, предоставляемые в сборник с каждым годом становятся все более тематически ориентированными, более половины из них посвящены военной тематике, проблемам материального обеспечения армии и флота.

Так в разделе «Актуальные проблемы отечественной истории и историографии» авторами поднимаются вопросы военной истории и истории снабжения армии России XIX–XX столетий. Проблемы материально-технического обеспечения вооруженных сил стали предметом исследований И.М. Драгайла, В.Я. Ефремова, В.М. Кривчикова, Е.В. Лапаяна, С.С. Лудищева, С.Ю. Нагайчука, М.М. Пивоварова. История Великой Отечественной войны стала предметом научного анализа М.В. Алексеева, Е.А. Висюлькиной, Е.Г. Гапонца, В.Б. Головешкина, С.Н. Ильина, В.В. Илюшиной, А.В. Ковалева, В.Н. Кудашкина, С.В. Маркушиной, С.А. Меганова, Ю.П. Никитина, Н.Г. Никитиной, Е.И. Подрепного, Е.С. Тимофеева, М.Д. Тимохина, А.О. Шамаева, И.И. Шашкова, Т.А. Шилиной. Историю войн и военных конфликтов 2-й пол. XX – нач. XXI в. рассматривает В.А. Гуров. Противоречия в сфере идеологической работы и воспитания военнослужащих можно найти в исследованиях О.Е. Андрющенко, В.А. Бородина, П.Л. Волкова, И.А. Калмыкова, А.М. Кобзева, Е.И. Подрепного, С.В. Постникова, О.А. Постниковой, В.Е. Уткина, С.Г. Шуралева. Отдельные вопросы всеобщей и военной истории представлены в трудах А.В. Лукьянова, Н.М. Мухамеджановой, А.Г. Радионенко, А.И. Репинецкого, Ю.С. Репинецкой, Н.В. Романовой, Д.Е. Яскуловского. Особенности истории и социально-политического устройства Советского Союза рассматривают Г.А. Алпыспаева, Г.М. Ипполитов, Ш.Н. Саяхимова, Т.В. Филатов. Проблемы краеведения и местной истории раскрывают Е.А. Бурдин, А.Г. Подмарицын, М.А. Румянцев.

Военно-политические акценты отличают и раздел «Актуальные проблемы социально-политических наук». Традиционно в нем представлены результаты исследований по вопросам политологии, социологии, философии. В 2016 г. наши авторы особое внимание уделили рассмотрению феномена войны и воинской деятельности (А.Д. Булдыско, Н.Н. Герасимов, Е.В. Митасова, Е.А. Некрасова, С.В. Постников, Е.Ю. Шакирова,

И.Г. Шестакова). Проблемы обеспечения национальной безопасности в различных сферах жизни общества поднимаются Т.А. Абдулмутаиновой, С.И. Бойко, Н.Н. Борщевой, М.М. Ибрагимовым, С.Н. Ильным, О.А. Постниковой, В.Э. Семеновым, А.Н. Третьяком, В.А. Трухановым. Вопросы духовности (в т.ч. в среде военнослужащих) стали предметом исследования Ж.Р. Абишевой, М.А. Еремина, Н.В. Зайцевой, Н.В. Карпилени, Г.А. Мейрмановой, К.И. Морозовой, Ю.Е. Никитиной, С.И. Пискуновой, С.А. Савика, С.М. Сороко, Р.Г. Хабибулина, О.В. Чураковой. Особенности современных социально-политических и экономических процессов в стране и мире, проблемы личности и личностных образований представлены в трудах Г.Ш. Бибарсовой, С.А. Бровко, А.В. Булатова, Ю.О. Волокитиной, А.В. Загидуллиной, А.Г. Ипполитовой, И.А. Колесниковой, Е.С. Косых, В.А. Котикова, Л.А. Курышовой, В.И. Лубяного, О.А. Мартыновой, А.К. Моралеса, В.М. Радомского, Л.Э. Семеновой, Л.В. Сметанкиной, Л.О. Таджиеды, Е.Г. Толбатовской, С.А. Узаковой, И.А. Хациевой, К. Червены, Я. Чипкара, Л.В. Шабанова. Такое многообразие направлений указывает на то, что в области социально-политических наук большое количество нерешенных проблем.

Не менее остро звучат **актуальные проблемы психологии и педагогики**. Авторы докладов затрагивают в первую очередь вопросы военной педагогики и психологии военнослужащего. В частности, исследования коснулись проблем: обучения и воспитания военнослужащих (А.С. Акмеев, А.В. Алексеев, Г.М. Антонов, А.К. Афанасьев, В.В. Бородин, С.В. Винник, А.В. Гусенков, М.С. Дикунова, Е.В. Ишимская, Б.Б. Умербаев, А.Н. Шедько); исторических традиций и преемственности в этом процессе (И.М. Бухтоярова, В.П. Вишневская, С.Н. Дроздов, А.В. Коклевский, О.С. Крючков, П.А. Михайлев, В.Г. Моисеенко, С.В. Стулов, Е.И. Сутович); совершенствования методик и технологий обучения военнослужащих (Н.С. Агафонова, Т.Ф. Аракелян, Е.М. Валеев, С.А. Давыдова, Г.П. Дармокрик, З.И. Ефремова, О.П. Кислякова, В.В. Козлов, Н.О. Кулакова, А.Н. Куликов, Т.А. Кукарцева, М.К. Кушеева, В.А. Малоков, А.Г. Наумлюк, Н.Г. Никитина, А.П. Пелевина, В.В. Романова, Г.Н. Романова, Е.Г. Соколова, В.А. Токарев, С.В. Чернышова); их психологических особенностей (А.М. Глебов, Н.Л. Клячкина, С.А. Мещеряков, Р.Г. Хабибулин, Н.В. Хабибулина, И.А. Хациева, А.В. Шестериков).

Наиболее спорные вопросы подготовки специалистов в вузах страны и мира раскрываются в работах В.Н. Анишкина, Г.А. Артиковой, Д.А. Бабарахимовой, Э.П. Бурнашевой, Н.М. Бызовой, Г.А. Велигурского, С.А. Воеводиной, А.В. Добросоцкой, В.П. Дикселеса, Т.Л. Жуковой, В.И. Журавлевой, В.А. Ксенофонтова, Л.Е. Кузнецовой, А.Р. Латыпо-

вой, К.О. Левиной, Л.А. Марченковой, В.Н. Михелькевича, С.Н. Мякинковой, М.С. Назаровой, А.С. Никулиной, Н.Н. Поплавского, Л.А. Поплавской, В.М. Радомского, К.В. Рафиковой, И.Я. Рахмонова, З.Г. Руденок, Е.Н. Рябиновой, А.О. Савельевой, Е.Ю. Садовской, И.С. Усенко, Е.Н. Чеканушкиной, Д.И. Юнусовой и особенностей формирования личности педагога – в трудах М.Ф. Бакунович, Ю.В. Балабашиной, Ю.Р. Гуро-Фроловой, И.В. Журавлевой, Ю.М. Ивановой, Н.В. Ипполитовой, В.В. Козлова, Е.В. Костеневич, Л.Ф. Красинской, М.А. Лыгалова, О.П. Рогач, С.А. Самодуровой, Н.С. Стерховой, Н.Н. Струниной. Психологические проблемы представляют Т.А. Драздовская, В.В. Калинта, И.А. Колесникова, Л.З. Левит, И.Е. Лилянталь, О.И. Львоградская, С.А. Месникович, М.Э. Паатова, Ю.А. Полещук, И.И. Рифицкая, М.М. Соколова, Г.А. Танская, Н.А. Тимощук, Г.А. Толочко, Ю.А. Трифонова, П.В. Филиппов.

Особенности проблематики **социально-экономических наук и права** представлены в работах наших авторов о современном состоянии мировой, российской и национальных экономик, перспективах их развития, а также частные военно-экономические практики и инструментари. Это вопросы функционирования экономики и права в условиях Вооруженных сил России и зарубежных стран (Е.М. Валеев, М.А. Голищенко, В.Б. Головешкин, А.В. Конкс, В.М. Кривчиков, В.Н. Кудашкин, П.А. Михайлев, А.А. Сафиханов, В.А. Токарев, Д.С. Улезло, С.А. Филинов, В.В. Шишков, Д.Д. Юматов, А.В. Яблочников, В.П. Яблочников); особенности организации хозяйственной деятельности в современных национальных и региональных экономиках (А.А. Абдибекова, Ф.А. Бобров, А.С. Бровко, С.А. Бровко, В.С. Голубев, С.А. Дикунов, М.С. Дикунова, Л.Ф. Дюпина, Б.А. Жиемуратов, М.К. Жудро, Д.Д. Калыков, Е.Е. Карачевцева, Ю.А. Краснова, Е.В. Кудош, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди, Б.К. Кусекеев, А.В. Кухар, Г.А. Мкртчян, А.К. Моралес, О. Назарбаев, В.В. Ожигина, А.А. Пинаев, Т.В. Полкова, М.В. Робертс, А.А. Романов, К.Д. Тагунов, Л.О. Таджиеда, Д.О. Ташпулатов, К.С. Тесленок, С.К. Тесленок, Ю.С. Червякова, В.В. Шапка); отдельных сфер материально-производственной жизни общества (И.Р. Азюков, А.Ю. Веревкин, Е.А. Висюлькина, В.В. Илюшина, О.В. Калинин, И.М. Кублин, В.М. Кузьмина, А.Н. Куликов, Ю.П. Марцев, Т.Ю. Марцева, Е.Ю. Молотова, А.К. Моралес, Е.Г. Пушина, Е.В. Разумова, Г.Н. Рожков, Д.И. Цыпрынюк).

В составе четвертой части выделен раздел **«Краткие научные сообщения»**, где представлены научные заметки по отдельным вопросам военной экономики, политики, педагогики.

Редакционная коллегия конференции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

УДК 355/359.322.2

Абдулмуталинова Т.А.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье анализируются новые вызовы и угрозы национальной безопасности, обусловленные спецификой религиозной жизни России на современном этапе развития.

Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы национальной безопасности, религиозный фактор, многоконфессиональность, экстремизм, национализм.

В нач. XXI в. наша страна, как и многие государства мира, столкнулась с рядом новых вызовов своей безопасности. Произошедшие за последние десятилетия изменения во много раз усилили как ранее «замороженные», так и новые тенденции общественного развития.

Возрождение в области религиозной, характерное на сегодняшний день для многих народов, стремительно заполняет так необходимое людям духовное пространство. Многие вновь стали руководствоваться в своих поступках религиозными заповедями и канонами, именно в них обретая идеалы добра и справедливости. Вместе с тем, возникает опасность оказаться под влиянием появившихся сомнительных и псевдорелигиозных организаций, движений и сект. Не оказывают благоприятного воздействия на духовный мир человека и обострившиеся противоречия в мировых религиях. Как показывает практика (например, последние террористические акты на территории Франции), возникающие разногласия на религиозной почве таят в себе опаснейшие вызовы и угрозы для безопасности не только отдельных стран и народов, но и всей мировой цивилизации. Очевидным становится тот факт, что религиозный фактор сегодня выступает одним из приоритетных элементов в общей системе национальной безопасности.

В системе национальной безопасности России религиозный фактор не имеет самодовлеющего значения. Его, скорее, можно отнести к сфере защиты национальных интересов, пред-

ставляющих собой базу обеспечения внешней и внутренней безопасности нашего государства. Большинство религиозных объединений выступает за гармонизацию национальных отношений, сохранение духовного наследия России, которая является многонациональным и поликонфессиональным государством; содействие стабильности в мире и государстве путем установления международных и межконфессиональных контактов различных религиозных направлений с целью поиска возможных единых подходов к вопросам социального, политического, экономического укрепления нового Российского государства.

Следует отметить, что религиозный фактор как динамичная система религиозно-философских взглядов, сложившихся в ходе деятельности отношений между последователями той или другой религии, их отношений к другим конфессиям, различные институты (церковь, новые религиозные движения и т.д.) являются условием функционирования религиозных групп, организаций и объединений в современном обществе и государстве, оказывают воздействие на жизнь общества. Как правило, религиозный фактор определяет лояльность граждан по отношению к государству, объединяет верующих, вносит интегрирующий и стабилизирующий элемент в общественную жизнь страны. Однако в переходный период, когда еще недостаточно сильна сама государственная власть, религиозный фактор может оказывать дезинтегрирующее влияние на общественную жизнь, вносить дополнительную напряженность в социальные отношения, способствовать межконфессиональным и межэтническим конфликтам.

Другими словами, именно нестабильность социально-экономической жизни, по-

литической ситуации, несовершенство правовой базы государственно-конфессиональных отношений, появление многочисленных национально-политических движений служат основой для религиозно-политического экстремизма как в форме национализма, так и собственно в религиозном обличье. На сегодняшний день эти факторы проявляются, прежде всего, в форме террористических актов.

Возрастание значимости религиозного фактора в системе национальной безопасности России связано с тенденцией, которая обозначается как «религиозное возрождение». Термин «религиозное возрождение» стал общеупотребительным в связи с ростом роли религиозного фактора в общественной жизни. В связи с этим необходимо кратко охарактеризовать религиозную ситуацию в России после более чем двадцатилетнего «возрожденческого» периода.

Религиозная жизнь современной России тесно переплелась как с социальной, так и политической жизнью. Следует отметить, что в стране, не имеющей государственной идеологии (согласно ст. 13 п. 2 действующей Конституции) [1], у части общества сложилось мнение, что ее роль может выполнять религия в том или ином конфессиональном выражении. Существенную роль играет и тот факт, что религия зачастую воспринимается человеком как фактор самоидентификации. Расслоение населения многонационального Российского государства по этноконфессиональному признаку стало, к сожалению, отличительной чертой нашего времени.

Специфической особенностью религиозной жизни России является, прежде всего, ее поликонфессиональность. На территории государства действуют религиозные организации, представляющие ок. 67 направлений, что во многом и определяет сложность отношений между конфессиями.

По данным справочника «Религиозные объединения Российской Федерации», подготовленного с участием Совета Федерации, на долю Русской православной церкви приходится свыше половины религиозных общин (6709 из 12 тыс., объединяющих примерно 75% верующих россиян. Мусульманских общин 2349, в них состоит 18% верующих россиян. Религиозной жизнью приверженцев ислама в нашей стране руководит 43 духовных управления мусульман, объединенных в Центральное управление мусульман России и европейских стран СНГ, Духовное управление мусульман Европейской части России, Высший координационный центр духовных управлений мусульман России и Со-

вет муфтиев России. Кроме того, в России действуют 113 буддийских общин. Центральное управление буддистов действует с 1946 г. В новой России буддийские организации возникли в разных регионах: Калмыкии, Тыве, Москве, Санкт-Петербурге, Анапе, Белгороде, Екатеринбурге, Казани, Краснодаре, Ростове-на-Дону и др. Зарегистрированы в России организации и других религиозных конфессий: Римско-католической церкви, старообрядцев, евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской – пятидесятников, адвентистов седьмого дня, иудеев, лютеран и многих других [5].

В силу исторических причин ведущими религиями в российском обществе являются православие и ислам, общины которых согласно приведенным статистическим данным составляют около 90% от общего числа религиозных объединений.

О применимости термина «возрождение» к характеристике развития православной церкви можно говорить хотя бы в связи с активизацией деятельности Священного синода, который стал заседать значительно чаще – раз или два в месяц. Распространение влияния церкви на различные стороны жизни российского общества обусловило реорганизацию деятельности синодальных учреждений. К ранее существовавшим добавились отделы: по религиозному образованию; церковной благотворительности и социальному служению; миссионерский; по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. Кроме того, были сформированы комиссии по делам монастырей, экономическим и гуманитарным вопросам.

Итогом этой деятельности стали два важнейших документа: «Об отдельных вопросах внутренней жизни и внешней деятельности церкви» и «О взаимоотношениях с государством и светским обществом» [4, с. 359].

Несмотря на определенные внутренние трудности, Церкви удается наращивать свой потенциал, участвовать в жизни общества в рамках, определяемых ее канонами и историческими традициями.

Вместе с тем продолжает возрастать и влияние мусульманских организаций. Как и в православии, возрождение ислама характеризуется, прежде всего ростом числа общин, восстановлением старых и строительством новых мечетей. Так, на 1 января 2000 г. было зарегистрировано 51 централизованная религиозная организация и 114 духовно-образовательных учреждений [3, с. 586].

Следует отметить, что «возрожденческие» тенденции не миновали и буддийскую общину (было зарегистрировано Духовное управление буддистов России, которое действует параллельно с Традиционной буддийской Сангхой России), идет расширение и укрепление буддийских общин [6].

Весьма благоприятны в настоящий момент, по оценкам специалистов, и перспективы католицизма. В пользу возрастания возможностей католицизма говорят, во-первых, изменения в конфессиональных предпочтениях россиян. Так, если в недалеком прошлом большинство верующих граждан нашей страны на вопрос о своей религиозной принадлежности отвечали – «православный», то теперь вследствие разных причин они идентифицируют себя с «христианами вообще».

Устойчивое положение сохраняют иудаистские религиозные организации и протестантские церкви, особенно те, которые традиционно действуют на религиозном поле России: Адвентистов седьмого дня, Евангельских христиан-баптистов, Христиан веры евангельской-пятидесятников, лютеран.

В то же время эксперты отмечают, что всплеск религиозности характеризуется появлением на территории Российской Федерации огромного числа самых разнообразных так называемых «новых религиозных движений», «нетрадиционных религий», в деятельности которых принимает самое активное участие определенная часть населения России и которые, безусловно, имеют социальную базу для распространения своих учений.

Появление на территории Российской Федерации множества новых религиозных движений, связанных с международными центрами, вызывает обеспокоенность государства и общественности, которые зачастую усматривают в них угрозу национальным интересам, подрыв духовной стабильности общества, идеологическую экспансию.

Однако новые религиозные движения, динамичные и в известной степени привлекательные, все же занимают не слишком много места на религиозной карте страны. Серьезное знание их, терпимое отношение могут снять создавшееся вокруг них напряжение. Российский опыт многовекового существования полиэтнического многоконфессионального государства – гарантия возможности решения всех сложных вопросов в этой области.

В таких условиях, несомненно, первоочередной задачей религиозного руководства всех конфессий является поддержание добрых взаи-

моотношений, создание для верующих условий сотрудничества в духе веротерпимости, которая и будет во многом способствовать духовной безопасности нашего государства.

Список использованных источников

1. Конституция РФ от 12.12.1993 г. // РФ. – 1993. – №273. – 25 дек.
2. ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.10.97 №125 – ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – №39.
3. История религий в России. – М., 2002. – С. 586.
4. Религии и государство в современной России. – М., 1997. – С. 49.
5. Религиозные объединения Российской Федерации: Справочник / под общ. ред. М.М. Прусака, В.В. Борщева; сост.: С.И. Иваненко и др.; Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – М.: Республика, 2001. – 271 с.
6. Сафронова Е.С. Буддизм в России. – М., 1998.
7. Лубяной В.И., Косолапов А.Д. Отечественная философия о проблемах воинской чести и воинского долга // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 14-17.
8. Радионенко А.Г. Историческое сознание – неотъемлемая часть духовности современной армии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 64-67.

Abdulmutalinova T.A.

RELIGIOUS REVIVAL RUSSIA: NEW SECURITY CHALLENGES

This article analyzes the new challenges and threats to national security, due to the specifics of religious life in Russia at the present stage of development.

Keywords: national security, threats to national security, the religious factor, multi-confessional, extremism, nationalism.

ОСОБЕННОСТИ ВООРУЖЕННЫХ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Статья посвящена вооруженным внутривнутриполитическим конфликтам современности, рассмотрению основных подходов к данному явлению, особенностям и типологии этого вида конфликтов.

Ключевые слова: конфликт, конфликт политический, конфликт внутривнутриполитический вооруженный, конфликт этнополитический, конфликт профессиональный, сепаратизм, терроризм.

На протяжении всей истории человечества среди богатейшего разнообразия видов социального конфликта особую значимость имеет внутривнутриполитический конфликт, изначально призванный разрешать противоречия, возникающие в процессе завоевания и удержания политической власти внутри отдельно взятой страны. Главной его особенностью является то, что зачастую он протекает с применением вооруженных средств. Причём именно для этого вида политического конфликта характерна особая интенсивность и ожесточённость применения вооруженного насилия.

В связи с этим вопросы генезиса, сущности, причин возникновения, особенности развития и способы разрешения внутривнутриполитического вооруженного конфликта стали волновать человечество практически сразу же после появления этого феномена.

Внутривнутриполитический вооруженный конфликт среди всего спектра вооруженных политических конфликтов выделяется в особый ряд.

В большинстве случаев внутривнутриполитический вооруженный конфликт носит социально-классовый, национально-этнический или религиозный характер. Зачастую эти виды конфликта носят непримиримый характер, и, соответственно, победа одного обязательно означает поражение другого. Иначе говоря, такой конфликт предполагает применение наиболее крайних форм применения насилия. Вместе с тем, вооружённая борьба внутри одной страны будет ограничена в средствах применения вооружённого насилия, как минимум без ракетно-ядерного оружия.

Непримиримость существующих противоречий чаще всего определяет и их затяжной характер. Более того, обратившись к конкретным примерам конфликтов этого типа, мы, скорее всего, не увидим окончательного их разреше-

ния. В частности, конфликты в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии на сегодняшний день далеки от своего завершения [6]. Даже быстрая победа одной из сторон не приводит к окончательному примирению и дальнейшему сотрудничеству. Проигравшая сторона, как правило, лишь временно уходит «со сцены» для накопления сил и возобновления борьбы.

Внутривнутриполитический вооружённый конфликт, имеющий социально-классовую природу, носит, как правило, массовый характер, затрагивая, в той или иной степени, всё население страны. Так, в период гражданской войны по разные стороны баррикад могут оказаться родственники, бывшие друзья, соратники, что придаёт особую морально-этическую окраску внутривнутриполитическим вооружённым конфликтам. Кроме того, определённую жестокость протекания этих конфликтов придаёт тот факт, что они не регулируются международными правилами ведения боевых действий.

Специфической чертой внутривнутриполитических вооружённых конфликтов, особенно актуализирующихся в последние десятилетия, стала зависимость их зарождения и протекания от международной политической и экономической жизни. Это связано с постоянно нарастающей тенденцией, прежде всего экономической, взаимозависимости современного мирового сообщества. Нарушение международных хозяйственно-экономических связей, неизбежно наступающих с началом боевых действий, вызывают острую реакцию со стороны других государств и ТНК. Поэтому практически ни один внутривнутриполитический вооружённый конфликт не остаётся без внимания со стороны международного сообщества. Последствия такого «внимания» могут быть двоякими: вмешательство внешних сил может спровоцировать как крупный международный конфликт (США во Вьетнаме, СССР в Афганистане и др.) так и привести к временному урегулированию конфликта (миротворческие операции) [1]. Однако всегда необходимо видеть, что реально скрывается за декларируемой «вывеской» вмешивающейся в конфликт стороны. Нередко за «миротворческими» лозунгами скрываются

собственные политические и экономические интересы.

Специфика анализируемых конфликтов определила и особенности их классификации. По мнению ряда авторов, основанием для определения основных разновидностей внутривнутриполитических вооружённых конфликтов прежде всего являются:

- тип противоречий, лежащих в основе конфликта;
- содержание форм и методов применяемого вооружённого насилия [6].

Тип противоречий, лежащих в основе конфликта, как правило, отражает социально-политический состав участников конфликта:

Исходя из данного критерия, представляется возможной следующая классификация внутривнутриполитических вооружённых конфликтов.

1. В сфере государственно-властных отношений:

а) «социально-классовый переворот» – вооружённые действия, в результате которых государственная власть переходит к противоположному по своим политико-идеологическим убеждениям классу (социальной группе), влекущие за собой коренные изменения во всех сферах жизни общества;

б) «государственный переворот» – вооружённые действия, способствующие переходу государственной власти к политическим силам, не преследующим целей коренных социально-экономических и политических изменений во всём обществе;

в) «внутриполитический вооружённый конфликт» («вооружённая акция») – применение вооружённого насилия государственными или находящимися к ним в оппозиции политическими структурами, преследующими цели изменения или сохранения функционирования существующих властных отношений, не влекущих за собой коренных изменений во властных отношениях и в обществе в целом [6].

В зависимости от непосредственного метода применения оружия, можно классифицировать вооружённые конфликты в сфере государственно-властных отношений по следующим формам проявления:

а) восстание – массовое вооружённое выступление против существующей государственной власти (вооружённые события октября 1917 г. в России). В качестве разновидности восстания выступает «правительственный, дворцовый, военный перевороты». Особенно распространены такие перевороты в странах Азии, Африки и Латинской Америки [2];

б) террор – форма вооружённого насилия, применяемая наиболее экстремистскими группами (организациями) с целью запугивания, дестабилизации и разрушения существующего государственного строя. Основные методы этой формы вооружённого насилия – покушения и убийства государственных, партийных и общественных деятелей, угон самолётов и кораблей, захват заложников, организация взрывов, поджогов, провоцирование вооружённых беспорядков и т.п. [3];

в) гражданская война – наиболее длительная, широкомасштабная и острая форма применения вооружённого насилия в государственно-властных отношениях, затрагивающая основные массы населения страны и включающая в себя совокупное применение различных методов и форм вооружённого насилия. Длительные и кровопролитные гражданские войны велись в Алжире, Вьетнаме, Греции, Испании, Китае, Конго, Никарагуа, Сальвадоре, Советской России и многих других странах.

2. В сфере национально-этнических отношений:

а) сепаратистские вооружённые конфликты – форма вооружённого насилия, применяемая с целью получения суверенитета национальных новообразований. Предполагают применение различных методов и форм вооружённого насилия, носят характер широкомасштабности и относительной длительности протекания. Можно выделить ряд повторяющихся факторов, составляющих основу многих этнополитических сепаратистских конфликтов. Прежде всего, они связаны с распределением ресурсов и власти между этническими группами, с вопросом земли и территории (родные места, колонизация, поселения, иммиграция и т.д.), с языком, религией, культурной самобытностью, а также с дискриминацией, основанной на признаках расы или цвета кожи.

Анализ этнополитических конфликтов позволяет выделить основные типы этого вида конфликтов.

– территориальные конфликты. Подобные конфликты часто тесно связаны с воссоединением раздробленных в прошлом этносов. Например, конфликты в Нагорном Карабахе, в Южной Осетии, национальное движение лезгинов в Азербайджане и др. [7]. Сюда же относятся конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов. К ним относятся:

спор между осетинами и ингушами из-за принадлежности Пригородного района, движение немцев России и СНГ за восстановление государственности в Поволжье;

– конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования. Таково положение в Абхазии, Гагаузии, отчасти в Приднестровье;

– конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства. Например, стремление Эстонии и Латвии присоединить к себе ряд регионов Псковской области, которые были включены в состав этих двух государств при провозглашении их независимости, а в 1940-е гг. перешли к РСФСР;

– конфликты, возникающие в связи с массовым притоком в тот или иной регион беженцев и вынужденных переселенцев;

– конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера: происходившие в прошлом войны, произвольно установленные границы между национально-территориальными образованиями, ошибки и промахи в национальной политике.

Следует отметить, что для этнополитических сепаратистских конфликтов, как правило, характерна их интернационализация, то есть вовлечение в конфликт или его урегулирование третьих сил или международных организаций. Так, в грузино-абхазском конфликте на стороне Абхазии участвовали добровольцы Конфедерации народов Кавказа. В разрешении боснийского конфликта активно участвуют ООН, ОБСЕ, НАТО и другие международные и региональные организации [5].

б) расовые вооружённые конфликты – наиболее жестокая форма применения вооружённого насилия в рамках национально-этнических конфликтов. В основные цели этих конфликтов входят ограничение или полное лишение гражданских политических и социально-экономических прав, а порой и полное уничтожение той или иной расы, нации, этнической группы. Лишение всех прав и массовое уничтожение еврейского населения в фашистской Германии, расовая дискриминация афроамериканцев в США (деятельность массовой расистской организации Ку-Клукс-Клан), ЮАР, геноцид Пол Пота и Йенг Сари в Кампучии – вот только некоторые яркие примеры расовых вооружённых конфликтов.

в) межэтнические вооружённые конфликты – в отличие от сепаратистских вооружённых кон-

фликтов носят относительно кратковременный, ограниченный и низкоинтенсивный характер.

3. В сфере конфессиональных отношений:

а) «религиозные войны»;

б) межконфессиональные вооружённые конфликты.

Следует отметить, что религиозные разногласия, доходящие до конфликтов с применением оружия, зачастую носят идеологический характер, затрагивая группы людей, исповедующих различные религии. В то же время, идеологические религиозные конфликты нередко перерастают в политические. Примером тому – деятельность инквизиции в средневековье, борьба за власть в современных теократических государствах (Иран, Саудовская Аравия, Оман и др.). Одновременно и многие другие виды внутривнутриполитических конфликтов получают религиозную окраску.

Следует отметить, что проанализированные внутривнутриполитические конфликты не могут отразить всех возможных вариантов применения вооружённого насилия. Это объясняется тем, что все они зарождаются и функционируют в конкретно-исторических условиях, которые и определяют: специфику и уникальность каждого отдельно взятого конфликта. В связи с этим очевидно, что выбор формы вооружённого насилия будет обусловлен, прежде всего, причинами, приведшими к конфликту.

Следовательно, все это обуславливает, прежде всего, необходимость дальнейшей разработки путей и методов урегулирования этнических, конфессиональных, социально-классовых проблем в каждом конкретном государстве, в выработке рекомендаций для политических и государственных деятелей в этом направлении.

Список использованных источников

1. Авксентьев В. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. – 1996. – №12. – С. 43–49.

2. Грант Н. Конфликты XX века. Иллюстрированная история: Альбом/ пер. с англ. – М.: Физкультура и спорт, 1995.

3. Каратуева Е.Н. Политический терроризм: теория и практика: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: ВУ, 2000.

4. Козлов В. Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. – 1996. – №6. – С. 76–87.

5. Лебедева М. Межэтнические конфликты на рубеже веков // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – №5.

6. Лемешев С.В., Ремарчук В.Н., Рыжов О.А. Вооруженный политический конфликт: проблемы управления. Учебное пособие. – М.: ВУ, 2001.

7. Минасян С. Поиск стабильности в карабахском конфликте // Россия в глобальной политике. – 2012. – №1.

8. Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Политические исследования. – 1996. – №2. – С. 27–46.

9. Романов В. Право и международные отношения. Принцип самоопределения и территориальная целостность государств // Дипломатический вестник. – 2000. – №9.

10. Шестериков А.В. Психологические аспекты боевой подготовки // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 101-103.

*Abdulmutalinova T.A.,
Ibragimov M.M.*

ESPECIALLY THE ARMED DOMESTIC CONFLICT

This article is dedicated to the armed domestic conflict of our time, review the main approaches to the phenomenon, characteristics and typology of this kind of conflict.

Keywords: *conflict, political conflict, internal political armed conflict, an ethno-political conflict, the confessional conflict, separatism, terrorism.*

УДК 1(091):130.2(045)

Абишева Ж.Р., Мейрманова Г.А.

ВЕРОУЧЕНИЕ О ДУШЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается вероучение о душе. Цель данной статьи найти обций знаменатель идей о душе, выявить смысл учения о душе и загробном мире. Авторы постарались дать список исторических периодов по заданной тематике. А также говорить о наличии вещей в могильниках, красной охры или же «похоронного имущества», или как его по-другому, в археологии называют «инвентаря» в любую эпоху, а так же ориентирование могилы на восток, эмбриональное положение – подтверждают веру людей в загробную жизнь, свидетельствует о старании связать судьбу души с движением солнца, надежде на воскресение, продолжения человеком своих занятий в ином мире. Авторы статьи сошлись во мнении, что учение о душе, в своем роде, с древнейших времен по наши дни поддавалось эволюции. Так I исторический этап – период анимизма и магии, человек наделял все сущее духом, душой. Это обстоятельство подвигло его на мифологизацию появления сущего. От которого будут дальше появляться первые культы и религии, обычаи и традиции. II исторический этап учения будет называться гелозоизмом. То есть, при нем появляются первые философские системы отделившиеся от мифов и определяющий каждого индивида способного руководствоваться на свой план и опыт, ценность которого определя-

лась степенью близости к миропорядку. III исторический период схоластики и томизма (в современный период неотомизма.) И IV период – неотомизм – христианская адаптация философии. Смысл учения о душе – в воспитании нравственности.

Ключевые слова: *эпоха палеолита, бронзовый век, учение о душе, мифология, переселение души, погребения, традиции, эволюция идей, исторический период, похороны.*

С незапамятных времён человек задавался вопросами: а есть ли душа? куда мы попадаем после смерти, какие свойства есть у души и что она из себя представляет? На данные вопросы очень трудно ответить и по сей день. Чтобы хоть как-то разобраться в данной проблематике (проблеме), нам следует обратить внимание на развитие философской мысли на протяжении тысячелетий, на религиозную эволюцию идей, а также на научные исследования в областях физики, медицины и психологии. Для такого большого пласта информации, необходим чёткий план, который мы составим далее.

К примеру, составим нижеследующий список исторических периодов; далее из каждого периода приведём яркие исследования культур по заданной тематике:

1) Эпоха Палеолита (зачатки религии и мистичности, наскальные живописи, магия, похоронные обряды).

2) Эпоха Неолита (неолитические религии, захоронения).

3) Эпоха бронзы и античность (мифы и легенды, первичная философия, школы).

4) Эпоха Железа и раннего средневековья (мировые религии, религиозные доктрины и начальный гуманизм).

5) Эпоха просвещения и новое время (новая психология).

Цель исследования: найти общий знаменатель идей о душе, выявить смысл учения о душе и загробном мире.

1. Душа – в религии, под этим термином подразумевается данная Богом бессмертная, духовная, бестелесная и независимая от тела сущность (природа) человека, его «двойник», активное начало, которое, находясь в теле, определяет индивидуальные способности и личность человека, оживляет («одушевляет») его, а покидая – приносит смерть, сама же переселяется в потусторонний мир для вечной жизни или в другие существа (напр., в брахманизме, буддизме). 2. В истории философии термин «Душа» употребляется иногда в качестве синонима психики и выражает исторически изменявшиеся воззрения на психику и внутренний мир человека, отождествляемый с особой нематериальной субстанцией [12, с. 38–39].

Так как в палеолитический и неолитический период истории не было каких-либо письменных источников, мы будем анализировать состояние религиозных воззрений, исходя из исследований археологических памятников различных культур. С эпохи палеолита человек обращал внимание на явления природы и в его мышлении поселялся первобытный страх, затем появились мировоззренческие потребности в понимании устройства мира. Так, начиная с мустьерской эпохи, человечество, начинает хоронить своих сородичей. Бывает, что археологам попадаются черепа и нижние челюсти, которые относятся к гораздо более древним временам, к примеру, можно отнести такие останки в Чжоу-Коу-Тяне (датируемые 400–300 тыс. лет до н.э). Но речь о могильниках таких типов отнести трудно, т.к. сохранение данных остатков черепов можно объяснить религиозными причинами. Чаще всего такие обычаи были зафиксированы у австра-

лийских и других первобытных народов, – сохранять черепа умерших сородичей и носить их с собой во время кочевья остального племени. Такова была гипотеза В. Шмидта и А. Брейля, дополнявшие ко всему о месте людоедства в таких обществах [17, с. 11–12]. Один из ярких примеров современного ритуала похорон девушки у индейцев коги, племени обитающем в горах Сьерра-Невада-де-Санта-Марта в Колумбии описал Р. Долматофф, дабы оценить глубину религиозной символики и подчеркнул, что индейцы коги отождествляют мир как чрево Всеобщей Матери с каждым селением и культовой постройкой, с каждым жилищем и могилой [17, с. 13].

Наличие вещей в могильниках, красной охры или же «похоронного имущества», или как его по-другому, в археологии называют «инвентаря» в любую эпоху, а так же ориентирование могилы на восток, эмбриональное положение – подтверждают веру людей в загробную жизнь, свидетельствует о старании связать судьбу души с движением солнца, надежде на воскресение, продолжения человеком своих занятий в ином мире. 2. Заостряя внимание на неолитическом периоде всеобщей истории человечества, приведем некоторые сведения о загробной жизни в мировоззрении бурят и тюрков по исследованиям могильников этой эпохи, расположенных в Западном Забайкалье: Фовановский могильник, расположенный на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фованской горы, сочленяющейся с высокими террасами р. Селенги, (все погребения расположены на гипсометрических уровнях 25–40 м над современным уровнем реки; могильник Бухсан, расположенный на краю 12-метровой береговой террасы оз. Исинга, примыкающей к горе Бухсан. В данных местах прослеживается отнесенность одиночных погребений к горам или возвышенностям. Возможно, в неолитический период, горы воспринимались как начало пути в потусторонний мир [15, с. 72].

В традиционных культурах горы часто считают местом стыковки Неба и Земли, отсюда, можно перейти с одной области Космоса в другую. Умереть – значит «проникнуть по ту сторону» [16, с. 31]. По сакральным представлениям тюрков-монголов, гора представляет транзитный пункт двух миров небесного и земного и полисемантическим знаком: «смерть-возрождение» и др. [1, с. 40–44]. Как было подчеркнуто выше все памятники расположены так же у воды. Вода – символизирует всякое творение, в погребальных обрядах –

обеспечивает посмертное возрождение. Вода является противоположностью статического, структурированного земного мира. Она отделяет мир тел от духов [7, с. 112]. Могилы предков придают сакральность родовому пространству [6, с. 321]. У народов Бурятии считается грехом хоронить на новом месте в уединении, в таком случае, дух покойника может забрать с собой живых людей [13, с. 7–19]. И потому чаще всего кладбища обязаны располагаться там, где нет поселений в ином пространстве – времени, «уравновешивающее» поселения живых [10, с. 86]. Таким образом, опираясь на новые знания археологии, этнографии могут приблизить нас к пониманию мировоззренческих комплексов охотников и рыболовов, которые расселялись на территории Забайкалья и северо-восточной Монголии в эпоху неолита – ранней бронзы.

3. У разных культур и разных народов бронзовый век начался и закончился по-разному. Хронологические рамки этого периода – 40–15 вв. до н.э. К цивилизациям эпохи бронзы можно отнести: древнеегипетскую, шумеро-аккадскую, хараппскую, крито-микенскую и месоамериканскую, и некоторые лесостепные и среднеазиатские цивилизации. У каждой из этих цивилизаций свои религиозные мироощущения на концепцию мироустройства. И самое значимое достижение эпохи бронзы это - письменность, что облегчает изучение культурного наследия племен и целых цивилизаций. И так с самых первых своих шагов египтология уделяла большое внимание изучению египетской религии. Сам Франсуа Шампольон опубликовал труд по этой теме [18]. Сохранение тела в древнем Египте было необходимым требованием воскресения в загробном мире и обретения вечной жизни. Мумия обертывалась льняными бинтами, между которыми помещались многочисленные амулеты, предназначенные оберегать умершего от враждебных демонов преисподней. Украшенную портретной маской мумию укладывали в деревянный расписной гроб (или несколько гробов), а затем в массивный каменный саркофаг. Пышность погребения и количество погребальной утвари варьировалось в зависимости от социального и имущественного положения покойного. Далее после смерти телесной оболочки должна пройти через 3 этапа, которым соответствовали 3 этапа церемонии погребения фараона. **Первый этап** – нисхождение в подземный мир, где живут демоны-разрушители. Следовало пройти через 9 дверей, каждую из которых охраняют гении, нужен ключ. Самое большое испыта-

ние – прохождение через девятую дверь, где происходила встреча со змеей, кольца которой означают привязанность к миру. **Второй этап** – пребывание в сердце подземного мира, где человек встречался с собственной тенью. Демоны тьмы – отражение его недостатков терзали душу и задача состояла в том, чтобы сила света оказалась сильнее своей тени. Если эта борьба проходила успешно, то умерший вновь пробуждал 3 основных качества своей души. **Третий этап** – этап преображения. По образу и подобию солнца необходимо было пройти через 12 часов дня. Третьему этапу соответствовала церемония отверзания сердца, проводившаяся в пирамиде Хуфу. Далее душа должна победить границы пространства и времени. После этого она, пройдя формы, обретает тело Славы и достигает Дуата (высшее, самое требовательное достижение пути движения души). После прохождения всех испытаний, душа оказывалась в чертоге Маат (месте пребывания 42 богов), представала перед лицом Осириса и 42-х богов, окружавших его. Умерший произносил «Исповедь отрицания», включавшую 42 пункта. А затем проходила процедуру взвешивания сердца: на одной чаше весов помещалось сердце, на другой перо богини Маат. Если равновесие весов не нарушалось, душа оправдывалась, если тяжелее, то сердце пожирало чудовище Ам-Мит (обратная сторона Сфинкса). Только в самой чистой душе, не может быть найдено никакого зла, и она провозглашается Хакхеру – тот, кто говорит правду, его сердце легче пера Маат. В противном случае душа вынуждена воплощаться раз за разом, двигаясь к обретению мудрости. Светлая душа, Хакеру, имеющая право путешествовать на ладье миллионы лет вместе с Осирисом может тоже воплотиться, но только из сострадания. Если сердце такое же, как перо Маат, то душа получает титул слуги Осириса и рождается на Земле ради поиска мудрости [19, р. 24–27].

Данные по загробной жизни в древнем Египте описывается в их священной книге мертвых – своего рода путеводителя по ту сторону, которая называется Амдуат. Религиозные обряды имели большое значение в жизни египтян и вне храмов, например при рождении, но, к сожалению, о них мало что известно. В Шумере, Вавилоне и Аккадском царстве были тоже свои соображения религиозного толка по поводу души и ее странствий вне телесного опыта (астральной проекции) как и в древнем Египте. И так в настоящее время сохранилось около 150 письменных памятников

в виде фрагментов. Так один из таких мифических письменных источников рассказывают об умирающих и воскресающих божествах «Хождения Инаны в преисподнюю». В таких мифах рассказывается о неумолимом подземном царстве мертвых в который попадают боги, смертные и герои. В данной же мифе показывается о смене жизни и смерти и лета-зимы. Одно божество отдает себя вместо другого, уходя по ту сторонний мир. В древней Индии же полагали, что жизнь природы и человека зависит от богов (дэвов) – существ, подобных людям, но превосходящих их могуществом. Одним из основополагающих было учение о карме. По представлениям древних индийцев, тело смертно, душа вечна, после смерти она переселяется в другое тело, в зависимости от поведения человека в прошлой жизни. Понятие карма («действие») означает не только поведение, но и воздаяние, с которым оно составляет единство. Если человек чист и благочестив, то он разрывает свои следующие перерождения в колесе сансары и отдает душу создателю (Брахме). Главный путь к хорошей карме – строгое соблюдение ритуала и своего места в системе варн, так как эта система божественного происхождения подробно представлена в Ведах – сборнике религиозных гимнов, ритуалов. Но для это необходимо освободиться от скверны, полюбить мир и не сопротивляться трудностям жизни, а также не обижать и не убивать слабых и беззащитных [8, с. 14]. Учение о душе было ярким и у других народов, в особенности в Древней Греции (Элладе) и Древнем Иране (по древнейшей религии зороастризме и ее священной книге «Авеста»). На Западе Ирана в эпоху Заратустры, практиковалось сожжение трупов и захоронение их пепла в урнах. На востоке Ирана практиковалось ритуальное оплакивание мертвых и нанесение себе ударов, иногда убивавших самого скорбящего. Но зороастризм строго запрещает «слезы и плач», называя их измышлением Ангро-Майнью (Бог Зла) [14, с. 89].

По еще более древнему обычаю, типичному для степей Центральной Азии, мертвецов оставляли в специально отведенном месте на съедение собакам и стервятникам. Что касается жизни души после смерти, то здесь мы встречаем некоторые знакомые мотивы: переход через мост, вознесение на небеса, суд, а также нечто новое – тему встречи с самим Собой. Попробуем выделить здесь характерные черты: 1) душа встречает свою **даэну**, т.е. свое собственное Я, которое ей предшествует («как бы ни была я мила»), но которое в то же

самое время есть результат религиозной деятельности души в земной жизни («ты сделал меня еще милее»); 2) даэна предстает в архетипизированном облике женщины, имея в то же время конкретный образ; 3) перед нами определенно индоиранская концепция, поскольку она встречается в «Каушитаки-упанишаде» I 3–6: душу того, кто пускается в путь по «дороге богов» (*devayāna*), приветствуют, среди прочих божеств, *Mānāsī* («Умная») и *Cākshushī* («Ясновидящая»); затем душа переправляется через озеро и поток, входит в город и предстает перед Брахманом, который вопрошает ее: «Кто ты?» [11, с. 151–152].

В Древней Греции формально до VI в. до н.э. многие явления, в особенности: жизнь, старость, смерть списывались из мифологических суждений о мире. В этом случае понятие о душе тоже было мифологизировано. Так после смерти душа покойного отправлялась в Аид (царство мертвых, где при помощи перевозчика душ Харона переправлялась через реку Стикс в мрачное и печальное царство навечно). Такой перевоз души через реку встречается в мифологии у древних вавилонян (поэма о Гильгамеше). Далее, душа была осуждена на вечные муки в виде неприкаянного странствия в мире мертвых, если она была не чиста, либо отправлялась на Елисейские поля (Рай, праведники), особые богохульные поступки при жизни покойником, по ту сторону наказывались сбросом такой души в самый мрачный чертог Аида – (Тартар), в котором были заточены титаны, а также оскорбившие богов вольнодумцы и люди, потерявшие мораль. Аид нельзя было избежать, но порой в мифах греков встречаются исключения как например «о 12 подвигах Геракла», «Психея и Эрот» и др. [9, с. 11].

Уже в VI в. до н.э в Древней Греции началась развиваться философия, отделившаяся от мифологии. Были созданы различные школы «разума»: **Элейская школа**, **Милетская школа**, **Пифагорейская** и т.д. Приведем некоторые положения античных философов о душе. Душа мыслилась **Аристотелем** как способ организации живого тела, действия которого носят целесообразный характер. Он считал душу присущей всем живым организмам и подлежащей объективному, опытному изучению. Душу от тела нельзя отделить. Она не может существовать без тела и тело тоже не может существовать без души. Душа сама не учится, но тело учится благодаря, развивается, действует. Душа по Аристотелю имеет способности: растительную, чувственную, умст-

венную. Центральным органом души был не мозг, а сердце, связанное с органами чувств и движений посредством циркуляции крови (ассоциативная психология) [3, с. 371–448].

Пифагор, понимал душу как гармонию тела, правильное, численное сочетание их взаимных отношений. Пифагор основал свою школу пифагорейцев. Пифагорейский союз был организован по образцу египетских орфических общин, поэтому у пифагорейцев повторялись орфические предписания: воздержание от употребления животной пищи, шерстяной одежды и бобов. Пифагорейский союз был организован по образцу орфических общин, поэтому у пифагорейцев повторялись орфические предписания: воздержание от употребления животной пищи, шерстяной одежды и бобов.

Пифагорейцы верили в переселение души, а значит, душа может вселяться во все переносимые выше вещи и в живые организмы, которых убивать не стоит. В антропологию пифагорейцев вошли учения о духах, героях и демонах, и Целлер признает это учение подлинной и древнейшей частью философии Пифагора. Левкипп и Демокрит выдвинули естественное учение о душе. По Демокриту душа смертна, после смерти распадается на атомы.

Демокрит считал, что **всё состоит из неделимых бескачественных элементов**, различающихся формой (круглые, с крючками, неправильной формы) и величиной. Кроме того, они занимают разное положение в вещах. Позднее эти элементы были названы атомами (но у самого Демокрита такого слова не было). По Демокриту **душа** состоит из особых круглых и мелких атомов, подобных огню. В разных частях в разной пропорции находятся атомы. Локализация функций. В сердце – образуется гнев, в мозгу – мышление, в органах чувств – восприятие, печень – чувственное желание. Смерть – естественный процесс, когда из тела уходят атомы души, и получается только телесный механизм. Функция души – причина всех движений. Движения – изменения в теле (мышление, движение). Душа смертна по отношению к телу, но атомы рассеиваются в пространстве. Это общее учение о душе у Демокрита материалиста-философа. 4. Эпоха раннего железа подарила миру всемирно-масштабные религии – буддизм, христианство и ислам. Как известно в истории человечества в эпоху владычества Древне-Римской империи, простиравшейся от Пиренейского полуострова до Ближнего востока уже в I в. н.э. начинается распространение христианства, что повлекло за собой характерное учение о

душе, как о Божественном начале человека. После эллинизма и падения Западной Римской империи начинается формироваться первичная психология отделившаяся от философии и еще связанная с религиозной концепцией мира. Одним из представителей учения о душе в Европе становится теолог-философ **Августин Блаженный (354–430 гг. н.э.)**. Он считал душу и тело создал бог, а душа в своем отношении познает мир 5 телесными чувствами: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Также у человека имеется «6 чувство», которое предполагает физический контакт органа чувств со своим объектом. Душа является первенствующим началом (характерно для платонизма), а тело человеческое для нее «оковы». Единство души и тела придает человеку особый статус мировой иерархии. Человек является как бы посредником между царством духа и царством материи: «Все творение реализовано в человеке, ибо он мыслит разумом и чувствует, и движется телом в пространстве» [2, с. 93]. **Фома Аквинский (1225–1270)** – ортодоксальный учитель церкви, теолог философ, который утверждал, что «не будучи связана с материей, человеческая разумная душа не погибает со смертью тела». Поэтому разумная душа носит у Фомы имя «самосущего». В отличие от нее, чувственные души животных не являются самосущими, а потому они и не имеют специфических для разумной души действий, поэтому души животных погибают вместе с телом, тогда как человеческая душа – бессмертна, она есть самое благородное в сотворенной природе. Аквинский вводит понятие полных и неполных субстанций. Полной субстанцией является человек как единство тела и души, душа же, взятая отдельно, представляет собой неполную субстанцию. Тело не является оковами души, напротив, их соединение – благо для души [5, с. 124]. 5. **Р. Декарт и Б. Спиноза**, со своей стороны, желая подчеркнуть, что душа человека – это *идея*, что в ней нет ни одного грана материи, заменяли слово *anima* более подходящим, по их мнению, словом – *mens* (ум, мысль, сознание, дух). Декарт писал, что предпочитает говорить о «духе» (*mens*) – «а не о душе, поскольку слово «душа» (*anima*) двусмысленно и часто применяется к телесной вещи» [4, с. 124].

При всех различиях учений о душе Декарта и Спинозы, в основе их лежит некий общий момент, крайне важный для философии и психологии, и, однако, ускользнувший от внимания равным образом их последователей и противников. Дело в том, что между человеческой

душой и телом *нет никакой противоположности*. А есть простая *разность*. Это не противоположные, а лишь абсолютно разные по своей природе субстанции (Декарт) либо разные модусы одной субстанции (Спиноза). Они столь же мало противоположны друг другу, как числа и фигуры, или, как пространственный образ линии и ее алгебраическая формула. В известном смысле, формула есть *идея* геометрической линии, как у Спинозы дух есть «идея тела».

И так душа – это некая невидимая субстанция, которая как в религии, так и в философии движет человеком, она же наделяет его качествами и умениями. **В заключение** данной тематики хотелось бы подчеркнуть, что учение о душе, в своем роде, с древнейших времен по наши дни поддавалось эволюции. Так **I** исторический этап – период **анимизма и магии**, человек наделял все сущее духом, душой. Это обстоятельство подвигло его на мифологизацию появления сущего. От которого будут дальше появляться первые культы и религии, обычаи и традиции. **II** исторический этап учения будет называться **гелозоизмом**. То есть, при нем появляются первые философские системы отделившиеся от мифов и определяющий каждого индивида способного руководствоваться на свой план и опыт, ценность которого определялась степенью близости к миропорядку. **III** исторический период **схоластики и томизма** (в современный период неотомизма.) И **IV** период – неотомизм – христианская адаптация философии. Смысл учения о душе – в воспитании нравственности. Нравственность формируется из божественных законов данных человеку. Натурфилософия, а позже и официальные религии дают понимание жития человека в гармонии с природой, не нарушения законов Бытия. Нарушение законов бытия карается «Судом высшим, который не подвластен звону злата».

Список использованных источников

1. *Абаева Л.Л.* Культ гор и буддизм в Бурятии: (Эволюция верований и культов селенгинских бурят). – М., 1992.
2. *Августин Абель.* Об истинной религии. Теологический трактат. – Мн.: Харвест, 1999. – (Классическая философская мысль).
3. *Аристотель.* Соч. в 4-х т. – М., 1976. – Т. 1.
4. *Декарт Р.* Соч. в 2-х т. – М., 1989–1994. – Т. 2.
5. *Аквинский Ф.* Сумма теологии. – Киев, 2002.
6. *Жамбалова С.Г.* Профаный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). – Новосибирск, 2000.
7. *Зубов А.Б.* История религий. Кн. 1. Доисторические и внеисторические религии. – М., 1997.

8. *Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. – М., 1968.
9. *Кун Н.* Легенды и мифы Древней Греции. – М., 2009.
10. *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988.
11. *Мирча Э.* История веры и религиозных идей. – М., 2002. – Т. 1.
12. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998.
13. *Хангалов М.Н.* Мифы космогонические и этиологические / Собр. соч. – Улан-Удэ, 1961. – Т. 3.
14. *Шишова Н.В., Акулич Т.В.* История и культурология. – М., 2000.
15. *Элиаде М.* Космос и история. – М., 1987.
16. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. – М., 1999.
17. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. В 3-х т. – Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий. – М., 2002.
18. *Champollion Fr.* Le pantheon egyptien. – Paris, 1823.
19. *Nyberg.* Die Religionen des Alten Irans. – Leiden, 1972.

Abisheva J.R., Meyrmanova G.A.

CREED THE SHOWER IN A HISTORICAL PHILOSOPHY

The article discusses the doctrine of the soul. The purpose of this article to find a common denominator of the ideas of the soul, to reveal the meaning of the doctrine of the soul and the afterlife. The authors have tried to give a list of historical periods on a given topic. And also indicate the presence of things in the cemeteries, red ocher or "funeral property," or as it differently, in archeology called "inventory" of any age, as well as the orientation of the graves to the east, fetal position - reaffirm people's faith in afterlife, shows diligence to link the fate of the soul with the movement of the sun, the hope of the resurrection, the man continued his studies in the other world. The authors agreed that the doctrine of the soul, of its kind, from ancient times to today defied evolution. So I stage- historical period of animism and magic, a man endowed all things in spirit, soul. This fact inspired him to mythologizing the appearance of things. From whom will appear first on cults and religions, customs and traditions. II historical stage exercises will be called gelo-zoizmom. That is, when it appeared the first philosophical systems separated from the myths and defining each individual is able to follow his plan and experience the value of which is determined by the degree of proximity to the world order. III historical period of scholasticism and Thomism (in the modern period of neo-Thomism.) AND IV period - Thomism - Christian adaptation of philosophy. The meaning of the doctrine of the soul - in the education of morality.

Keywords: Paleolithic, Bronze Age, the doctrine of the soul, mythology, transmigration of the soul, burial traditions, the evolution of ideas, historical period, the funeral.

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается влияние военного потенциала на государство и политический режим, как формируется национальная военная и политическая культура в современном конкурентном глобальном мире. Предпринят критический анализ исследований С. Хантингтона о политической роли офицерского корпуса в политическом и государственном управлении. Показано, что военные профессионалы, офицеры являются специалистами по управлению насилием и призваны осуществлять монопольное легитимное насилие. Военные являются естественной частью среднего класса и защитниками традиций и эволюционных путей развития общества и государства. Вестернизация российского общества могла стать препятствием для сохранения национальной суверенной государственной идентичности и конкурентоспособности России.

Ключевые слова: *военно-кадровый потенциал, национальная политическая культура, управление насилием, монополия на насилие и конкурентоспособность государства.*

Военно-политический потенциал, или наличие возможностей, инструментов и ресурсов для военного обеспечения социально-политической устойчивости государства как основного института политической системы в современных условиях разделения человечества на конкурирующие государства и блоки государств имеет в своей структуре две составляющие подгруппы. Во-первых, военный потенциал, в т.ч. военно-кадровый, военнаучный, военно-промышленный, военнотехнический, военно-социальный. Во-вторых, политический потенциал, формы и механизмы использования или намерений политической власти использовать военную составляющую, военные ресурсы государства.

Степень влияния военного потенциала на государство в силу объективных исторических, культурных, социально-политических, экономических, географических, климатических причин у разных народов значительно колеблется, но всегда является неотъемлемым, а в состоянии политической бифуркации политических режимов – определяющим вектор развития фактором при принятии решений в государственном управлении. В России на

протяжении веков и независимо от политического режима военный потенциал был и остается активным субъектом государственной политики.

В военном потенциале государства основным компонентом является военно-кадровый, или военный профессиональный потенциал. Как российские, так и зарубежные политические мыслители периодически исследуют влияние военных профессионалов, офицерского корпуса на государственное управление, на политическую стабильность и успешность государства в конкурентном глобальном мире.

Среди признаков государства как основного института политической системы наука выделяет два, которые представляют интерес в контексте темы данной статьи. Это наличие выделенного из общества аппарата управления, профессионально подготовленных, назначенных или избранных в результате волеизъявления граждан высших государственных служащих, а также исключительная монополия государства на легитимное насилие.

Американский политолог С. Хантингтон исследовал роль кадровых военнослужащих в государственном управлении, компетентность, ответственность, которые присущи в принципе любой профессиональной организации, где имеется высокая степень специализации и когда корпорация предоставляет свои коллективные услуги обществу в целом, как, например, дипломатическая служба [2, с. 50–52]. Но обращал особое внимание на военную профессию, поскольку существует профессиональная специализация, отличающая офицеров «от всех (или почти от всех) гражданских специалистов» [2, с. 53] государственного управления. Офицерский корпус управляет насилием. «Особое мастерство офицера проявляется в руководстве, управлении и контроле организованной массой людей, чьей основной функцией является применение насилия» [1, с. 53], на то, что «все профессии в той или иной степени регулируются государством, но военная профессия монополизирована государством. Мастерство офицера – в управлении насилием; он несет ответственность за военную безопасность своего клиента – общества» [1, с. 57]. С. Хантингтон, отмечая монополию государства

на управление насилием, считает, что отношения между офицером и государством строятся так же, как между продавцом и покупателем, предпринимателем и наемным работником. Представляется, что такая трактовка не в полной мере отвечает действительности, по крайней мере в российской национальной традиции и политической культуре. Патриотизм, верность гражданскому долгу, верность данному народу и государству присяге невозможно ограничить отношениями клиент – общество. После развала Советского Союза офицерский корпус постсоветской России, после продолжительных дискуссий в самых разных кругах как гражданского общества, так и в структурах государственного управления был освобожден от процедуры «переприсяги» Российской Федерации. Это способствовало сохранению внутрикорпоративной устойчивости среди профессиональных военных и социально-политической стабильности институтов российского государства. «Размывание» монополии государства на насилие является проявлением турбулентности государственного управления, слабости кадрового потенциала государства и ставит вопрос о существовании государства или по меньшей мере об изменении политического режима. События 2014–2015 гг. на Украине практическое этому подтверждение. Многочисленные парамилитаризированные, политизированные, националистические и территориальные формирования с сомнительными источниками снабжения и противоречивыми целями показывают несостоятельность украинских официальных органов государственного управления. Блокада Крыма крымско-татарскими националистами – показательный пример такой же бесперспективной политической технологии. С. Хантингтон исследовал роль военного потенциала в государственном управлении, в обеспечении устойчивости государства, показал некоторые механизмы ограничения участия профессиональных военных в политических процессах, один из разделов его известной работы «Третья волна: демократизация в конце XX века» называется «Проблема преторианцев: армия мятежная и могущественная» [2, с. 249]. Следует согласиться с С. Хантингтоном в том, что «попытки свергнуть новые демократические правительства проваливались, потому что организаторы переворотов не могли привлечь на свою сторону средний класс и другие группы, входящие в политическую коалицию, которая обеспечила возможность демократии» [2, с. 255]. Средний класс склонен к традициона-

лизму и консервативной идеологии, к сохранению достигнутого уровня стабильности своего общественного положения к постепенному, эволюционному характеру реформ. В России это социальные группы «self-made», т.е. «сделавшие себя сами», добившиеся успеха в сложных и противоречивых условиях трансформации благодаря собственной инициативе и упорству. Именно они заинтересованы в политической и социально-экономической стабильности, в сведении к минимуму вероятности социального взрыва. Им есть, что терять. Для политической власти расширение среднего класса представляет важнейшую социальную задачу. Расширение среднего слоя за счет социальной категории людей, экономической основой которых служит труд и знания, или выполнение определенных функций управления, а не частная собственность – задача государственная. Специалисты высокой квалификации, ученые, преподаватели, деятели культуры, врачи, офицерский корпус в стабильных государствах составляют значительную часть среднего класса. Во всех странах мира офицерский корпус – это граждане, имеющие высшее профессиональное образование. Продвижение по службе обусловлено обязательным повышением компетентности, практическим опытом и теоретической переподготовкой. Контрактный принцип комплектования силовых структур предполагает, что государство предлагает соискателю должности условия оплаты и прохождения службы не ниже средних, возможных для данного соискателя в других сферах деятельности. Помимо материальной заинтересованности, фактором поступления на службу в силовые структуры служит и соответствующая личная культурная, ценностно-политическая ориентация человека. По уровню доходов, образу жизни и месту в социально-политической структуре государства военнослужащие и сотрудники органов охраны правопорядка и национальной безопасности в государствах со стабильным политическим режимом относятся к среднему классу. Не случайно российское высшее руководство в последние годы последовательно решает задачи повышения жизненного уровня и социального статуса кадрового состава силовых ведомств после долгих лет плохо обоснованных военно-административных реформ, реорганизаций и ведомственных преобразований внутренних структур управления. Стало очевидным, что для целей политической стабильности необходимы преодоление низкого уровня жизни офицеров и модернизация Вооружен-

ных сил. В настоящее время законодательно закреплено правило, что оплата труда военнослужащих и приравненных к ним лиц не может быть ниже оплаты труда соответствующих им по уровню должности гражданских государственных служащих, социальные статусы военных и гражданских государственных служащих равны. Только в государствах с неустойчивыми политическими режимами уровень доходов военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов и силовых структур может зависеть от их внеслужебной предпринимательской деятельности (провоцирует приватизацию государственных функций, эрозию и угрозу распада государства), поэтому именно на государственной власти лежит обязанность гарантировать военному потенциалу достойный социальный статус во имя политической стабильности.

Вместе с тем, следует заметить, что преторианцы, преторианская гвардия – это личная охрана римских императоров и полководцев, поэтому использовать это обозначение для всей армии или всех силовых структур – не представляется корректным. Задача армии, вооруженных сил – стоять спиной к своему народу, защищать и обеспечивать безопасность от внешних для государства угроз. В российской национальной военной культуре вопрос не в обеспечении безопасности клиента (общества), в верности своему Отечеству, в обязанности и патриотическом праве и желании в соответствии с Военной присягой «защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество» [3]. Тексты присяги в политической истории России изменялись, но оставалось неизменным соединение, а не разделение в национальном сознании, в сознании военного профессионала, офицера, государства и народа, общества и государства. Такое единство отечества, общества и государства отличает российскую военную традицию от англосаксонской. Кроме того, зависимость военного потенциала от национального сознания, национальной культуры, взаимозависимость и взаимовлияние, органичный симбиоз материального и духовного, техники и национальной идеи отметил философ, мыслитель мирового масштаба Н.А. Бердяев, когда обосновывал нематериальность, не полное тождество техники и патриотизма военных. Но материально-техническое оснащение армии, как отмечал Н.А. Бердяев в годы I мировой войны, влияет на боеспособность армии, поэтому ошибочно их противопоставлять и недооценивать взаи-

мозависимость духовных и материальных факторов: «Проблема "духа и машины" имеет огромное значение для русского сознания, она предстает перед Россией как проблема ее будущего... Материальная отсталость и элементарность не есть сила духа» [4, с. 201]. Что еще раз подтверждает роль военного потенциала в государственном управлении и политической стабильности.

Политическая культура – составная и основополагающая в часть общей многообразной культуры образа жизни народа. Политическая культура оказывает доминирующее влияние на поведение граждан во время периодических электоральных циклов в разнообразных парадигмах политических режимов. Конкретно-историческому обществу или политическому режиму соответствует определяемая их историческим развитием модель национальной политической культуры. Первым термин «политическая культура» ввел в научный оборот немецкий философ XVIII в. И. Гердер, характеризовавший политическую культуру как проявление национальных особенностей органической этнической группы, которой свойственно единство языка, культуры, единство «национального духа». Характер нации определяется природно-климатическими условиями, географией среды обитания, которые формируют жизненный уклад и трудовые навыки. Национальная культура отражает самосознание народа, уважение и сохранение национальных традиций, коллективной памяти и готовности не только к созиданию, но и защите национальных ценностей, как материальных, так и духовных. Политическая культура и политический режим не могут не иметь национального контента. Военные как составная часть среднего класса в большинстве своем привержены консервативным ценностям. Среди многих работ российских политологов по проблемам идеологии консерватизма и неоконсерватизма применительно к исследуемой теме можно выделить работы российского политолога проф. Ю.В. Ирхина, утверждающего: «Любая модернизация с точки зрения консерваторов должна опираться на традицию и авторитет. Стремление к стабильности политических институтов сочетается у консерваторов с признанием важной регулирующей роли государства и государственной собственности в развитии страны при соответствующей поддержке рыночных отношений. Личные права и свободы в консерватизме признаются приоритетными, как выражение фундаментальных законов природы, но дополняются обязанностями человека перед об-

ществом и государством. В духовном факторе приоритет отдаётся религии. В ней консерваторы видят необходимые основания морали, взаимосвязи человека, общества, культуры и власти, стабильности государственного развития» [5, с. 23]. Таким образом, в политической науке прослеживается корреляция между терминами «национальная культура» и «национальный дух», что дает веские основания сомневаться в универсальности парадигм политических режимов для народов, имеющих разную историю, разные условия и ресурсы для конкурентного существования в современном мире. В истории России при подготовке военных кадров никогда не прерывалась преемственность патриотическая и преемственность профессиональная, достаточно проследить биографии выдающихся военных и историю военных учебных заведений. Военные учебные заведения, меняя названия, структуры и учебные планы, всегда старались готовить высокопрофессиональных защитников Отечества, а не преторианцев. Примером может служить история Вольского военного института материального обеспечения, филиала Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. Школа кантонистов, военная прогимназия, кадетское училище, авиационная школа и военные училища разного профиля и уровня образования, современный военный институт, оснащенный в соответствии с лучшими стандартами – в этих стенах всегда воспитывали военных профессионалов и патриотов-государственников. До Октябрьской революции 1917 г. в патриотическом воспитании большую роль играли священнослужители православной церкви, спустя почти сто лет такая традиция вернулась. Кратко, но поучительно, как пример формирования национальной военной культуры, изложена история Вольского института в монографии протоиерея Михаила (Воробьева), в которой показано, что даже из самых трудных подростков (Вольское кадетское училище было неким подобием военной исправительной школы для нарушителей дисциплины) готовили военных специалистов, не бросали на произвол судьбы, воспитывали патриотов [6, с. 77]. Религиозная культура, военная культура в подготовке военно-кадрового потенциала проявлялись как составные части национальной политической культуры.

Значительный вклад в теорию политической культуры внесли политологи и политические психологи США и Великобритании при разработке рекомендаций по денацификации Германии после II мировой войны, а также для обоснования холодной войны с СССР и поиска

способов деморализации социальных групп советской элиты (политической, научно-технической, культурной и т.д.). Была поставлена задача переформатирования национальной военной культуры. Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба исследовали уровни политической культуры на примере США, Великобритании, Германии, Италии и Мексики и сделали вывод, что политическая культура проявляется в форме гражданской культуры, в отношении граждан в институтам государственного управления имеет три уровня (патриархальный, подданнический, культура участия) и все три уровня в социуме могут существовать [7]. Стала классической в современной политологии их работа «Гражданская культура». Интересно, что в России частичный перевод на русский язык работы Г. Алмонда и С. Вербы был сделан в престижном политологическом журнале «Полис» под достаточно красноречивым названием: «Гражданская культура и стабильность демократии», то есть российская политологическая мысль адекватно оценивает влияние политической культуры на корреляцию и устойчивость политического режима в условиях современных практических технологий и контентов демократии [8]. Путем влияния на политическое сознание и на формирование политической культуры можно воздействовать целенаправленно и эффективно на внутривнутриполитические процессы в тех государствах, где требуется «скорректировать» политические режимы. Наиболее устойчивой, адекватной и критически настроенной к ценностям западной культуры в России оказалась военная культура, как сфера национальной культуры, представляющей мнения, самосознание и образ жизни традиционно ориентированной на устойчивое социально-экономическое и эволюционное политическое развитие части российского социума, занимающей важное место в государственном управлении. В политической истории России профессиональное умение управлять насилием и монополия на легитимное насилие всегда были одним из определяющих факторов трансформации политических режимов.

Военная культура – неотъемлемая и составная часть национальной политической культуры. Проф. М.Н. Грачев исследовал проблему устойчивости национальной культуры под внешним влиянием западных парадигм политической культуры и модернизации государственного управления в переходных политических режимах, обосновал выделение гражданской культуры (культуры избирателей в

государстве) в четвертый уровень политической культуры для обеспечения возможностей осуществлять постоянные «попытки искусственной вестернизации национального самосознания незападных обществ, которые можно охарактеризовать как «культурный империализм», данный термин – это не просто теоретическая метафора, он означает вполне конкретную политику в области культуры, которой присущи следующие основные черты: 1) перенесение ценностей и культурных стереотипов высокоразвитых стран на развивающиеся страны; 2) насаждение одной национальной культуры в качестве универсальной и господствующей, угрожающей национальной самобытности других стран; 3) стремление использовать культуру для достижения политических целей, идеологической пропаганды и завоевания позитивного имиджа; 4) подчинение политики культуры транснациональным монополиям, стремящимся к контролю индустрии культуры в глобальном масштабе» [9, с. 111].

Привнесение в российский военный потенциал западных ценностей и образа жизни не получилось. В частности, российская военная культура не восприняла гражданского министра обороны. Когда министр в штатском принимал военный парад на Красной площади в Москве, при всех остальных сохранившихся традиционных атрибутах праздничных парадов, это воспринималось по меньшей мере с недоумением даже самыми либеральными гражданами.

Военный потенциал на современном этапе политической глобализации объективно показал свое значение для сохранения национальной суверенной государственной идентичности и конкурентоспособности России.

Список использованных источников

1. Хантингтон С.П. Офицерская служба как профессия / Хантингтон Сэмюэл П. // Отечественные записки. – 2002. – № 8. – С. 49–60.
2. Хантингтон С.П. Третья волна: демократизация в конце XX века / Хантингтон Сэмюэл П.; [пер. с англ. Л.Ю. Панфиной]. – М.: РОССПЭН, 2003.
3. Военная присяга: Министерство обороны РФ. [Эл. ресурс] URL: <http://recrut.mil.ru/career/conscription/oath.htm> (дата обращения 29.01.2016).
4. Бердяев Н.А. Дух и машина // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007.
5. Ирхин Ю.В. Системный анализ доктринальных основ консерватизма и неоконсерватизма / Ю.В. Ирхин // Актуальные проблемы политики и политологии в России : сб. науч. ст. / Российская

акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С. 13–32.

6. Протоиерей Михаил (Воробьев). Кантоницы, кадеты, курсанты... Из истории военного образования в городе Вольске / Протоиерей Михаил (Воробьев). – Саратов: ОО «Орион», 2013.

7. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton University Press, 1963.

8. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. – 1992. – №4. – С. 122–134.

9. Грачев М.Н. Концепция типов политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы как инструмент вестернизации национального самосознания незападных обществ / Проблемы российского самосознания: философия Льва Толстого: Материалы VI Всероссийской научной конференции с международным участием (20–22 мая 2010 г.) / под ред. С.А. Никольского и И.А. Батаниной. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2010.

10. Ганчар Г.М., Шамаев А.О. К вопросу о системности нравственно-патриотического воспитания в учреждениях военного образования Российской империи 2-й пол. XIX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. – С. 26–31.

Boiko S.I.

THE MILITARY POTENTIAL OF THE STATE IN NATIONAL POLITICAL CULTURE

The article discusses the influence of military potential on the State and political regime, how is formed the national military and political cultures in the modern competitive global world. Undertaken a critical analysis of research S. Huntington about the political role of the officer corps in a political and public administration. It is shown that the military professionals, officers are specialists in the management of violence and are called to exercise a monopoly of legitimate violence. The military are a natural part of the middle class and defenders of tradition and the evolutionary ways of development of society and the State. Westernization of Russian society could become an obstacle to the preservation of national sovereign state identity and competitiveness of Russia.

Keywords: military human resource potential, national political cultures, management of violence, a monopoly on violence and competitiveness of the State.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ

В статье поднимаются проблемы развития и функционирования современной российской военной журналистики. Обращается внимание на состояние вневедомственной военной журналистики, включающей в себя общенациональные российские газеты. Ставится дискуссионная проблема журналистского образования в области военной журналистики.

Ключевые слова: *военная печать, журналист в зоне военного конфликта, военный дискурс, профессионализм военного корреспондента, специальность «военная журналистика».*

Военная журналистика является составной частью системы российских СМИ, следовательно, в этом же ключе следует изучать и главные тенденции развития отрасли. Она развивается в контексте социально-политического развития государства, имеет те же национальные особенности и традиции. Общеизвестный факт: начало военной журналистике было положено Петром Великим, приказавшим «...о воинских и всяких делах... печатать куранты...». А в памяти старшего поколения военных корреспондентов, историков печати хорошо налаженная индустрия военной прессы советского периода, которая безвозвратно ушла в историю. Трансформация всей системы российской журналистики сказалась и на военной медиасфере, которая продолжает формироваться в новейший период развития страны. В зависимости от целевой аудитории, как важнейшего типологического признака, характера учредителя, редакционной политики и формы собственности, выделяются ведомственная журналистика, отражающая официальную политику государства и Министерства обороны, и вневедомственная, «гражданская», рассчитанная на массовую аудиторию. В рамках данной статьи будут рассматриваться некоторые проблемы, связанные именно с «гражданской» военной печатью. Периодические издания, являясь подсистемой военной профессионально-коммуникативной области, представляют собой важный информационный канал, подчиненный интересам политической и военной власти. Профессионально ориентированная пресса носит узкий специализиро-

ванный характер. В ней освещаются темы и проблемы для профессионально подготовленных в военном деле специалистов. Наряду с ведомственными военными СМИ, активное развитие получает вневедомственный сектор печати, нашедший отражение в приложениях, специальных рубриках и целевых полос массовых общественно-политических изданиях. На современном этапе относительно целостное военно-информационное пространство включают в себя массовые общественно-политические издания: «Независимое военное обозрение», «Российская газета», «Известия», «Комсомольская правда», «Новая газета». Под рубрикой «Армия» в «Известиях» освещаются военно-политические новости, новые виды вооружения и военной техники, даются авторитетные экспертные оценки, аналитические обзоры и комментарии. Не менее значим спецпроект «Армия» в правительственной «Российской газете», включающий следующие рубрики: «Главное», «Главная военная прокуратура отвечает», «Важные документы», «Господдержка военнослужащих», «Реформа в армии», «Призыв», «Оружие», «Организации». Такой проблемно-тематический спектр свидетельствует об особом внимании правительственной газеты к военной тематике, связанной с формированием положительного имиджа Вооруженных сил страны. Надо подчеркнуть, что военная тематика не выделяется особо из общего информационного потока. Как заметил Анатолий Стасовский, заместитель директора по редакционно-издательской деятельности ФГБУ «Объединенная редакция МЧС России», полковник запаса ВС РФ, «чтобы читать военную прессу, надо интересоваться этой темой [8]. «Гражданская» военная пресса имеет свои традиции и направления, также как и любая отраслевая журналистика. За последние годы военная журналистика редко становится предметом научного интереса исследователей. Более десяти лет был издан сборник «Современная военная российская журналистика. Опыт, проблемы, перспективы» [7]. К сожалению, это единственное издание, в котором достаточно полно и глубоко поднимаются темы и проблемы военных СМИ России.

Одна из ведущих тенденций современной военной журналистики – это медиатизация. Исторически сложилось так, что в процессе отбора новостей и формировании повестки дня – войны, в любом их проявлении, становились важнейшей частью медийной информации, сферой публичного обсуждения. Конфронтация международных отношений ведущих мировых государств, усиление военных конфликтов между странами приводят к тому, что военное и массмедийное насилие принимает сегодня тотальный характер. Особый характер в современной журналистике (печать, радио, телевидение, Интернет) принимает освещение военных новостей – локальных войн, военных конфликтов, военных преступлений или революций с применением насилия. Достаточно обратить внимание на первые полосы федеральных российских изданий, где приоритетными являются международные военно-политические конфликты. Драматическая картина военных событий, конструируемая с помощью СМИ и предназначенная для массовой аудитории, повышает ценность и привлекательность новости. Журналистика может формировать искаженный итоговый образ войны или военно-политического конфликта в общественном сознании. Политические, идеологические клише, насаждаемые СМИ, связаны с неотвратимостью и неизбежностью войны, приводят к социальной апатии, пассивности, нежеланием отстаивать мир.

Об особенностях работы журналиста в зоне военного конфликта точно выразился в радиозфире популярный телеведущий, военный журналист Роман Бабаян: «Интерес работы военного журналиста заключается в написании мировой истории, У тебя как у репортера стоит одна единственная задача – найти информацию, быть не просто фиксатором событий, но и вкладывать в текст свое отношение». В то же время он не игнорирует чрезвычайную опасность профессии военного корреспондента: «Ты чувствуешь себя потенциальной жертвой, когда находишься в зоне боевых действий» [2].

Профессиональные стандарты военной журналистики во многом диктуются нормами международного права, морально-этическими коллизиями, профессиональной культурой, включая языковые, речевые особенности военного дискурса. Использование специальной лексики и, одновременно, публицистических образов является основой языковой компетенции военного корреспондента. «Язык является инструментом социальной власти, власть осуществляется через язык, средствами языка» [10].

Средствами языка планируется результат речевой деятельности – военный дискурс, как конкретный продукт социальных отношений. Военная тематика в СМИ является инструментом влияния на политическое сознание аудитории. Исследователь Е.А. Кучинская уточняет: «Военный подъязык классифицируется как специальный язык военной науки, предназначенный для обслуживания коммуникации в военной сфере» [5]. К примеру, дискурс «Российской газеты» носит информационно-пропагандистский характер, и большая часть сообщений исходит из официальных правительственных источников, в частности, Министерства обороны РФ. К примеру, журналист Юрий Гаврилов в информационном отчете о совещании с главой ведомства С. Шойгу использует официально-деловую и специальную лексику. Информационным поводом для публикации послужила первая Всероссийская информационно-агитационная акция «Есть такая профессия – Родину защищать!». Перед журналистом стояла задача рассказать массовому адресату о новости, точно передать прямую речь выступления чиновника военного ведомства. Такие речевые обороты С.Шойгу, как *«престиж Российской армии действительно растет, и молодежь охотно связывает с ней свою судьбу»; «развитию авиации и подготовке высококлассных авиаспециалистов Минобороны придает особое значение»; «роль авиации в обеспечении безопасности и обороноспособности страны неуклонно возрастает»* [4] призваны отразить военно-политический курс государства. Другие тенденции, которые в рамках одной статьи можно лишь обозначить, а не раскрыть глубоко, это коммерциализация СМИ, изменение повестки дня военной журналистики, изменение характера аудитории военной прессы, поиски и использование новой коммуникативной площадки, в частности социальные сети и специализированные сайты. Речь идет о «гражданских» газетах, функционирующих в рыночных условиях. Стереотипы восприятия армии как социально-политического института зачастую создаются именно журналистикой, рассчитанной на массовую аудиторию. Сенсационное или скандальное событие в военной области интерпретируется и подается с учетом редакционной политики издания. Достаточно обратить внимание на заголовки оппозиционного еженедельника «Новая газета». Например, «Сотня негодников. В Северной столице раскрыта коррупционная схема освобождения призывников от службы» (НГ.2015. 18 декабря);

«Осечка вышла». Сотрудники Госнарконконтроля, судя по всему, нашли, где улучшить статистику раскрываемости – в армии» (НГ.2015. 13 октября).

Еще один важнейший фактор развития военной журналистики – развитие военной беллетристики. Многие военные корреспонденты становятся авторами художественно-документальных произведений о войне. Литературный критик В.Е. Пустовая объясняет это тем, что «сегодняшние авторы «военной» прозы максимально деидеологизируют битвы, окончательно разводят войну и война, выявляя в войне человека, а в войне – подавившую его махину античеловеческого» [6]. Характерным примером является творчество известного журналиста, писателя. Общественного деятеля Аркадий Бабченко, лично прошедшего через чеченские войны и написавшего несколько книг о войне. Последняя из них так и называется – «Война» (2015). Посылы художественного творчества А. Бабченко носят откровенно публицистический характер – это неприятие автором войны как таковой.

Вызовы времени влияют на профессиональные стандарты в области военной журналистики. Они формируются на основе общих компетенций (профессиональных и общекультурных), приобретаемых в процессе получения высшего журналистского образования по специальности «военная журналистика». Востребованность данной специализации сегодня объясняется и тем, что на факультете журналистики МГУ совместно с медиахолдингом «Звезда» в прошлом году открыта творческая мастерская по специальности «военная журналистика». Как подчеркнула декан факультета журналистики Е.Л. Варганова, «потребность редакций в военкорах, военных журналистах, аналитиках растет» [1]. Кроме того, в этом учебном году специальность «военная журналистика» открывается в одном из лучших вузов страны – Воронежском университете, на факультете журналистики. Получен заказ от Министерства обороны России на набор в количестве 12 человек. Декан журфака ВГУ В.В. Тулупов подчеркивает, что эта инициатива никак не связана с «тревожной ситуацией сегодня». Лицензию на новое направление вуз получил еще 2 года назад», – сказал, декан журфака ВГУ В.В. Тулупов [3]. В военной журналистике как специализации, следует учитывать морально-нравственные и этические стандарты поведения, которые могут носить рекомендательный характер и косвенно учитываться, как и при любой квалификации.

Следует прислушаться к мнению профессора факультета журналистики МГУ А.А. Тертычного считающего, что «лучшие военные журналисты в основном получают из кадровых военных» [9].

Список использованных источников

1. Варганова Е.Л. Колонка редактора // Медиатренды. Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова на события в СМИ. – 2012. – 9 ноября. – № 6(35).
2. Военная журналистика: миссия под пулями Гости эфира: Роман Бабаян // Радиостанция Столица-ФМ. – 2014. – 17 марта.
3. Воронежский университет будет готовить военных журналистов // <https://lenizdat.ru/articles/1135263/>
4. Гаприлов Ю. Зовут в строй. Военных профи станет больше // Российская газета. – 2016. – 2 февраля.
5. Кучинская Е.А. Жанр и композиция текста в военной периодике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011.
6. Пустовая В.Е. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель. О молодой «военной» прозе // Журнальный зал. – 2005 // magazines.russ.ru/Новыймир/Журнальный_зал/pu9.html
7. Современная военная российская журналистика. Опыт, проблемы, перспективы. Редакторы составители Михаил Погорельский, Иван Сафранчук. – М.: Гендальф, 2002.
8. Стасовский А. Военная журналистика // Медиатренды. Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова на события в СМИ. – 2012. – 9 ноября. – № 6(35).
9. Тертычный А.А. Военная журналистика // Медиатренды. Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова на события в СМИ. – 2012. – 9 ноября. – № 6(35).
10. Чернявская Е.В. Дискурс власти и власть дискурса. – М., 2006. – С. 7.

Borscheva N.N., Postnikova O.A.

MODERN MILITARY JOURNALISM: TRENDS OF DEVELOPMENT AND PROFESSIONAL STANDARDS

In the article the problems of development and functioning of the contemporary Russian military journalism. Attention is drawn to the status of private military journalism, including a national Russian newspaper. Discussion is the problem of journalism education in the field of military journalism.

Keywords: *military print journalist in the war zone, the military discourse, the professionalism of the military correspondent, major – «military journalism».*

РОССИЙСКО-КУБИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье анализируются российско-кубинские отношения с 1902 г. по настоящее время в таких сферах как политика, дипломатия, экономика, торговля, образование, культура, спорт в других направлениях социальной жизни. Важное место принадлежит новым подходам к Карибскому кризису 1962 г.

Ключевые слова: Россия, Куба, торгово-экономические отношения, Международный конфликт.

Дипломатические отношения между Россией и Кубой установлены в 1902 г. (прерваны в 1952 г., восстановлены в 1960 г.). Основой развития двусторонних связей являются Декларация о принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Республикой Куба и Меморандум о принципах стратегического сотрудничества, подписанные в 1996 г. в Гаване и в 2009 г. в Москве, соответственно. В рамках обновленной после 1991 г. договорно-правовой базы действуют порядка 100 документов, регламентирующих межгосударственное взаимодействие по широкому спектру направлений. Россию и Кубу связывают традиционные узы дружбы и союзничества. Обе страны являются убежденными сторонниками построения более справедливого миропорядка с опорой на многополярность, международное право и центральную роль ООН. Мы активно сотрудничаем в рамках ключевых международных организаций, налажена практика взаимной поддержки кандидатур на выборах, соавторства резолюций и иных документов.

Москва последовательно выступает за отмену торгово-экономической и финансовой блокады острова со стороны Вашингтона, приветствуя начатый 17 декабря 2014 г. диалог по нормализации кубино-американских связей. Гавана, со своей стороны, неизменно поддерживает нашу позицию по урегулированию внутриукраинского конфликта. При этом кубинцы решительно осуждают попытки Запада «наказать» Россию за принципиальное решение по крымскому вопросу посредством санкций [1, с. 4].

Президенты Российской Федерации трижды посещали Кубу: в 2000, 2008 и 2014 гг. В 2009 г. и в 2012 г. в Россию приезжал Председатель Государственного Совета и Совета Министров Республики Куба Р. Кастро. По линии глав го-

сударств осуществляется регулярный обмен посланиями по различным вопросам, представляющим взаимный интерес.

В мае 2013 г. с официальным визитом в России находился министр иностранных дел Кубы Б. Родригес; Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров посетил Гавану в апреле 2014 г. Реализуется План проведения межмидовских консультаций; в 2014 г. состоялось 7 раундов.

Но самым ярким событием международной политики XX в. остается Карибский кризис. По мере рассекречивания документов появляются все более новые и интригующие факты.

Политические перемены, произошедшие в сер. – 2-й пол. XX в., привели к быстрым геополитическим изменениям в мире и формированию нового мироустройства, характеризующегося политическим, экономическим и идеологическим противостоянием двух ядерных сверхдержав – США и СССР, и реальной угрозы их военного столкновения, последствия которого могли быть катастрофическими.

Американо-советское противостояние в годы холодной войны наложило гриф секретности на многие документы, касающиеся истории конфликта в Карибском бассейне. Узость круга источников не позволяла всесторонне подойти к исследованию данного вопроса. Кон. 1980-х гг. стал переломным моментом. Благодаря смене внешнеполитических ориентиров и нормализации отношений между США и СССР представилось возможным на основании анализа новых, ранее засекреченных документов пересмотреть традиционные подходы к проблеме Карибского кризиса и провести более глубокий анализ событий 1962 г.

Качественно новый этап в изучении сложного и противоречивого конфликта холодной войны ознаменовал в 1998 г. выход сборника документов Архива национальной безопасности США под редакцией американских исследователей Л. Ченга и П. Корнблаха [1, с. 74]. Данная книга представляет собой шестилетний проект по сбору и классификации материалов, имеющих отношение к истории возникновения Карибского кризиса

1962 г. и проблеме его урегулирования. В сборнике опубликованы как официальные правительственные документы, так и закрытые, представленные широкой публике впервые.

Особый интерес вызывают рассекреченные материалы Госдепартамента США, в которых проводится анализ итогов конфликта и его влияния на будущее американской политики. Они представлены следующими документами:

Секретный доклад помощника заместителя Госсекретаря Р. Гартхоффа под названием «Значение советского отступления для будущего американской политики» [2, с. 69] от 29 октября 1962 г. Документ был рассекречен 10 февраля 1988 г. В докладе, разделенном на 3 части, содержится информация о краткосрочных и долгосрочных последствиях Карибского кризиса для США и общий вывод.

Закрытое послание советника по национальной безопасности и председателя Совета политического планирования У. Росту Д. Боллу, заместителю государственного секретаря по вопросам экономики, бизнеса и сельского хозяйства. Документ датирован 15 ноября 1962 г. и носит название «Некоторые уроки Кубы» [3, с. 23]. Гриф секретности был снят 31 октября 1989 г., что говорит о высокой ценности послания для американского правительства. В 22-х параграфах У. Росту подробно излагает свое видение уроков, которые можно извлечь из октябрьских событий и предлагает их для обсуждения на встрече стран-членов НАТО в декабре этого же года. Гриф секретности был снят только 31 октября 1989 г., что говорит о высокой ценности послания для американского правительства. Примечательно, что 9 параграф документа заштрихован и его содержание остается закрытым для исследователей и в настоящее время.

Следует отметить, что представленные выше документы вводятся в научный оборот на русском языке впервые. Приведенные в них факты дают возможность обозначить новые подходы к исследованию конфликта и его влияние на формирование американских внешнеполитических концепций.

Меморандум президенту. Его автор А. Шлезингер, советник Дж. Кеннеди. Документ датирован 29 октября 1962 г. и озаглавлен весьма красноречиво «После смерти на Кубе» [4]. Рассекречен 19 октября 1976 г. Меморандум включает в себя преамбулу, в которой раскрывается цель послания, и 8 пунктов, где изложены основные выводы, сделанные А. Шлезингером из советско-американского противостояния у берегов Кубы.

На основании анализа этих документов выводы американских специалистов, относительно итогов Карибского кризиса 1962 г. для США, условно можно разделить на три группы:

I. Внутривнутриполитический фактор. При его рассмотрении была выявлена слабость американского руководства в принятии важнейших внешнеполитических решений и оперативного реагирования на возникшую угрозу. Основное внимание уделялось необходимости более тщательного анализа непредвиденных обстоятельств, поиска альтернативных решений выхода из конфликтных ситуаций. Этому должно способствовать повышение уровня информационного обеспечения. Подчеркивалась важная роль коммуникационных систем для эффективного политического планирования. Особенно это необходимо для проведения секретных операций. В частности, приводился пример о неосведомленности спецслужб по вопросу размещения советских ядерных боеголовок на Кубе и несвоевременной передаче информации Вашингтону.

Не упускалась из виду и психологическая составляющая последствий Карибского кризиса для Соединенных Штатов, продемонстрировавшая сплочение нации. Акцентировалось внимание на том, чтобы подобные события не несли в себе отрицательных последствий и не рассматривались с точки зрения морали.

II. Внешнеполитический фактор. Особое внимание уделялось анализу советской угрозы. В первую очередь ставился вопрос о целях, которые преследовал Советский Союз, размещая ядерные боеголовки на Кубе. По мнению американских специалистов, мотивация СССР была следующей:

- стремление продемонстрировать всему миру, в особенности союзникам США, нерешительность американского руководства перед реальной угрозой войны;

- показать возможность нанесения первого ядерного удара по американским вооруженным силам;

- создать противовес базам США и НАТО за рубежом;

- как ответная реакция на вторжение на Плайя Хирон в апреле 1961 г.;

- попытаться добиться уступок по Берлинскому вопросу.

Далее поднимался вопрос о советской экспансии в Западном полушарии. Амери-

канцы выражали беспокойство, что СССР все больше и больше проникает в страны «третьего мира». Куба – это первый пример «прыжка на дальние дистанции», в первую очередь политического, нежели военного. Как подчеркивал У. Ростоу, «теперь не только советский премьер может путешествовать через океан, но и его ракеты». Отмечалось, что в сложившейся ситуации, когда кубинское правительство позволило разместить на своей территории советские ракеты, Соединенным Штатам стало все сложнее поддерживать в странах Латинской Америки (странах-членах Организации американских государств – ОАГ) достаточно высокий уровень политического и экономического развития. Таким образом, резюмирует Р. Гартхофф, попытки Штатов сосредоточиться на решении важнейших задач становятся проблематичными, что затрудняет дальнейшее финансирование внутренних программ латиноамериканских стран.

США немало внимания уделяли возможной реакции союзников по альянсу на действия Советского Союза. Несмотря на то, что Карибский бассейн находится на периферии интересов НАТО, размещение советских ракет на Кубе затронули не только интересы Вашингтона, но и поставили под угрозу основные ядерные силы НАТО. Отмечалась готовность союзников помочь в проведении кубинской операции. У. Ростоу озвучил предложение: в случае возникновения серьезных кризисных ситуаций в будущем назначить президента США главнокомандующим НАТО [11].

Не упускался из виду и Берлинский кризис 1961 г. В связи с тем, что проблема его урегулирования рассматривалась как одна из возможных причин действий противника, подчеркивалась необходимость отстаивания более твердой позиции в отношении Берлина.

III. Военный фактор. Данный вопрос хотелось бы выделить отдельно, и рассмотреть три его составляющие: военно-морской флот и размещение военно-морских баз США за рубежом, разведка и ядерное оружие.

По мнению ряда независимых исследователей, военно-морские базы США и их союзников по НАТО в Турции и Италии, явившихся «яблоком раздора» в американо-российском противостоянии, показали, казалось бы, необходимость ограничить их число. Американские специалисты осенью 1962 г. сделали противоположные выводы. Они видели необходимость именно в увеличении числа военно-морских баз североатлантического альянса за рубежом. Подчеркивалось, что на этих базах не должно находиться ракет с ядерными боеголовками. Обращалось

внимание на то, что военная сила Соединенных Штатов заключена именно в превосходстве на море, что и продемонстрировал военно-морской флот во время карантина берегов Кубы. Именно на него, убежден У. Ростоу, следует делать ставку в будущем.

Проблема применения ядерного оружия занимала центральное место в докладах американских специалистов. Суть её сводилась к следующим положениям:

– США не применяло и не планировало применить ядерное оружие. По глубокому убеждению У. Ростоу, осенью 1962 г. американское правительство продемонстрировало СССР свою готовность бороться без применения атомного оружия против вооруженной ядерными боеголовками армии;

– Ответственность за развязывание конфликта у берегов Кубы следует возложить только на СССР, поскольку именно его действия представляли угрозу хрупкому равновесию сил на мировой арене;

– Ставился вопрос об ограниченном применении ядерного оружия и приоритете «неядерных» вооруженных сил.

Уроки, полученные США в результате Карибского кризиса 1962 г., определили новое направление развития американской внешней политики в мире.

Во-первых, США продолжили модернизацию военно-политических доктрин, чтобы повысить порог возможного советско-американского ядерного конфликта, сократить риск непреднамеренного столкновения и перерастания обычного регионального конфликта с участием великих держав в ядерную войну.

Американскими специалистами была предложена концепция «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ), развивающаяся в рамках стратегии «гибкого реагирования». Последующая эволюция концепций стратегической стабильности проходила уже в рамках ВГУ-парадигмы. В 1968 г. американская стратегия «гибкого реагирования» была положена в основу четвертой стратегической концепции НАТО, получившей название «Общая стратегическая концепция обороны территории государств-членов Организации Североатлантического договора», что показало большую сплоченность союзников по альянсу вокруг Соединенных Штатов.

Во-вторых, США и СССР активизировали переговорный процесс по вопросам контроля над вооружениями, в частности, огра-

ничения систем противоракетной обороны (ПРО) и стратегических наступательных вооружений (ОСВ). По-сути это и явилось практическим воплощением ВГУ-стабильности.

В-третьих, были предприняты шаги по расширению технических возможностей для ведения прямого диалога СССР и США в чрезвычайных ситуациях. 20 июня 1964 г. между Москвой и Вашингтоном была установлена линия «горячей связи», которая в режиме круглосуточной работы позволяла лидерам обеих держав общаться друг с другом. Таким образом, были заложены основы американо-советского сближения, которое с некоторыми коррективами продолжается и в настоящее время.

Наконец, в-четвертых, в июле 1964 г. на IX консультативном совещании министров иностранных дел стран-членов ОАГ, ставился вопрос об агрессивных действиях Кубы, затрагивающих территориальную целостность и суверенитет Венесуэлы, а так же существование демократических институтов в этой стране. Под давлением США было принято решение, обязывающее государства Латинской Америки разорвать дипломатические отношения с Кубой. Против выступила Мексика. Действия американского правительства были попыткой сохранить свое влияние в Западном полушарии (согласно доктрине Монро 1823 г.). Советско-кубинское сближение, активизация левых и демократических сил в данном регионе, продемонстрировали необходимость поиска новых методов взаимодействия Соединенных Штатов со странами Латинской Америки.

Таким образом, выводы американских аналитиков, сделанные практически полвека назад, заложили основу для формирования внешнеполитических стратегий США не только периода холодной войны, но и определили вектор развития их военно-политического потенциала кон. XX – нач. XXI вв.

Успешно развиваются торгово-экономические отношения. В 2014 г. российско-кубинский товарооборот составил 185,1 млн долл. США, в т.ч. российский экспорт – 158 млн долл. США, импорт – 27,1 млн долл. США.

В 2012 г. подписана Программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба до 2020 г., определившая основные направления взаимодействия в материальной сфере на среднесрочную перспективу.

Получило новый импульс взаимодействие в образовательной сфере. Российской стороной на

постоянной основе проводятся семинары для кубинских филологов-русистов. Предприняты шаги по возвращению к практике обучения кубинцев в российских вузах (на полный курс). С 2015/2016 уч. г. традиционно выделяемая Кубе квота в 100 стипендий включает оплату авиаперелета и медицинской страховки за счет средств федерального бюджета.

Продолжают развиваться двусторонние отношения в области физкультуры и спорта; российские спортсмены – всегда желанные гости на Кубе.

Поддерживаются партнёрские связи между национальными федерациями бейсбола, волейбола, бокса, художественной и спортивной гимнастики, шахматными школами двух стран.

Список использованных источников

1. Бровко С.А., Кистанкин Д.А. Миграционная политика в условиях глобализации мировой экономики // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2008. – № 2–1. – С. 146–156.

2. Бровко С.А. Политическое лидерство: сущность, содержание, концепции // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2007. – № 1–1. – С. 13–20.

3. Бровко С.А., Дикунова М.С. Планирование и его основные принципы // Современные тенденции в образовании и науке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 14 частях. – Тамбов, 2014. – С. 14–16.

4. Дикунова М.С. Новые приоритеты трансформации российской экономики и государственной политики // Механизмы обеспечения устойчивого развития российской экономики: Международная научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и студентов. – М., 2013. – С. 15–20.

Brovko S.A., Morales A.K., Tagieda L.O.

RUSSIAN-CUBAN RELATIONS

The article analyzes Russian-Cuban relations since 1902 to the present time in such areas as politics, diplomacy, Economics, trade, education, culture, sports other areas of social life.

Keywords: *Russia, Cuba, trade relations, Economicheskies, international conflicts.*

ПРИРОДА ВЛАСТИ И ЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

В статье рассматривается психологическая природа власти, раскрываются специфические особенности в психологической характеристике власти и властных отношений. Анализируются результаты исследования основ психологической природы власти.

Ключевые слова: *власть, психологическая природа власти, психологическая структура власти, властные отношения.*

Понятие власти настолько широко и многогранно, что отношение к ней в обществе варьируется от преклонения до полного неприятия. Люди всегда неоднозначно относились к власти: представляли власть как что-то божественное, данное свыше, объясняли властные отношения через проявление самых черных и низменных чувств и поступков людей.

Для объяснения психологической природы власти требуется тщательное и обоснованное обобщение самых разных сведений о ее природе.

Чаще всего власть осуществляется в рамках определенных институтов государства, армии, семьи, но может существовать и в рамках неформализованных сообществ.

Почти каждый человек обладает властью по отношению к какому-то числу других людей, и одновременно для каждого из нас существуют люди, которые могут заставить или убедить нас совершать те или иные поступки, т. е. обладают властью по отношению к нам.

В современной литературе дано много определений и трактовок власти. В одной из них под властью понимают отношения между социальными субъектами. Она появляется именно там, где существуют отношения. Нет отношений – нет власти.

Известный немецкий социолог М. Вебер говорил, что власть означает любую возможность навязать свою волю в рамках социальных отношений вопреки сопротивлению и независимо от того, на чём эта возможность основана. [3, с. 86].

Человек видит во власти средство «улучшения жизни»: приобретения богатства, престижа, свободы и т.д. В то же время, по словам Лассуэлла, власть – это и самоцель, позволяющая наслаждаться её обладанием.

Несмотря на различия в подходах есть то, что их объединяет: власть – это взаимодействие, воздействие одного человека на другого, власть невозможна без объектов воздействия. Как отмечал М. Вебер, суть власти и заключается в способности навязать другим свою волю и соответствующее этой воле поведение. Исходя из этого можно сделать вывод, что власть – это разновидность психологического воздействия, средства которого меняются от незначительного давления до открытого насилия.

Чаще всего власть осуществляется в рамках определенных институтов государства, армии, семьи, но может существовать и в рамках неформализованных сообществ. Между людьми существуют отличия в силе стремления к приумножению и увеличению своих источников власти. Только владение источниками власти (и ощущение власти, которое сопровождает его) может быть конечной целью, достижение которой само по себе, без любого применения власти к другому человеку, приносит удовольствие. С точки зрения получения удовольствия от власти, ощущение власти является более значимым, чем возможность влиять на других людей. Желаемыми источниками власти могут быть престиж, руководящая должность, статус, материальное положение, возможность контроля [3, с. 38].

Одной из первых попыток найти источник стремления к доминированию стало предположение о его врожденном характере. Сначала эта мысль высказывалась в философско-умозрительной форме, в виде тех или иных представлений о природе человека. Так, Аристотель считал, что есть народы и люди, которые по своей природе призваны властвовать, а другие им подчиняться.

По мнению Т. Гоббса, «общей склонностью всего человеческого рода» является «вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью». Французский философ К.А. Гельвеций источник стремления к власти видел в любви к наслаждению и на этом основании также делал вывод, что оно «коренится в самой природе человека».

Мы предположили, что существует ряд специфических особенностей в психологиче-

ской характеристике власти и властных отношений. И для подтверждения нашей гипотезы провели исследование.

Мы составили анкету, в которой предлагалось ответить на 5 вопросов, 4 из которых требовали выбора одного ответа. Среди них: «Что для Вас власть?», «Все ли хотят власти?», «Как Вы считаете, все ли способны властвовать?», «Стремитесь ли Вы к власти?». На последний вопрос: «Как вы считаете, какие нравственно-психологические качества необходимы для осуществления власти?» – требовалось дать развернутый ответ.

Опрос проводился анонимно. Участие в анкетировании приняли курсанты Вольского военного института материального обеспечения (ВВИМО) 1–3 курса в возрасте от 18 до 22 лет. Всего было опрошено 250 человек, из них 54 – женщины, 196 – мужчины.

Проанализировав результаты, мы смогли сделать вывод, что 16% курсантов относят к власти большие возможности и удовлетворение собственных потребностей. 10% респондентов считают власть тяжелой ношей, 2% затруднились ответить на поставленный вопрос и, наконец, 72% ответивших считают, что власть имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Из 250 респондентов 73% на второй вопрос ответили положительно, они утверждают то, что все хотят власти, 19% думают, что не каждый хочет власти, а почти 8% респондентов затруднились ответить.

На наш третий вопрос из 250 курсантов 87%, что является большинством, считает, что не каждый способен властвовать, 3% респондентов не смогли дать ответ на поставленный вопрос, и лишь десятая часть опрошенных курсантов (10%) считают, что способны властвовать.

На четвертый вопрос половина респондентов (50%) заявили, что стремятся к власти. 32% курсантов не стремятся к власти вовсе, а 18% – не смогли ответить на данный вопрос.

В целом мнения мужчин и женщин во многом совпадают, за исключением ответов на четвертый вопрос. Военнослужащие мужского пола имеют большее стремление к власти, нежели военнослужащие-женщины. Так 56% мужчин стойко заявили о своем желании властвовать, когда почти половина (46%) женщин не стремятся к власти вовсе.

Таким образом, проанализировав результаты проведенного анкетирования, можно сделать вывод, что большинство респондентов (72%) видят во власти как положительные, так

и отрицательные стороны. Более 75% считают, что все вокруг хотят власти. Более 87% опрошенных военнослужащих считают, что не все способны властвовать, но, несмотря на это 50% респондентов стремятся к власти.

Что касается последнего вопроса: мнения ответивших курсантов как женского, так и мужского пола относительно психологических качеств во многом совпадают. Основными психологическими качествами, необходимыми для осуществления власти, респонденты считают: целеустремленность (32,4%), твердость и настойчивость (31,2%), высокие умственные способности и образованность (22,4%), уверенность в себе (24%), справедливость и честность (21,6%). Ко всему прочему, респонденты женского пола выделяют смелость и решительность (18,5%), волевой характер (18,5%), а также харизму (18,5%).

Курсанты же мужского пола склоняются больше к таким качествам, как: морально-психологическая устойчивость (20%), терпение и выдержка (19%), волевой характер (17%), а также ораторское искусство (15%).

Стоит сделать акцент на том, что власть является ключевым понятием, используемым в сфере отношений между военнослужащими. Эти отношения сами по себе подразумевают под собой подчинение одних другим, т.е. властные отношения. В армии социальный статус напрямую зависит от места военнослужащего в армейской иерархии.

Так, мы можем смело говорить о том, что мы исследовали именно ту категорию людей (военнослужащих), в которой особенно четко можно проследить стремление властвовать.

Знания о власти, о законах и механизмах ее функционирования являются ключевыми во многих сферах нашей жизни. Понимание психологических механизмов власти поможет людям адекватно ориентироваться в психолого-политических процессах и уметь эффективно их использовать.

Как отмечает российский психолог, доктор психологических наук, А.И. Юрьев, властью нельзя владеть, она никем не покорена, ее нельзя поделить, но ее законы нужно непременно учитывать [3, с.100].

Список использованных источников

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2001.

2. Занюк С.Н. Психология мотивации. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2004.
3. Конфисахор А.Г. Психология власти. – М., 2002.
4. Нисневич Ю.А. Информация и власть. – М., 2000.
5. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб., 1992.
6. Шестериков А.В. Психологические аспекты боевой подготовки // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 101-103.

Volokitina J.O., Khatsiyeva I.A.

THE NATURE OF POWER AND ITS PSYCHOLOGICAL BASIS

The article deals with the psychological nature of power, reveals the specific features in the psychological characteristics of power and power relations. The results of the study of the psychological nature of power.

Keywords: *power, the psychological nature of power, the psychological structure of authority, power relations.*

УДК 331

Загидуллина А.В.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

В статье показаны проблемы адаптации персонала организации в современных условиях, определены основные подходы в использовании инновационных методов кадрового менеджмента. Выделяются цели и этапы процесса адаптации, анализируется программа адаптации сотрудника, рассматриваются проблемы эффективного управления процессом адаптации.

Ключевые слова: *методы набора и отбора персонала, профессиональная адаптация персонала, система набора и отбора специалистов и сотрудников, испытательный срок, наставничество.*

Управление персоналом организации давно признано одной из основных систем эффективного управления хозяйствующим субъектом. Независимо от масштабов бизнеса и его организационно-правовых форм, эффективное управление персоналом становится залогом долговечности и успешности любой организации. Теории мотивации работников длительное время совершенствовались, изменялись и преобразовывались. Осуществлялся так называемый процесс накопления теоретических положений и практического опыта по управлению персоналом. Начиная с 1980-х гг., с раз-

витием социально-экономических аспектов в западном менеджменте, усилением интеллектуализации и компьютеризации бизнеса, влиянием инновационных процессов формируется концепция управления человеческими ресурсами, рассматривающая знания, способности, умения людей как ключевой ресурс и нематериальные активы организации, обеспечивающие их эффективность и конкурентоспособность. Исследования в данной сфере в последнее время значительно активизировались и в России [1; 2; 3].

Проблема использования персонала состоит не только в обеспечении необходимых для работы условий труда, но и в проецировании организационного поведения для получения благоприятного корпоративного климата в коллективе, развитии организационной культуры, создании положительного имиджа организации, укреплении трудовой дисциплины и в поиске более эффективных путей управления компанией [4, с. 103]. В организациях малого и среднего бизнеса в России приходится сталкиваться с рядом различных проблем. В частности имеют место социально-психологические проблемы, такие как мотивация, взаимоотно-

шения работников в процессе труда, значение власти и ее влияние при управлении персоналом, а также организационные проблемные вопросы в управлении персоналом, такие как наиболее оптимальные подразделения совместного сотрудничества рабочих групп, факторы, оказывающие влияние на связующие процессы в управлении сотрудниками, повышение эффективности внутрифирменного взаимодействия и управления персоналом.

Поэтому процесс по использованию персонала организации подлежит интеграции в общий процесс по увеличению экономической эффективности от деятельности предприятия или организации. При этом большое внимание в развитии теории и методологии управления развитием человеческим потенциалом должно быть уделено вопросам социальных воздействий инновационных управленческих решений на развитие человеческого потенциала. Особое значение должно быть придано раскрытию принципов и технологий инновационного обучения персонала в сложных ситуациях с высокой степенью неопределенности, а также анализу использования социологического и психологического инструментария для оценки взаимодействия человека и организации на основе системной методологии

Каждый сотрудник (в том числе вновь принятый) имеет собственные цели, привычки, потребности и нормы поведения, а так же предъявляет определенные требования к условиям труда. Чем ближе станут ценности и нормы коллектива организации к индивидуальным установкам каждого сотрудника, тем успешнее будет процесс адаптации. Е.П. Ильин выделяет психологические мотиваторы (мотивационные детерминанты), которые выступают решающими аргументами принятия решения при объяснении действий и поступков. В процессе мотивации какие-либо мотиваторы остаются «понимаемыми», а «реально действующими» становятся наиболее значимые для работника и ведущие к формированию побуждения [5]. Текучесть среди новичков, прошедших испытательный срок под контролем служб адаптации, снижается на 30–60% [6, с. 114–145].

Первым шагом к тому, чтобы сделать труд работника как можно более производительным является трудовая и социальная адаптация в коллективе. Если руководство заинтересовано в успехе работника на новом рабочем месте, оно должно всегда помнить, что организация – это общественная система, а каждый работник – это личность. Практика показывает,

что большинство людей, уволившихся с работы в течение первого года, приняли это решение уже в первые дни своего пребывания в новой организации. Как правило, новичок в организации сталкивается с большим количеством трудностей, основная масса которых порождается именно отсутствием информации о порядке работы, месте расположения, особенностях коллег и т.д. То есть специальная процедура введения нового сотрудника в организацию может способствовать снятию большего количества проблем, возникающих в начале работы.

Адаптация персонала на рабочем месте является необходимым звеном кадрового менеджмента любого предприятия. Как отмечает Ю.А. Романова, основная функция профессиональной адаптации – это освоение относительно стабильных условий профессиональной деятельности, решение повторяющихся действий, адекватных задачам производственной деятельности и соответствующих традициям производственного коллектива [7]. Профессиональная адаптация – освоение тонкостей и специфики профессии, необходимых в данной организации.

Так как подбор и прием на работу представляет собой довольно длительный и дорогостоящий процесс – к первому дню работы сотрудника организация уже затрачивает на него значительные средства, то есть она заинтересована в том, чтобы принятый на работу сотрудник не уволился через несколько месяцев. Для этого в организации должна быть создана система адаптации сотрудников. На современном этапе необходимо понимание важности и значимости управления адаптацией работников, как одного из элементов системы управления персоналом.

Среди основных целей адаптации новых работников обычно выделяют следующие:

- уменьшение стартовых издержек, так как пока новый работник плохо знает свое рабочее место, он работает менее эффективно и требует дополнительных затрат;
- снижение озабоченности и неопределенности у новых работников;
- сокращение текучести рабочей силы, так как если новички чувствуют себя неуютно на новой работе и ненужными, то они могут отреагировать на это увольнением;
- экономия времени руководителя и сотрудников, так как проводимая по программе работа помогает экономить время каждого из них;
- развитие позитивного отношения к работе, удовлетворенности работой.

Процесс адаптации включает в себя следующие стадии:

1. Ознакомление: на этой стадии происходит первичное знакомство сотрудника с организацией, со своими непосредственными обязанностями, с особенностями корпоративной культуры.

2. Привыкание: на этой стадии происходит усвоение сотрудником норм и правил, принятых в компании.

3. Ассимиляция: основная задача этой стадии – включение человека в новую среду, взаимопринятие.

4. Идентификация: завершающая стадия адаптации, характеризующаяся максимальным сближением целей сотрудника и организации.

Показателем успешно проведенного процесса адаптации персонала, отбора кандидатов и введения их в должность является успешное выполнение работы. Процесс адаптации персонала должен происходить в двух взаимосвязанных направлениях:

– социально-психологическая адаптация работника;

– профессиональная адаптация работника.

Социально-психологическая адаптация направлена на успешное вхождение работника в трудовой коллектив, принятие им действующих норм и правил поведения, организации труда, принятие им действующих норм и правил поведения, организации труда, понимание своих социальных и профессиональных ролей. Неправильно рассматривать адаптацию работника только как пассивное приспособление к новым условиям. Работник, и микросреда предприятия должны рассматриваться в процессе адаптации в качестве объектов и субъектов одновременно. С одной стороны, микросреда предприятия воздействует на работника, заставляя его приспосабливаться к себе, с другой стороны – личность активно преобразует микросреду, пытаясь приспособить ее к своим потребностям. Именно в этом заключается и особое значение социально-психологической адаптации.

Следует отметить, что одним из важнейших условий успешной адаптации человека является правильное построение его роли и, в частности, формирование предпосылок в отношении содержания, сущности и места данной роли в системе организации. В данном случае важно сформулировать предпосылки относительно роли таким образом, чтобы она, с одной стороны, соответствовала целям, стратегии и ожиданиям организации и, с другой стороны, отвечала запросам человека, исклю-

чительно трудно. Двумя необходимыми условиями этого являются ясность и приемлемость роли. Ясность роли предполагает, что человеку, ее исполняющему, известно и понятно не только содержание роли, то есть содержание его работы и способы ее осуществления, но и связь его деятельности с целями и задачами организации, ее место в совокупности работ, выполняемых коллективом. Приемлемость роли состоит в том, что человек готов ее выполнять осознано, исходя из того, что выполнение данной роли будет давать ему определенное удовлетворение и приведет к получению некоего положительного результата, который не обязательно должен носить материальный характер и быть четко определенным для человека до начала действий.

Профессиональная адаптация направлена на овладение специальностью и профессиональными навыками, необходимыми для успешного выполнения должностных обязанностей, реализации своего потенциала, а так же получение удовлетворенности от данного вида деятельности. Готовность к профессиональной адаптации определяется сочетанием сформированной системы мотивации к профессиональной деятельности, развитой адаптивности как личностного качества, а также системы знаний, умений и навыков, обеспечивающих возможность реализации личностью поведенческих стратегий, соответствующих задачам скорейшей интеграции нового сотрудника в организацию, созданию у него мотивации для успешной работы и повышению эффективности деятельности. Показатели эффективности профессиональной адаптации: профессиональная активность; дисциплинированность; профессиональная успешность; удовлетворенность условиями работы; эмоциональная комфортность; психосоматическое состояние; готовность к дальнейшей деятельности в данной организации.

Все виды адаптации не существуют изолированно друг от друга, а взаимосвязаны и взаимообусловлены, по этому, управление этим процессом требует разработки единой системы мероприятий, обеспечивающих ее динамичность и успешность.

Таким образом, правильно сформированная система адаптации, может помочь избежать разного рода проблем, минимизировать издержки организации, выстроить эффективную кадровую политику, а так же оптимизировать затраты на человеческие ресурсы, снизить текучесть кадров, повысить трудовую и производственную дисциплины и обеспечить ста-

бильность работы организации. При всех различных подходах к содержанию адаптации исследователи сходятся в том, что для успешного включения новых работников в организацию необходимо создавать достаточно комфортные условия на рабочем месте, учитывать их психологические качества, уровень подготовки и притязаний и выстраивать эффективную систему управления.

Список использованных источников

1. *Захаров Н.Л.* Управление настроением персонала в организации: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М., 2009. – 283 с.
2. *Мордовин С.К.* Управление развитием человеческого потенциала: теория, методология, инновации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – СПб., 2004. – 42 с.
3. Корпоративная культура и лидерство: сб. ст.: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 159 с.
4. *Олейникова А.А.* Адаптация персонала как фактор эффективного управления // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Экономика. – 2014. – №1. – С. 103–105.
5. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
6. Управление персоналом: учебник для вузов / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 560 с.
7. *Романова Ю.А.* Оптимизация отбора и профессиональной адаптации в организации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2015. – №1. – С. 70–79.

8. *Масленников А.В., Хаццева И.А.* Сущность, виды и формы проявления девиантного поведения военнослужащих // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 18-20.

Zagidullina A.V.

THE MAIN PROBLEMS OF PERFECTION OF SYSTEM OF ADAPTATION OF PERSONNEL IN THE ORGANIZATION

The article shows the problems adaptation personnel in modern conditions, the main approaches in the use of innovative methods of personnel management. Highlighted objectives and stages of the adaptation process, analyzes the adaptation programme officer, discusses the problems of effective management of the adaptation process.

Keywords: *methods of recruitment and staff selection, professional staff adaptation, the system of recruitment and selection of specialists and staff, probation, mentoring.*

УДК 101.1

Зайцева Н.В.

К ВОПРОСУ О ДВУХ ОСНОВНЫХ ТИПАХ ФИЛОСОФИИ

В работе рассматриваются пути взаимодействия двух типов философии истории. Особое внимание уделяется обсуждению возможности построения истории в современном идейном контексте, приводятся различные аргументы в пользу развития критической философии истории.

Ключевые слова: *философия истории, историософия, критическая философия истории.*

Философия истории не принадлежит числу сфер философского знания, образующих фундамент философской теории. Время появления

самого понятия «философии истории» появилось довольно поздно, а именно в 1765 г. Данный термин был введен в философию французским писателем Вальтером. Он указал на то, что историк призван не только описывать события, но и философски истолковывать сам исторический процесс.

В последствии понятие «философия истории» вошло в широкий научный оборот, но, как отмечал в кон. XIX в. Н.И. Кареев, оно по-прежнему осталось «крайне неопределённым» [1, с. 1].

Например, философия истории в понимании Л.П. Карсавина состоит из нескольких взаимосвязанных разделов. Первый из них – теория истории. Её задача состоит в выявлении природы исторической индивидуальности. Следующим разделом истории является философия истории, которая рассматривает первоначальное исторического бытия. Третий вид философии истории – метафизика истории, которая познаёт и изображает конкретный исторический процесс в целом и раскрывает его смысл [2, с. 4].

Карсавин отмечает двусмысленность термина «история», под которым понимается процесс исторического бытия, так и наука о нём. Историк, изучающий исторический процесс, имеет дело с определённой последовательностью и порядком составляющих историческое бытие моментов, расположенных в пространстве и времени, их смену, движение или развитие. История – фрагмент эмпирического, т.е. умалённого бытия, становящегося из ничто в свою усовершенствованность. Пределы эмпирической усовершенствованности предлагают высшую степень совершенства, которая для эмпирического бытия является идеалом. Карсавин называет историю «областью наименьшего умаления свободы в эмпирии» [3, с. 12].

В совершенной отечественной и зарубежной литературе обсуждаются возможности двух основных типов философии истории. Различие между ними связано с разными значениями. Эти значения зафиксированы в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «в настоящее время слово «история» употребляется в двойном смысле, а именно для обозначения известного знания (история как наука) и для обозначения того, что составляет предмет этого знания (история в смысле совокупности фактов прошлого)» [4, с. 500]. Таким образом, с одной стороны, история – это совокупность реально свершившихся в прошлом событий; с другой – научная дисциплина, изучающая эти прошлые события во всей их конкретике и многообразии.

В соответствии с этим различаются два основных типа философии истории. Первая осуществляет философскую тематизацию, исследование и осмысление исторического процесса. Она ставит перед собой задачу обнаружить в событиях прошлого некоторые общие схемы. Такая философия истории наиболее ярко воплотилась в трудах Дж. Вико, Гердера, Гегеля. В западной исследовательской литературе за ней закрепилось название «материальной», «онтологической» [5, с. 434]. В отечественной фи-

лософской литературе для обозначения данного типа рефлексии над историей используется понятие «историософии» [6, с. 542].

Второй тип философии истории имеет дело не с историей, как особого рода реальностью, а с историческим значением, с осмыслением природы исторического познания, с наукой «истории». Философ данного типа изучает природу и специфику исторических исследований, стремится выявить и критически проанализировать их основные онтологические и эпистемологические предпосылки, методологические схемы, способы исторического описания. Тем самым философия истории оказывается не столько теорией исторического процесса, сколько теорией исторического познания.

В современной западной литературе такую философию называют «критической» «аналитической» или «рефлексивной» [5, с. 434].

Историософия стремится к решению нескольких основных теоретико-познавательных задач, к уяснению природы исторического, к установлению главных причин и факторов движения истории как таковой, к обнаружению в событиях прошлого некоторых общих закономерностей и структур.

Выявление таких структурных элементов позволяет представить историю как особую сферу, наделённую собственной бытийной спецификой, а с другой – продемонстрировать её структурированность, упорядоченность.

Решение этой задачи сопряжено с утверждением господства в истории разного рода всеобщностей – законов истории в целом или же законов её отдельных этапов, различных факторов (природных, биологических и пр.), задающих социальную динамику. Их постижение понимается как постижение существенного, т.е. главного, определяющего само содержание и ритм истории.

Ещё одна важная задача историософии продиктована стремлением осуществить хронологическое и процессуальное членение исторической жизни. Расчленение истории на эпохи, этапы, стадии и другие сегменты позволяет изобразить её как упорядоченный процесс, каждый этап которого обусловлен в значительной мере предыдущими и детерминирует будущие стадии истории.

Принципиально другие вопросы решаются в рамках гносеологической версии философско-исторического анализа, который мы выше обозначили как «критическо-аналитическую» философию истории. В ней сложился в качестве доминирующего следующий круг проблем: в чем состоит специфика исторического зна-

ния? Чем различаются история и естествознание? Каковы критерии научности в историческом познании? Существуют ли законы в истории? [5, с. 435–436].

Об актуальности и своевременности обсуждения указанной проблематики в сфере исторической науки свидетельствует тот факт, что в кон. XX – нач. XXI вв. критико-аналитическая философия истории превратилась на Западе в ведущую отрасль философско-исторического знания. Особенно наглядно это проявилось в англоязычном мире, где под термином «философия истории» сегодня подразумевают именно теорию исторического познания, а не историософию. В России подобное изменение соотношения двух типов философии истории шло с запозданием и появилось не столь отчетливо.

Подводя итоги, отметим, что в современном идейном контексте невозможно отрывать друг от друга историософию и критико-аналитическую версию философии истории (онтологию и гносеологию). Ведь теория познания (гносеология) перестаёт быть теорией без объекта познания, т.к. без исследования практической деятельности конкретных индивидов, без анализа системы социальных отношений она не может претендовать на научный статус. Без объекта познания нет субъекта и, тем более, самой теории познания.

Список использованных источников

1. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. – СПб, 1897.
2. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993. – С. 4.
3. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993. – С. 12.
4. История // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 13. – СПб., 1894. – С. 500–508.
5. Современная западная философия. Словарь. – М., 1998.
6. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.

Zaitseva N.V.

ON TWO BASIC TYPES PHILOSOPHY

The paper discusses historiosophical (ontological) and critical-analytical types of philosophy of history. The possibility of constructing historiosophical doctrines in contemporary ideological context. Disclosed forms of interaction of the above types of philosophy of history.

Keywords: *philosophy of history, historical philosophy, critical philosophy of history.*

УДК 338

Ильин С.Н.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ
ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ**

В статье рассматривается взаимосвязанность процессов государственного развития в условиях глобализации, ярко проявившаяся в условиях финансового кризиса. Обеспечение баланса национальных интересов в мировом экономическом пространстве.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, экономическая независимость стабильность, устойчививость, государство, обеспечение экономической безопасности, национальная экономика.*

Современное государство в своем развитии стоит перед лицом глобальных проблем, отра-

жающих фундаментальные изменения в экономике, социальной структуре общества. Формирование единого общемирового информационного пространства приводит к построению качественно нового типа человеческой цивилизации, развитие которой сопровождается появлением новых вызовов и проблем, заставляющих пересмотреть традиционные подходы к обеспечению национальной безопасности. Меняется и сущность политики обеспечения безопасности: приоритеты смещаются с защиты территории от внешнего нападения на защиту населения от насилия, порожденного внутри государства. Развитие человеческой цивилизации непрерывно взаимосвязано с воз

растанием различны угроз. Взаимосвязанность процессов государственного развития в условиях глобализации, ярко проявившаяся в условиях финансового кризиса, заставляет рассматривать риски и прогнозировать развитие ситуации в глобальном общемировом масштабе. В данном контексте «наша цивилизация – это цивилизация риска».

Экономическая безопасность – это совокупность внутренних и внешних условий, обеспечивающих независимость, устойчивость и способность национальной экономики к постоянному обновлению и совершенствованию [2, с. 6]. Таким образом, экономическая безопасность государства определяется двумя составляющими: эффективностью противодействия внешним угрозам и обеспечения внутренней социально-экономической стабильности, которая определяется степенью реализации и уровнем гармонизации интересов субъектов хозяйственной деятельности. Как показывает мировой опыт, обеспечение экономической безопасности – это гарантия независимости страны, условие стабильности и эффективности жизнедеятельности общества [1, с. 7]. Поэтому обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов. На наш взгляд, обеспечение экономической безопасности требует формирования целой системы характеристик и условий развития социально-экономической системы.

Обеспечение баланса национальных интересов связано с разработкой стратегии государственного строительства в глобализирующемся мировом экономическом пространстве. Основные аспекты данной проблемы: структурно-технологические, социально-экономические; институциональные, субнациональные, национально-геоэкономические [5, с. 21].

По мнению ряда отечественных исследователей, система показателей экономической безопасности государства может включать:

а) *макроэкономические показатели*, отражающие главные, принципиальные черты и тенденции развития национального хозяйства, такие как объем валового внутреннего продукта (ВВП); доля в ВВП расходов на оборону; объем внешнего и внутреннего долга и др.

б) *частные социально-экономические показатели*, такие как валовой сбор зерна; доля инвестиций в основной капитал и затрат на нау-

ку в объеме ВВП; доля машиностроения и металлообработки и инновационной продукции в общем объеме промышленного производства; граждан с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всем населении страны; уровень безработицы; децильный коэффициент;

в) *показатели функционального и отраслевого уровня*, характеризующие отдельные структурные элементы экономической безопасности государства, такие как уровень монетизации; дефицит бюджета федерального правительства, доля расходов на обслуживание государственного долга в общем объеме расходов такого бюджета; уровень инфляции; объем золотовалютных резервов; отношение выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта; доля продовольствия, поступив по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов и т.д.

Обеспечение экономической безопасности – это гарантия независимости страны, условие стабильности и эффективной жизнедеятельности общества, достижения успеха. Здесь все взаимосвязано, и одно направление дополняет другое: *не может быть военной безопасности при слабой и неэффективной экономике, как не может быть ни военной безопасности, ни эффективной экономики в обществе, раздираемом социальными конфликтами*. Экономическая безопасность традиционно рассматривается как качественная важнейшая характеристика экономической системы, которая определяет ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов [4, с. 4].

Сама экономическая безопасность имеет достаточно сложную внутреннюю структуру, которая включает три важнейших элемента:

1. *Экономическую независимость*. Международное разделение труда делает национальные экономики всё более, взаимозависимыми. В этих условиях экономическая независимость означает возможность контроля государства за национальными ресурсами, достижение такого уровня производства, эффективности и качества продукции, которые обеспечивают конкурентоспособность экономики в мировой экономике, позволяет на равных участвовать в мировой торговле и обмени научно-техническими достижениями

2. *Стабильность и устойчивость национальной экономики*, предполагающие защиту собственности во всех её формах, создание надёжи условий и гарантий для предпринимательской активности, сдерживай факторов, способных дестабилизировать ситуацию (борьба скриминальными структурами, недопущение серьёзных разрывов в распределении доходов, грозящих вызвать социальные потрясения и т.д.).

3. *Способность к саморазвитию и прогрессу* (создание благоприятного климата для инвестиций и инноваций, постоянная модернизация производства, повышение профессионального, образовательного и общекультурного уровня работников становятся необходимыми и обязательными условиями устойчивости и самосохранения национальной экономики).

Итак, обеспечение экономической безопасности – задача долговременная, стратегическая. Её решение предполагает разработку и утверждение государственной стратегии (доктрины) экономической безопасности, отвечающей высшим национально-государственным интересам России. В законе РФ «О безопасности» подчеркивается, что понятие безопасности предполагает обеспечение жизненно важных интересов личности, общества, государства, а система национальных интересов России определяется как совокупность интересов личности, общества и государства [3, ст. 769].

Важной составной частью экономической политики государства по реализации национально-государственных интересов является военно-экономическая деятельность государства. Цель военно-экономической деятельности государства состоит в том, чтобы при помощи системы взаимосвязанных экономических, административных и организационных мер обеспечить эффективное использование имеющихся возможностей для удовлетворения материальных потребностей Вооруженных сил, укрепления военно-промышленной базы, повышения ее мобилизационной готовности. Практическое осуществление государством своих регулирующих функций в области военного производства существенно ограничивает действие рыночных механизмов в этой специфической сфере человеческой деятельности, что значительно повышает мобилизационные возможности страны.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности выступает ключевой характеристикой, отражающей способность государства в реализации национально-государственных интересов, обеспечению благоприятных условий жизни для населения. Обеспечение экономической безопасности требует от государства проведения гибкой социальной политики, сохранения способностей к адаптации в случае возникновения внешних и внутренних угроз.

Список использованных источников

1. Дедов Д. Экономическая безопасность – часть национальной безопасности государства // Информационная безопасность. – 2005. – № 6.
2. Экономическая и национальная безопасность / Под ред. Е. Олейникова. – М., 2004.
3. Собрание законодательства РФ. – 1992. – № 15.
4. Концепция национальной безопасности РФ // Российская газета. – 1997.
5. Гусаков Н., Зотова Н. Национальные интересы и внешнеэкономическая безопасность России. – М., 1998.
6. Абдулмуталинова Т.А., Рябоконеv С.А. Анализ современных этнополитических сепаратистских конфликтов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 10-13.

Ilyin S.N.

PROVIDING ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY INDEPENDENCE GUARANTEE

In article the coherence of processes of the state development in the conditions of globalization which is brightly shown in the conditions of financial crisis is considered. Ensuring balance of national interests in world economic space.

Keywords: *Economic security, economic independence stability, stability, state, providing economic security, national economy.*

ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается влияние религиозного экстремизма в современной культуре. Экстремизм – способ манифестации культуры насилия и девиантных социальных отношений. Сегодня данные ценности транслируются через использование ислама, что обусловлено рядом объективных социокультурных причин, одна из которых выражена в кризисе идентичности как мусульманской, так и других обществ.

Ключевые слова: ислам, экстремизм, идентичность, неофит.

В современном мире огромное влияние приобретают экстремальные формы религиозной формы культуры. В первую очередь, это выражается в росте популярности экстремистско-террористических движений, а также фундаментализма и ортодоксии. Наиболее явно манифестации такой культуры нам демонстрирует современный ислам. Следует заметить, что именно через мусульманство осуществляется трансляция деструктивных ценностей в границах самых разных культур. Формы мусульманской культуры позволяют «удачно» камуфлировать бездуховную идеологию, основанную на принципах насилия.

Почему именно на исламской почве паразитируют деструктивные и девиантные формы культуры? Данная религия переживает глубинные трансформации. Мусульмане всего мира разделены на два лагеря: модернисты и традиционалисты. Иными словами, находятся перед выбором пути развития собственного общества. На базе фундаментализма и традиционализма развиваются экстремистские движения, отрицающие диалог и дипломатию.

Модернизм (или обновленческое движение) призван интегрировать мусульманский социум в мировую политическую, культурную, научную и пр. жизнь. Его задача – не только построение диалога с разными народами, но и преодоление отсталости мусульманских народов в сфере экономики, науки, медицины и пр.

Характерно, что оба явления возникли в мусульманской культуре одновременно в период роста буржуазно-капиталистического общества. Они представляют две противопоставленные друг другу культурные силы. Это – культурная оппозиция.

Путь модернизма подразумевает сложный поступательный процесс интеграции мусульман с другими культурами, требующий от человека интеллектуальных, нравственных, дипломатических, образовательных и пр. усилий. Экстремизм же подразумевает отсутствие какого-либо сложного процесса саморазвития, даёт на любой вопрос чёткий ответ. Апеллируя к своей «простоте», он быстро внедряет собственные идеологические положения в общественное сознание.

Корни экстремистской идеологии и логики следует искать в таких явлениях как фундаментализм, традиционализм и ортодоксия. Непосредственно в исламе можно наблюдать, что ортодоксальные и агрессивные социальные формы действуют, стремясь законсервировать культуру, пресекая возможности для ее развития. Это течения в религиях, «настаивающие на “возвращении к истокам”» [5, с. 739]. Именно такую картину мы видим в исламском фундаментализме: обособление, подавление новаций и прогресса, стремление вернуться к так называемым истокам, что для них выражается в эпохе Мухаммеда. Традиционализм с ортодоксальным взглядом на мир и фундаментализм в совокупности породили экстремистскую культуру в мусульманском мире.

Однако следует понимать, что сложный комплекс из социальных, культурных, религиозных, экономических и политических причин развили стремление в исламском мире к уничтожению своих и чужих культурных ценностей и изоляционизму. Эти предпосылки следует детализировать.

1. Фундаментализм стал реакцией на колониальную политику в период, как форма защиты. Рост национально-освободительных движений способствовал утверждению идеи о возврате к истокам, «чистой» религии и «чистой» культуре. Тогда достижения западной цивилизации рассматривались враждебно. До сих пор мы наблюдаем, что в ряде стран мусульманские революции проходят под лозунгами борьбы со светской моделью общества и ценностями демократии. Революционные методы борьбы фундаменталистов стали основой для манифестаций экстремизма.

2. Итог «холодной» войны, когда исламская тема удачно разыгрывалась в борьбе за господство между СССР и США. А именно, негласная поддержка мусульманских повстанцев или «выгодных» правительств: военные советники, поставки вооружения и пр., войны в Афганистане, Египте и т.д. Одна из специфических черт экстремизм – его непредсказуемость.

Получившие экономическую и политическую поддержку радикальные организации сумели четко сформулировать положения своей идеологии, придумать яркие, привлекательные и одновременно примитивные лозунги и призывы, популярные по сей день, которые они направили против «учителей».

1. Низкий уровень экономического и социального развития в странах Востока, соответственно общее недовольство и кризисность, а также легкая внушаемость населения, что обусловлено их невысоким образовательным уровнем.

2. Исторически сложившиеся анклавные спорными территориями, вследствие чего возможна активизация локальных конфликтов при любом «удобном» поводе (проблемы самоопределения Курдистана, арабо-израильский конфликт, спорные территории Кашмира и пр.). Здесь особую роль играют негативные этические стереотипы, ксенофобия с устойчивым культурными мифами о враждебности окружающего мира. Например, образ врага ярко выражен в мифологемах о евреях в связи с противостоянием Палестины и Израиля.

3. Неравномерность, разный уровень цивилизационного развития, в том числе и внутри мусульманского мира. Так, страны Востока, ориентированные на феодализм взяли на вооружение радикальные методы борьбы. Здесь консервативное духовенство настроено против любых нововведений, стремятся к теократической модели государства. Коран и шариат в их понимании обеспечивают прогресс в общественной жизни [7]. В качестве примера можно привести действия «Талибан» в Афганистане.

4. Внутриконфессиональные противоречия, вызванные структурной сложностью ислама. Например, подавление шиитов в Ираке в годы правления Саддама Хусейна. Сего-дня агрессия саудитов против шиитской ветви.

5. Высокий уровень безграмотности как общекультурной, так и религиозной, а отсюда возможность пропаганды экстремистских идей и ценностей.

6. Различные религиозные мифологемы, позволяющие манипулировать сознанием адептов экстремистских групп. Например, учение о скрытом имаме позволяет постоянно «изображать» преступникам такого Мессию. Или, спорный хадис о раздроблении ислама на 73 учения, среди которых только одно верное, «помогает» объявить именно свою религиозную концепцию верной и т.д.

В любом случае, причины для развития экстремизма начинают работать в период обострения кризисов и противоречий. При этом, существуют определенные социальные слои, для которых такая идеология привлекательна:

- социальные низы;
- маргиналы, утерьявшие собственную культурную идентичность;
- молодежь, осуществляющей поиск себя и воспринимающей мир с позиций максимализма, в том числе из немусульманской среды и с отсутствующей собственной религиозной идентичностью;
- национальные и религиозные меньшинства, стремящиеся к сепарации (обособлению, отделению);
- политически амбициозные лидеры со своими преступными группами, выбирающие экстремизм в качестве метода борьбы.

Важно заметить, что возросший уровень популярности экстремизма связан и с процессами глобализации. Конфликтолог З.И. Левин отмечает: «Религия все больше вытесняется из общественной жизни, где ее место занимают современная наука, социальные и политические концепции, вера все больше переходит на уровень личностного переживания» [4, с. 6]. Такая ситуация «пугает» часть мусульманского мира, ориентированного на традиционализм и фундаментализм.

Однако следует особое внимание обратить на неофитов, о которых нам приходится слышать всё чаще в сводках новостей. Именно новообращённые являются активными участниками бандитских формирований, отличаются жестокостью и совершают громкие преступления на религиозной почве. Это, своего рода, группа риска, для которой характерно рьяное исполнение религиозных ритуалов, предписаний. Так называемая «щепетильность в вере» приводит к ошибочной трактовки ценностей ислама и манифестации ее внешних форм [1]. Приведем пример из повседневной культуры. Всё чаще на улицах наших городов появляются женщины, исполняющие требова-

ния ношения хиджаба на арабский манер. Но и в быту такие верующие «изменяют» национальным традициям в угоду арабским.

Причина подобной смены культурной парадигмы вызвана размытостью собственной идентичности. Как правило, такие люди имеют слабое представление о духовных ценностях корневой культуры и поверхностные суждения о сущности религии вообще. Не имеющий культурной основы, воспитанный с самого детства, а, следовательно, не обладающий знаниями об исламе, которые усваиваются через традицию, обычаи, этнические особенности, он оказывается «чистым листом» для деструктивной идеологии.

Рост числа новообращенных вызывает настороженность у муфтията России, имамы пытаются разрабатывать программы и механизмы адаптации неофитов [6] (информацию об этом мы можем найти на официальном сайте). Ведь поведение неофитов в конечном итоге не развивается, а тормозит развитие мусульманства сегодня.

Говоря об исламском экстремизме нельзя не сказать, что мы подразумеваем культуру, искажающую ислам, паразитирующую на теле мусульманского социума. Для такой идеологии характерна культурная выборка из «выгодных» имён, понятий, событий истории, поддающихся вольной трактовке.

Например, идея «чистоты» веры, благодаря которой экстремисты запрещают различные достижения цивилизации лишь на том основании, что они не прописаны в Коране. Возникает простой вопрос: существует ли в Священном тексте упоминание об использовании тротила, огнестрельного оружия и пр.? Или, однобокая трактовка понятия «Джихад», когда экстремисты всё внимание сосредотачивают лишь на его четвертой форме (священная война), вдобавок нарушают принципы ведения боевых действий. Но любое искажение принципов ислама мотивируется вырванными из контекста цитатами священной литературы. В итоге, экстремисты постоянно нарушают ключевые запреты гуманистической религии и искажают ее смыслы о веротерпимости, миролюбии и социальной справедливости.

Однако, сами представители радикальных учений и групп считают, что, наоборот, следуют истинной вере, очищая религию от чужеродных элементов, не присущих мусульманскому видению мира. Здесь необходимо упомянуть салафитов, которые в разные периоды истории ислама выступали с призывами возврата к образу жизни раннемусульманских

общин и избавлению от новшеств, привнесенных Западом [2, с. 204]. Именно с идеологией салафизма связана деятельность разных радикальных учений, в т.ч. ваххабизма. По мнению салафитов, истинный ислам – это ислам VII в., поэтому они рассматривают Коран буквально. Любые действия, выходящие за пределы книги, жестко критикуются и подвергаются терпору. Любая мысль, не вписывающаяся в концепцию салафизма, считается лживой. Поэтому даже умеренные салафиты, не призывающие к насилию, представляют потенциальную угрозу, их взгляды, экстремистские по сути, могут быть серьезным идеологическим оружием. Так называемые «умеренные» салафиты наряду с радикалами этого течения, не менее опасны, так как, по сути являются единой идеологией, не приемлющей национальных ценностей и традиций [3].

Таким образом, экстремизм в современном исламе представляет собой, безусловно, паразитарное явление, использующее и трактующее традиционную религиозную культуру в контексте «оправданного» насилия и агрессии. Но экстремизм получил благодатную почву для развития именно в мусульманстве, что обусловлено современными и рядом исторических факторов, выраженных в подавлении мусульманской самобытности в предшествующие исторические периоды.

Важно, что экстремизму удалось перешагнуть культурные границы и утвердить свою идеологию в иной культурной среде. Здесь основной причиной популярности псевдомусульманской религии стал кризис идентичности. В любом случае, как у мусульман, так и в среде неофитов экстремизм становится маркером потери собственного «Я», размытости культурного и религиозного самосознания. Потеря себя как человека определенной национально-религиозной культуры приводит к выбору девиантных форм религии.

Внутри самого ислама существует культурная оппозиция экстремизму, выраженная в формировании путей модернизации этого вероисповедания, а также гуманистической сущности исламской картины мира. Но следует понимать, что без исчезновения причин развития экстремистской культуры невозможно укрепление миротворческого потенциала ислама. Социокультурная деятельность, направленная на устранение причин развития экстремизма – первостепенная задача любых стратегий культуры мира и ненасилия.

Список использованных источников

1. *Абдулов Малик*. Умеренность и поэтапность в Исламе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gumer.info> (дата обращения: 22.11.2014).
2. *Гайнутдин Равиль*, муфтий. Ислам в России. – М., 2004. – С. 281.
3. «Кто такие салафиты?» // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – URL: <http://interaffairs.ru> (дата обращения 26.11.2014).
4. *Левин З.И.* Фундаментализм. – М., 2003.
5. *Малый энциклопедический словарь*. – М., 2002.
6. «О важности приобщения русских мусульман к делам уммы» // Сайт: Совет муфтиев России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.muslim.ru> (дата обращения: 26.11.2014).
7. Традиционализм и модернизм в исламе [Электронный ресурс]. – URL: <http://velsat.net/tradicionalizm> (дата обращения: 28.11.2014).
8. *Ганчар Г.М.* Национализм как научная проблема современного культурологического знания // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической

конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 49-52.

Ippolitova A.G.

**THE REASONS FOR ISLAMIC
EXTREMISM DEVELOPMENT
IN MODERN CULTURE**

The article examines the influence of religious extremism in modern culture. Extremism is the way to demonstrate violence and deviant social relations in culture. Today, these values are transmitted through the use of Islam which is caused by a number of objective socio-cultural reasons, one of which is expressed in the crisis of identity as a Muslim and other societies.

Keywords: *extremism, identity, neophyte.*

УДК 32.001

Карпиленя Н.В.

**ДУХОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ДЕРЖАВНЫЙ АВТОРИТАРИЗМ ГОСУДАРСТВА,
СУВЕРЕННАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ОБЩЕСТВА:
ОБОСНОВАНИЕ ФОРМУЛЫ ТРИЕДИНСТВА**

В статье на основе исследования цивилизационных, геополитических, геостратегических, духовных, социальных факторов получили дальнейшее развитие идеи работы, представлен личный взгляд автора на модель политической системы рациональной смешанной формы политических режимов государств Евразийского союза, определяющую национальные интересы взаимоотношения личности, общества, государства и способную служить сбережению, укреплению, устойчивому развитию государств и народов, формированию и построению нового миропорядка.

Ключевые слова: *цивилизация, геополитика, политика, общество, государство, политический режим, духовность, демократия, суверенитет.*

Народ может простить писателям многое, но не может простить молчание во времена, когда решается его судьба.

Максим Танк

История – прошлая политика, сегодняшняя политика – будущая история.

Н.В. Карпиленя

Введение

Всем западным цивилизациям и государствам, в них входящим, чтобы строить так желаемый ими многополярный мир, следует извлечь уроки из прошлого, установить истинные причины побед и поражений в многочисленных войнах и военных конфликтах. К сожалению, ведь и ныне проблема военного противоборства никуда не исчезла. Так, к примеру, большое значение в теории К. Клаузевица [12] придается следующим моральным силам, влияющим на ход вооруженной борьбы: талант полководца (знания, воля и другие его качества), сохранившаяся в наших народах от Победы в Великой Отечественной войне воинская доблесть армии, обу-

ченной и сплоченной корпоративным духом, и дух народа, комплектующего армию (энтузиазм, фанатизм, вера, убеждение и др.).

История не раз подтверждала истину, что талант полководца, воинская доблесть его армии непременно зиждутся на духе всего народа того или иного государства. В статье рассматриваются проблемы сохранения равновесия между этими составляющими, как между тремя точками притяжения, для обеспечения устойчивого развития государств Евразийского союза, способных (по мнению автора. – *Н.К.*) обеспечить мирный переход к построению многополярного, вместо предпринимаемых последних и, быть может, самых жестоких попыток в XXI в. формирования однополярного мира. По всему выходит, что именно твердая воля духа Человека находится в центре военного искусства. Общеизвестно, что Народный дух в продолжительном мире имеет тенденцию к снижению. Вот почему политическому руководству страны, Главнокомандующему Вооруженными силами (Верховному главнокомандующему) следует постоянно иметь в поле зрения эту невидимую связь со своим народом. Безусловно, наряду с моральными силами, т. е. духовными свойствами и их воздействием, следует рассматривать в неразрывной связи, выражаясь словами К. Клаузевица, физические, математические, географические, статистические факторы и помнить предостережение великого теоретика: «Да хранит Бог всякого теоретика от столь пагубного начинания рассматривать их по отдельности» [12]. В современной интерпретации данная фраза К. Клаузевица может быть представлена так: да хранит Бог всякого военного теоретика рассматривать цивилизационные, геополитические, геостратегические, геоэкономические, духовные, социальные, информационные и иные факторы, влияющие на национальную безопасность государства, по отдельности, вне их взаимной системной связи.

На основе цивилизационного, геополитического, геостратегического, геофилософского анализа протекания современных процессов автор с позиции цивилизации Суши рассматривает модель смешанной (демократической, авторитарной) формы политических режимов в государствах Евразийского союза, которая позволит перейти к формированию устойчивой системы многополярного мира и прекратить существующий тысячелетний натиск на Восток со стороны Запада, что поможет и ему самому вернуться к системе возрождения гуманизма, который был характерен в отдельные века для развития западной цивилизации.

1. Духовность как основной элемент – фундамент всей конструкции триединства

Сейчас, как и во все времена, идет бой самый главный – бой за душу человека.

Еще Эпикур считал, что законы и справедливость для каждого времени и места должны быть свои. Эти слова мыслителя и сегодня актуальны. Потому нам следует отчетливо представлять всю многообразную, слабоструктурированную, во многом неопределенную взаимосвязь событий текущей картины мира и во всей этой сложности найти свое место, чтобы направить все усилия на укрепление государства, реализацию своих интересов, не разрушая общепринятых всеми цивилизациями норм и правил общежития на единой планете.

Ведь еще Сократ залогом процветания общества считал нравственное совершенствование человека. Исходя из нравственно-разумной основы государства, Сократ заложил традицию разделения форм правления на правильные и неправильные. К правильным он относил монархию, аристократию и демократию, а к неправильным – тиранию, олигархию, охлократию. Платон, в свою очередь, считал, что нужно воспитывать не только тело, но и душу воинов, а также утверждал, что одной из причин нестабильности демократии является то, что она чрезмерно стремится к свободе. Кстати, Платон, как и Сократ, также выделял шесть форм правления, но демократию относил к неправильной, считая, что реально существующие формы правления имеют тенденцию к вырождению и смене друг друга по мере разложения общественной морали. Аристотель также относил демократию к неправильной форме правления. Наилучшая форма, с точки зрения Аристотеля, должна сочетать в себе достоинства различных «чистых» форм, т.е. должна быть смешанной [18, 28].

В основе общественной морали лежит духовность каждого человека. Сохраним духовность в человеке – сбережем и приумножим духовные скрепы всего общества, дух целого народа. «Демократия» в грязных технологиях сетецентризма в геополитической борьбе [32] заключается именно в психологическом надломе нации через конкуренцию как в политике, так и в экономике, что неминуемо порождает коррупцию, вседозволенность власть имущих, что затем приводит к разрушению самой идеи народовластия, т.е. демократии. Иными словами, демократия в руках сегодняшней «элиты» целых госу-

дарств и военно-политического блока НАТО означает подчинение себе мира. Чтобы противостоять, надо создать такую конструкцию, когда главным в приходе к власти будет не личное благо, а общее благо всего народа.

В знаменитом выражении графа С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность» первый элемент триады – православие [33]. Нисколько не принижая роль православия, безусловно, самого главного актора дальнейшего развития православной (евразийской) цивилизации, который может в перспективе вернуться на свое историческое место, сегодня в постсоветской трансформации марксистских, коммунистических ценностей для постепенной консолидации наших многосоставных, многоконфессиональных обществ (так, только в Беларуси насчитывается 25 конфессий и 140 национальностей) считаем целесообразным полагать фундаментом всей конструкции триединства именно духовность, как обобщающий элемент, который может сплотить все конфессии постсоветского геополитического пространства. Прошедшие почти 25 лет постсоветской жизни все больше приводят многих граждан бывшего СССР к пониманию, что то наше прошлое советское общество можно считать обществом, в котором была попытка построить «рай на земле», но без Бога. Иными словами, идея коммунизма, закреплённая в Кодексе строителя коммунизма, – как идея православия, но без Бога.

Сегодня мир, под натиском западной цивилизации со свойственными только ей ценностями, направленными на благо лишь личности, переживает усиление действия факторов «тяжеловесов», с рождения присущих каждому человеку, – эгоизма, наживы, алчности, порока, вседозволенности. Человек под действием этих факторов ничего не видит, кроме своей личности и личного интереса. Захватившая все общества коррупция – это есть не что иное, как вырвавшаяся наружу «раковая болезнь» самой личности, стремящейся к личному обогащению, презрев всякие моральные человеческие нормы. Ведь еще Конфуций, живший во времена доносов, искал спасение целого народа в укреплении нравственных начал, какими считал заботу о старших, о родне, чувство уважения и любви к людям, живущим рядом, и др.

Платон, в свою очередь, считал, что трем началам человеческой души – разуму, воле и чувствам соответствуют три добродетели – мудрость, мужество и благоразумие. Более того, он утверждал, что правильные формы правления вырождаются в неправильные, как было отмечено выше, по мере разложения общественной

морали. Не наблюдаем ли мы в наши дни тенденции существенного понижения нравственных начал, по Конфуцию, и разложения общественной морали, по Платону (однополые браки и др.)? Не потому ли насаждаемая странами Запада либеральная демократия, которая создает предпосылки для разложения традиционных обществ, государств и цивилизаций, приводит к неуправляемой охлократии (события последних 20 лет в Югославии, Ливии, Сирии, Египте, Украине...)? Ведь еще Гоббс утверждал, что «человек – существо разумное, но эгоистичное, подверженное страстям». Вот почему именно общее повышение духовности всей нации в результате искусно проводимой государственной идеологии путем государственного образования на всех ступенях и воспитания и может эволюционно, медленно исправлять человеческую природу, служить фактором исправления человеческой личности, которой с рождения присуща эгоистичность.

Таким образом, в результате духовного развития человека улучшатся нравы общества, общественная мораль. Из такого общества народом будут выдвигаться лучшие лидеры, которые будут «богатеть» вместе с народом, а не за его счет. Такие лидеры обретут народное доверие, и государство будет развиваться в направлении приумножения материального и духовного в гармонии с окружающей средой, в которой обитает человек, а значит, более успешно решатся и многие проблемы человечества на единой планете. Именно общее повышение духовности человека станет противоядием в нем самом против таких пороков, как эгоизм, алчность, нажива, что неизбежно скажется на снижении коррупционных проявлений в обществе в целом.

2. Державный авторитаризм – основа сильного независимого государства

Всем очевидно, что в основе человеческой жизнедеятельности лежит удовлетворение потребностей. Потребности – это объективная нужда человека в предметах материального и духовного производства. Осознанные потребности выступают как интерес. Интерес – это способ связи индивида с окружающей средой в целях удовлетворения своих потребностей. Но и интереса еще недостаточно для того, чтобы потребности были удовлетворены. Пусковым механизмом интереса является воля. Однако у каждого человека есть индивидуальная воля, и, если бы

каждый руководствовался только своей волей, получилось бы «своеволие», хаос, «борьба всех против всех».

Следовательно, возникают коллективная и общественная потребности и интерес в регуляции волеизъявления граждан. Такую функцию выполняет власть, понимаемая, по Веберу, как «способность провести свою волю, навязывая ее, если необходимо, другим людям». С появлением публичной, выделяемой из общества власти возникает политика. Политика – сфера деятельности, в которой реализуются отношения господства и подчинения между социальными классами и слоями, связанные с завоеванием, распределением, удержанием, осуществлением или ниспровержением власти.

Развитие международных событий последних десятилетий позволяет утверждать правильность высказывания Ж. Руссо, что «лишь сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам». По мнению М. Вебера, «государство есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство».

Из курса политологии известно, что государственная власть – это разновидность политической власти, которая обладает суверенитетом, наличием воли, авторитетом и способностью к принуждению.

Суверенитет (от фр. *souveraineté*) – это независимое полномочие субъекта права при принятии решений в пределах предоставленных ему полномочий. Суверенитет означает не зависящее ни от каких сил и обстоятельств верховенство субъекта. Государственный суверенитет – это верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность в международных делах.

В качестве возможной стратегии политической модернизации государств Евразийского союза автор предлагает не либеральный (Даль), а консервативный подход (С. Хантингтон), т.е. осуществление модернизации в рамках более жесткого державного (по мнению автора. – *Н.К.*) авторитарного режима существующего ныне демократического конституционного строя, который является необходимым условием достижения целей переходного периода от традиционного (натуральное хозяйство, сословная структура и традиционные этические нормы в качестве регулятора общественных отношений) общества к обществу индустриального типа, основанному на машинной технологии производства и рациональных принципах организации различных сфер общественной жизни. Ниже приводится обоснование такой необходимости.

Итальянского философа Н. Макиавелли (1469–1527) считают первым мыслителем, заложившим фундамент обоснования силы государства на базе качеств разума и силы самого государя. В своих трудах (и прежде всего, «Государь») он подчеркивал: только при сильном правителе возможно создать независимое итальянское государство, освободиться от чужеземного ига; для сохранения власти правитель должен уметь правильно отступать от требований добра и справедливости, сочетать в себе социально одобряемые качества, а также власть и силу, необходимые для сохранения жизни и благосклонности подданных. Для достижения успеха в политике, считал Н. Макиавелли, необходимо руководствоваться не столько законами нравственности, сколько знанием человеческой природы и правильным подбором средств достижения, удержания и использования ВЛАСТИ. При этом власть являлась для Макиавелли не самоцелью, а средством создания общего блага, под которым он понимал согласие и стабильность в государстве и которое можно достичь хорошими законами и сильным войском. Н. Макиавелли также считал, что «мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и государстве – только тогда он может положиться на их верность».

Английский философ Т. Гоббс (1588–1679), разделяя мнение древнеримского писателя Плавта – автора известного изречения «человек человеку волк», считает, что эгоистическая природа человека препятствует созданию гармоничного общества, кооперации и исключает альтруизм и солидарность. Но человек при этом наделен рассудком. Так, по мысли Гоббса, люди обнаруживают потребность в «социальном контракте», т.е. базовом соглашении, где все вместе добровольно отказываются от безграничной и ничем не сдерживаемой реализации своих эгоистических желаний в пользу системы общепринятых правил. Левиафан – это земной бог, созданный людьми в процессе социального контракта для предотвращения взаимного самоистребления и обуздания анархии. Левиафан – это сильное современное государство.

Француз Ж. Боден (1530–1569) является первым теоретиком концепции суверенитета. С точки зрения Ж. Бодена, суверенным является тот правитель, над которым не стоит никакой другой властной инстанции, кроме Бога. После Бодена тезис о суверенитете как

об основной черте современного государства стал общепринятым в политической науке. Именно Боден дал толкование суверенитета как абсолютной власти государства над обществом.

Анализ современной обстановки позволяет утверждать, что суверенное национальное государство должно строиться на трех основных политико-философских моментах: «князе» (по Н. Макиавелли), воплощающем рациональность, волю и эффективность, «Левиафане» (по Т. Гоббсу), как аппарате легитимного насилия, и «суверенитете» (по Ж. Бодену), как основной черте современного государства [11].

Но, в отличие от Гоббса, западного исследователя, жившего в эпоху жестокого противостояния всех против всех, считающего, что «Левиафан» не ставит перед собой цели исправить природу человека (это невозможно и нереалистично) и что он просто призван предотвращать анархию и закономерное истребление человеком человека, автор статьи, исходя в том числе из практического опыта управления большими воинскими подразделениями, считает, что именно на фундаменте державного авторитаризма возможно медленное духовное совершенствование человека. В то же время практическая реализация державного авторитаризма должна строиться с учетом предостережения В.И. Ленина, утверждавшего, что «во главе государства должны стоять люди, не обремененные большим капиталом. Богатый у власти будет думать только о сохранении и преумножении своего капитала, а не народа».

Таким образом, чтобы обеспечить медленное изменение человека, его духовное совершенство, реализуя высказывание Спенсера о том, что только медленное изменение человека в процессе социальной жизни может произвести устойчивые перемены к лучшему, государственная власть должна обладать свойством державного авторитаризма. Раскроем содержание данного термина.

Держава (от др.-рус. дыржа – владычество, могущество) – независимое, самостоятельное государство.

Авторитаризм (от лат. auctoritas – власть, влияние) – политический режим. По сути, авторитарный режим – это «компромисс» между тоталитаризмом и демократией, он является переходным от тоталитаризма к демократии, равно как от демократии к тоталитаризму. Авторитарный режим близок к тоталитаризму по политическому признаку, а к демократии – по экономическому. При любом авторитаризме контроль правительства над обществом не является всеобъемлющим, что и отличает его от тоталитаризма. Авторитарная власть основывается на личности лидера, его спо-

собности удержать власть и привлекать сторонников. «Суров, но справедлив» – вот характеристика идеального правителя на Руси. Для современных независимых евразийских государств, которые являются продолжением культурно-исторических традиций Руси, Российской империи, СССР, в архетипе, менталитете народа сохранилась внутренняя готовность подчинения своему демократически избранному национальному лидеру.

Следовательно, авторитаризм – это, во-первых, социально-политическая система, основанная на подчинении государству или его лидерам; во-вторых, социальная установка или черта личности, характеризующаяся уверенностью в том, что в обществе должны существовать строгая и безусловная преданность правителю, беспрекословное подчинение людей авторитетам и властям [4]. Цель государства – быть реально независимым, самостоятельным в решении своих внутренних и внешних проблем требует наличия в своей конструкции державного авторитаризма.

Ведь русское государство во всей своей истории (за исключением последних 10 лет XX в. в России) идеократично по своей природе. Власть, согласно традиционному русскому пониманию, дается прежде всего для служения и исполнения некоего предназначения, за которое придется отчитаться и перед людьми, и перед Богом.

Русская ментальность в качестве идеала государственной власти санкционирует власть единоличную (ответственную), сильную (авторитетную) и справедливую (нравственную). По всему выходит, нынешняя Россия (как Беларусь и ряд других стран бывшего постсоветского пространства, по мнению автора статьи) – вождистская, патерналистская, авторитарно-патриархальная страна, и народам, в ней проживающим, нужен не часто переизбираемый чиновник-менеджер, а строгий и справедливый Отец нации [9]. Нельзя не согласиться с теми, кто считает, что либеральная установка на регулярную сменяемость высшей власти принципиально неверна и вредна.

Таким образом, в целом странам Евразийского союза не подходят ни модель либеральной демократии, ни возвращение к традиционной монархии.

3. Суверенная народная демократия – желаемая цель развития государства

Президенту США, одному из организаторов Республиканской партии А. Линкольну

(1809–1869) принадлежит известное определение, что демократия (от греч. *demos* – народ и *kratos* – власть) – «правление народа, осуществляемое для народа посредством народа».

Важнейшим принципом (критерием) демократии является народный суверенитет, т.е. признание всеми того, что народ – источник власти и носитель верховной власти.

Идея народной демократия берет свое начало в трудах Вольтера, Руссо, Франклина, Адамса, Мэдисона, Гамильтона и др. Но сегодня, в условиях доминирования либеральной западной демократии с вызовами разрушения других (незападных) государств и цивилизаций, именно суверенная народная демократия может способствовать укреплению государств-наций и служить многополярному устройству человеческих цивилизаций во имя упрочения мира на планете Земля и предотвращения цивилизационных и геополитических противостояний.

Суверенная демократия – концепция, введенная в широкий оборот в России В.Ю. Сурковым в 2005–2006 гг. Надо отметить, что данный термин широко использовался в разных значениях начиная с XVIII в. Так, Руссо использовал словосочетание *democratic souveraine* (фр.) для обозначения верховной власти народа [19].

По сути, демократия ныне должна отражать процесс выборов не как противоборство интересов, а как единство власти и всего народа. В этом смысле российское понятие суверенной демократии отличается от европейского понятия демократии. В современном смысле суверенная демократия заключается в возможности для российского государства не подчиняться другим крупным центрам власти, как это обречены делать маленькие государства Центральной Европы.

Некоторые исследователи считают, что суверенная (и справедливая) демократия России – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина.

По мнению В.Ю. Суркова, «суверенная демократия – это образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими» [21].

В то же время смысл добавленного (автором. – *Н.К.*) слова народная (коллективистская) в том, что суверенная демократия должна быть основана «на полном экономическом и политическом суверенитете народа страны» [16], а не

быть плюралистической, не говоря уже о либеральной (индивидуалистской).

В настоящее время очень важно, чтобы нынешняя демократическая модель управления страной учитывала социальные интересы большинства граждан, а не только национальной буржуазии, которой позволено нынешней властью России вернуть в основном несправедливо приобретенное с 90-х гг. прошлого века имущество из-за рубежа. Другими словами, вернувшиеся национальной буржуазией богатства из-за рубежа должны начать работать на социальную защиту всего населения страны, а не послужить новой формой еще большего разрыва между богатыми и бедными. По сути, Россия подходит к тому моменту своего исторического развития, чтобы те, кому позволили сохранить незаконно вывезенный народный капитал, поступили так, чтобы он вновь стал работать на весь народ, а не обратился в средство дальнейшего личного обогащения. Российской власти следует предпринять исчерпывающие меры, чтобы проект возвращения капитала не стал ширмой прикрытия для сохранения личного капитала не только от мощных внешних игроков, но и от недовольства собственного народа. Ибо российские крупные собственники, прикрываясь термином «суверенная демократия» и закрыв страну от «лишних» взоров, будут еще жестче эксплуатировать население.

Другими словами, в результате западных санкций и возможного скорого отъема всего российского капитала, хранящегося в западных банках, возвращенный российскими собственниками капитал призван помочь России повысить экономическую безопасность страны и стать работать на общее благо. Только в этом случае российский народ может признать пользу такого решения действующей власти и простить его «ограбление».

По сути, конструкция суверенной демократии, являющейся наряду с социал-демократией и центризмом официальной идеологией «Единой России», требует (по мнению автора. – *Н.К.*) соединения с конструкцией народной демократии, представляемой КП РФ, а в обобщенном виде должна быть реализована как суверенная народная демократия, что позволит не только соединить государственные интересы в России, но и приблизиться к социальной направленности всей конструкции государственного устройства Беларуси. А значит, наконец, подойти к построению действительно Союзного

государства Россия – Беларусь, что станет локомотивом развития всего Евразийского союза.

Можно считать, что обобщенный термин «суверенная народная демократия» есть оригинальное авторское понимание будущего идеального государственного строя России в его внешней политике, не совпадающей с политикой Запада. Во внутренней политике смысл формулы близок к формуле идеального «стабильного государства».

Таким образом, предлагаемая формула триединства государственного управления, сочетающая в себе духовность личности, державный авторитаризм государства, суверенную народную демократию общества, подразумевает наличие смешанной формы правления – державный авторитаризм Президента (Главы) государства и всей демократической конструкции государственной власти, всемерно повышающей духовность личности, всей нации на фундаменте суверенной народной демократии, одной из главных забот которой будет улучшение нравственных начал в человеке. Да. Именно такой формы народной демократии, которая будет способствовать укреплению самого государства – суверена, его целостности, строгому соблюдению конституционных прав и свобод, а не только ничем и никем не ограниченных прав и свобод подверженной страстям и порокам эгоистической гедонической личности, нацеленной на потребление.

Представляется, что интегральным результатом формулы триединства будет медленное, эволюционное изменение человека от человека «Я – это мои вещи» к человеку будущего, идентифицирующему себя как «Я – это мои принципы».

Идеология государства, ориентированная на повышение духовности человека и укрепление государства-нации и построенная на фундаменте патриотизма, коллективизма, социальной справедливости, будет служить политической социализации личности и общества в целом. В этом единстве будут происходить выражение, сбор и обобщение интересов, политическое рекрутирование (отбор) элиты во власть, а затем политическая коммуникация с представителями всех структур власти, которые призваны заниматься нормотворчеством, применять принятые законодателями правила и нормы, осуществлять контроль за этим процессом, распределять материальные и духовные ценности в обществе и в итоге эффективно использовать коллективные действия для достижения общих целей построения сильной и процветающей России и Беларуси, а также служить ориентиром для всего Евразийского союза.

Именно такая конструкция и будет способна в максимальной степени приблизить возможность реализации эффективности, легальности и легитимности политической власти в государстве в целом. Напомним, что эффективность власти – это ее результативность, т.е. соответствие действий, осуществляемых по ее воле, тем целям, которые она ставит перед собой и обществом. Легальность означает осуществление власти в рамках закона, т.е. законность власти. А легитимность означает авторитет власти, ее признание гражданами.

Всем незападным цивилизациям, строящим многополярный мир, следует понять самую главную для себя опасность, которая заключается в западной демократии (частая смена власти) и рыночной экономике, так как именно не имеющая моральных регуляторов конкуренция в политике (демократия) и экономике (рыночная экономика) есть следствие перехода, по Платону, от правильной к неправильным формам правления. Именно они – эти формы правления – приводят к разрушению общественной морали, что является питательной почвой для появления крайних форм тоталитаризма и других бед человечества. По мнению автора, именно следование ряда государств незападных цивилизаций по пути западной демократии и рыночной экономики приводит их страны к охлократии (власти толпы в политике) и полному разрушению собственной экономики. Необходимо, наконец, осознать, что сам капитализм, несущий в себе и демократию, и рыночную экономику, не решает главных проблем человечества – сокращения бедности и безработицы, тех социальных условий, которые разрушают государство и приводят к гражданским и иным войнам.

Формула духовность, державный авторитаризм, суверенная народная демократия состоит в том, что духовно, нравственно, интеллектуально развитый национальный лидер, отдающий себя служению державе на благо всего народа и Отечества, богатеющий вместе с народом, а не за его счет, станет всемерно заботиться о духовности каждого человека и делать все для обеспечения подлинного народного суверенитета государства-нации, реализуя демократические принципы народовластия.

Сильная (легальная и легитимная, соответственно, законная и авторитетная) и эффективная государственная власть социально ориентированной страны (государства все-

общего благоденствия) может и должна стать неременным условием расцвета духовного потенциала человека будущего, его материального благополучия, сбережения народа-нации, сохранения общественной стабильности, укрепления государства, ибо практика жизни ряда государств убедительно свидетельствует, что, выражаясь словами Дж. Вашингтона, «люди без принуждения не примут и не будут выполнять меры, направленные для их же собственного блага». Вот почему проблема «поднятия» самого человека, его духовный рост есть непреложная задача ответственного государства и его власти в широком смысле – как его государственных, так и негосударственных политических институтов всего гражданского общества.

Заключение

Представляется, что построение сильных государств Евразийского союза возможно лишь на фундаменте моральных оснований, а не только юридических и экономических, к чему все еще тяготеет часть национальных элит.

Очевидно, что сегодня главная задача России, некоторых других постсоветских стран Евразийского союза и человечества в целом – не превратиться окончательно в «ням-ням» [13], не позволить игрокам (США, ЕС в блоке НАТО) расчленив род человеческий на некие разновидности. Вот почему нам так необходимо действительное «возрождение и внедрение в массовое сознание мировоззрения, отвечающего подлинным традициям России, связанного с приматом духовного над материальным, культом скромности, честного труда, взаимопомощи. Необходимо культурно-нравственное единение всего населения, изменение системы ценностей, возведение в абсолют моральных ценностей» [9]. Ведь нам хорошо известно на примере распада СССР, что развалить систему можно, разрушая связи и демонтируя цель. И ныне слабое звено всей сегодняшней системы власти ряда государств Евразийского союза – прозападная либеральная часть населения, имеющая собственность, банковские счета, обучающая своих детей на Западе, уклоняющаяся от службы в Вооруженных силах своих государств и не планирующая служить своему народу и Отечеству.

Духовность, державный авторитаризм, суверенная народная демократия – есть общий ненулевой регулятивный вектор, обеспечивающий баланс интересов человека, общества, государства, устойчивое развитие и прогресс государства-нации, а для сегодняшних Евразийских государств только и способный остановить «однополярную идею» глобализма, т.е. доминиро-

вания Запада над остальным человечеством, а по сути, возврат к колониализму, который существовал в предыдущие эпохи. Только такой магистральный путь может покончить с индивидуализмом человеческого существа, медленно изменять человеческую природу и сохранить планету Земля для будущих поколений Людей.

Очевидно, что только человек, ясно осознающий себя как часть самых больших МЫ, т.е. идентифицирующий свою принадлежность к определенной цивилизации, а следовательно, и к геополитическому местоположению, сумевший следовать ментальному архетипу своего народа; человек, стремящийся к внутреннему духовному самосовершенствованию; человек Знаний, рационально расходующий земные ресурсы и живущий в гармонии с окружающей средой – только такой Новый Человек будет способен максимально самоограничивать свой эгоизм, алчность, корысть и другие врожденные пороки человека.

Дух народа, воинская доблесть военной организации государства, как и общая духовность человека, не могут служить разменной политической монетой либералов, консерваторов, социалистов и других политических идеологических течений, существующих в разной степени в каждом государстве, если оно заявляет своей целью быть суверенным, независимым и целостным.

Только стабильная общественно-политическая система государства (на фундаменте духовности народа) с государственной идеологией и сильным национальным лидером (а лучше Отцом (Матерью) нации) способна, не шарахаясь под давлением рукотворных внешних и объективно-субъективных внутренних обстоятельств, строить желаемое будущее, учитывая пожелания каждого человека и волю всего народа (особенно когда он многонационален и многоконфессионален), а в сложное для страны время – с оружием в руках защитить суверенитет, конституционный строй и независимость государства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2008. – 48 с.
2. Конституция Российской Федерации. – М.: Проспект, 2013. – 32 с.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента РБ №575 от 9 нояб. 2010 г. – Минск: Белорус. Дом печати, 2011. – 46 с.
4. Авторитаризм // Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев [и др.]. – М.: Инфра-М, 2003.
5. Сетевые аспекты современности: учеб. / В.И. Анненков [и др.]; под общ. ред. В.И. Анненкова. – М.: РУСАВИА, 2013. – 496 с.
6. *Аттали Ж.* Краткая история будущего / Ж. Аттали; пер. с франц. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.
7. *Вонсович Л.В.* Основы идеологии белорусского государства: ответы на экзаменац. вопр. / Л.В. Вонсович. – 4-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 192 с.
8. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций / Н.Я. Данилевский. – М.: Алгоритм, 2014. – 592 с. – (Золотой фонд политической мысли).
9. *Добреньков В.И.* Основы политологии. Консервативный взгляд: учеб. пособие для вузов / В.И. Добреньков, С.О. Епишев – М.: Акад. проект; Альма матер, 2013. – 311 с. – (Gaudeamus)
10. *Дугин А.Г.* Геополитика: учеб. пособие для вузов / А.Г. Дугин. – М.: Акад. проект, Гаудеамус, 2011. – 583 с. – (Gaudeamus).
11. *Дугин А.Г.* Международные отношения. Парадигмы, теория, социология: учеб. пособие для вузов / А.Г. Дугин. – М.: Акад. проект, 2013. – 348 с. – (Gaudeamus).
12. *Клаузевиц К.* О войне / К. Клаузевиц; пер. с нем. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 864 с.
13. *Кургинян С.Е.* Суть времени: в 2 т. / С.Е. Кургинян. – М.: МОФ ЭТЦ, 2013. – Т. 1. – 592 с., Т. 2. – 680 с.
14. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН; Российский фонд культуры. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
15. *Леклерк А.* Русское влияние в Евразии: Геополитическая история от становления государства до времен Путина / А. Леклерк. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 367 с.
16. *Мельников И.* России нужна народная демократия, основанная на полном экономическом и политическом суверенитете страны // Правда. 2006, – 1–4 сент. 2006.
17. Философская инноватика и современная геополитика: отчет о НИР «Идентичность-РБ» (заключ.) / УО «ВА РБ»; рук. темы В.А. Ксенофонтов. – Минск, 2014. – 258 с.
18. Политология: учеб.-метод. пособие / О.И. Адамюк [и др.]; под общ. ред. В.А. Ксенофонтова. – Минск: ВА РБ, 2012. – 356 с.
19. Руссо Жан Жак // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
20. *Старостин А.М.* Философские инновации: концепция и основные сферы проявлений: моногр. / А.М. Старостин. – Ростов н/Д: СКАГС, 2009. – 564 с.
21. *Сурков В.Ю.* Национализация будущего / В. Ю. Сурков // Эксперт. – 2006. – 20 нояб.
22. *Хаттингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хаттингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.
23. *Карпиленя Н.В.* Об одном из подходов обеспечения национально-государственного суверенитета и развития Республики Беларусь / Н.В. Карпиленя // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности: материалы II Международ. науч.- практ. конф., Минск, 10–11 апр. 2014 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Ксенофонтов [и др.]. – Минск, 2015. – Ч. 2. – С. 118–121.
24. *Карпиленя Н.В.* Геополитика: борьба за пространство и могущество в Евразии / Н.В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2013. – № 3 (40). – С. 23–29.
25. *Карпиленя Н.В.* Духовно-политические основы государственной целостности России: история и современные проблемы построения Евразийского союза / Н.В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2013. – № 4 (41). – С. 146–153.
26. *Карпиленя Н.В.* Проект «Духовность Человека» – альтернативная Западу всемирно-историческая модель развития России и государств Евразийского союза / Н.В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2014. – № 1 (42). – С. 98–108.
27. *Карпиленя Н.В.* Фундамент могущества государств Евразийского союза – в сплаве приоритетных черт характера личностей общества / Н.В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2014. – № 2 (43). – С. 202–215.
28. *Карпиленя Н.В.* Неоевразийство как мировоззрение, планетарный тренд и интеграционный проект: суть нашего времени / Н.В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2014. – № 3 (44). – С. 139–149.
29. *Карпиленя Н.В.* О месте Республики Беларусь в цивилизационном и геополитическом противостоянии России и Запада / Н.В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2014. – № 4 (45). – С. 41–57.
30. *Карпиленя Н.В.* Геополитика: борьба за пространство и могущество в Евразии / Н.В. Карпиленя // Вестн. Акад. воен. наук РФ. – 2014. – № 4 (49). – С. 4–9.
31. *Карпиленя Н.В.* К новому миропорядку без «горячего» столкновения цивилизаций / Н. В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2015. – № 1 (46). – С. 10–27.
32. *Карпиленя Н.В.* Базовое условие достижения целей «сетевидной войны» и «цветной революции» в геополитической борьбе – психологический надлом подчиняемой нации / Н.В. Карпиленя // Вестн. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2015. – № 2 (47). – С. 46–67.
33. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – СПб.: Литера, 1999. – 800 с.

34. Ганчар Г.М. Национализм как научная проблема современного культурологического знания // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 49-52.

35. Лубяной В.И. Философские аспекты формирования геополитических и военно-политических интересов России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 16-19.

Karpilenya N.V.

**SPIRITUAL PERSONALITY,
AUTHORITARIANISM REIGNING STATE
SOVEREIGN PEOPLE'S DEMOCRACY
SOCIETY: FORMULA
RATIONALE TRINITY**

The article based on the study of civilizational, geopolitical, geostrategic, spiritual, social factors, has been further development of the idea of, presents a personal view of the author on the model of the rational political system of the hybrid forms of political regimes of the states of the Eurasian Union, defining national interests in the relationship of individual, society, state, which is able to serve the conservation, consolidation, sustainable development of the states and peoples, the formation and building of a new world order.

Keywords: *civilization, geopolitics, politics, society, the state, political regime, spirituality, democracy, sovereignty.*

УДК 379.85(075.8)

Колесникова И.А., Толбатовская Е.Г.

**ФУНКЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА И ТУРИЗМА**

В статье показано соотношение науки и практики, функции и значение научных исследований в социально-культурном сервисе и туризме.

Ключевые слова: *наука, практическое развитие, научное исследование, сфера социально-культурного сервиса и туризма.*

На современном этапе развития общества, культуры ни одна сфера жизни не оказывает столь существенного влияния на общественные, инновационные процессы, как наука. Именно наукой задаются характер, направленность и темпы развития практической деятельности людей во всех сферах жизни. Наука сопровождает каждый шаг человеческой жизнедеятельности в образовании, производстве, потреблении материальных и духовных благ и т.д.

Как социокультурный феномен наука возникла, отвечая на потребности человечества в производстве и получении истинного знания о

мире, и развивается сейчас, оказывая весьма заметное воздействие на преобразование всех сфер общественной жизни. Социокультурная среда трансформируется под воздействием научных открытий и достижений [2].

Будучи противоположностью науке, практика выполняет по отношению к ней ряд важных функций и прежде всего, задает науке тематику исследований. История возникновения в глубокой древности зачатков научного познания показывает, что причиной этого процесса были практические потребности людей. Источником современных научных исследований также выступают потребности (например, практические потребности развития в городе или регионе социально-культурного сервиса и туризма требуют предварительного проведения научного исследования соответствующих возможностей этой деятельности). Главное и конечное назначение науки – это совершенствование практики с целью более полного удовлетворения потребностей и интересов людей.

Практика является главным критерием истинности результатов научного познания. Если в естественном и техническом познании этот критерий объективен и потому окончателен, то в гуманитарных исследованиях он включает в себя субъективные моменты. Общеисторической закономерностью развития науки, которая отражает эти процессы, является то, что дифференциация научного знания порождает на определенном этапе своего развития интеграцию. Данная закономерность научного познания действует и в сфере социально-культурного сервиса и туризма. Практическое развитие данной сферы привлекает все большее внимание науки – появляются отрасли научного знания, которые специально занимаются изучением, например, туроперейтинга, гостиничного хозяйства, гостеприимства, международного туризма, менеджмента сервисной деятельности и др. Происходящие сейчас в этой сфере процессы дифференциации начнут в скором времени сопровождаться противоположными процессами – интеграцией. Социально-культурный сервис и туризм станет в той или иной мере единым объектом ряда взаимопроникающих и объединяющихся наук.

Современная научная деятельность не сводится к чисто познавательной, она является существенным аспектом инновационной деятельности, направленной на создание новых товаров и услуг.

Научное исследование – это особая форма процесса познания, это такое систематическое и целенаправленное изучение объектов, в котором используются средства и методы науки и которое завершается формулированием новых знаний об изучаемых объектах [2; 3].

Многообразие форм социально-культурной деятельности порождает чрезвычайную сложность ее как объекта научных исследований. Сложно-динамичный характер имеет не только СКС и Т в целом, но и каждый из составляющих элементов.

К основным направлениям научных исследований в практике сервиса и туризма можно отнести:

– географическое (по данному направлению на современном этапе развития туристской практики исследования практически не ведутся, необходимо внедрение инновационных методических разработок в области страноведения, географии и т.д.),

- экономическое,
- политическое,
- культурно-историческое,
- психологическое,

- технико-технологическое,
- исследования информационного пространства,
- исследования проблем безопасности.

Научные исследования в практике социально-культурного сервиса и туризма выполняют ряд важных функций:

- инновационное развитие;
- имеют социо-культурный эффект;
- главной функцией экономического исследования социально-культурной деятельности является расчет ее экономической эффективности;
- изучение правовых вопросов, расширение законодательной базы в области сервиса и туризма, регуляции отношений поставщика и потребителя услуг и т.д.;

– формирование критериальной базы нормирования в туризме, общественном питании, анимационном сервисе и т.д.;

– научные исследования оказывают влияние на материальные основы социокультурного сервиса, т.е. новейшие технологии (прежде всего, информационные) внедряются в материально-техническую базу социально-культурного сервиса и туризма [1; 3] (например, компьютеризация сферы социально-культурного сервиса и туризма и ее постоянное совершенствование); расширяются возможности транспортных коммуникаций; техника выступает как средство обеспечения духовного, материального потребления, материальный носитель духовных благ и ценностей и т.д.;

– научные исследования сферы социально-культурного сервиса и туризма оказывают воздействие на сферу производства и общественные отношения, развитие международных отношений и т.д.;

– социально-культурный сервис страны, региона, области, республики, города и т.д. является неотъемлемой частью их культуры, культуры страны в целом, активно воспроизводится, распространяется и потребляется в настоящем;

– разработка имиджа отдельных туристских объектов, региона и т.д.;

– связь науки с историей и их приложение в область социально-культурного сервиса обуславливает необходимость проведения культурно-исторического научного исследования при создании новых и развитии старых объектов и видов социокультурного сервиса, объектов культурно-исторического значения;

– поскольку сфера социально-культурного сервиса и туризма ориентирована на удовлетворение преимущественно этико-эстетических

потребностей людей, постольку ее научное исследование будет способствовать именно их развитию, то есть иметь этическое и эстетическое значение;

– использование социологических, психологических методов, позволяет оценивать мотивацию потребителя, предпочтительность желательных форм процесса потребления, строить портреты потребителя туристских, санитарно-курортных, экскурсионных и т.д. услуг; изучать образ жизни потребителя услуг сферы СКС и Т [4]; оценивать возможности аттракции, разрабатывать способы привлечения потребителя с помощью рекламы и т.д.;

– идейно-воспитательный эффект;

– проведение массовой туристской работы с населением;

– многообразие и сложность социокультурных услуг обуславливает разнообразие форм технологий и комплексный характер их взаимодействия в процессе обслуживания населения, что предполагает их изучение с целью совершенствования технологий обслуживания потребителей и т.д.;

– совершенствуя процессы предоставления и потребления услуг социально-культурного сервиса и туризма, научные исследования приобретают все большее гедонистическое значение;

– совершенствование организационно-управленческих технологий СКС и Т;

– научное обоснование туризма с позиций оздоровительной направленности;

– образование, повышение квалификации специалистов по сервису и туризму [5; 6]; обеспечение кадрами отраслей туризма и т.д.

Список использованных источников

1. Дроздова А.И. Перспективы развития сферы социально-культурного сервиса и туризма с помощью инфокоммуникаций / А.И. Дроздова, И.А. Иванова // Труды Северо-Кавказского филиала Московского технического университета связи и информатики. – Ростов-н/Д., 2013. – №1. – С. 402–403.

2. Иванова И.А. Системный анализ в Социально-культурном сервисе и туризме: учебное пособие / И.А. Иванова. – Ставрополь: ГОУ ВПО «СевКавГТУ», 2007. – 105 с.

3. Иванова И.А. Техника и технология социально-культурного сервиса и туризма: учебное пособие (курс лекций) / И.А. Иванова. – Ставрополь: ГОУ ВПО «СевКавГТУ», 2010. – 91 с.

4. Колесникова И.А. Анализ психологических способов воздействия рекламы в туризме / И.А. Колесникова, И.Е. Лилянталь // Международный

научно-исследовательский журнал. – 2015. – №9(40). – Часть 4. – С. 95–97.

5. Колесникова И.А. Непрерывная профессиональная подготовка кадров для индустрии туризма / И.А. Колесникова, Е.Г. Толбатовская // Актуальные проблемы социально-экономической политики на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, молодых ученых, аспирантов и студентов (14–18 апреля 2015 г.). – Краснодар, 2015. – С. 45–48.

6. Тапешкина С.А. Использование технологий «1С» для подготовки специалистов сферы сервиса и туризма / С.А. Тапешкина, И.А. Колесникова / Применение технологий «1С» для повышения эффективности деятельности организаций образования / Сборник научных трудов Четырнадцатой Международной научно-практической конференции. – М., 2014. – С. 469–472.

7. Хациева И.А. Сущность и содержание педагогической культуры преподавателя высшей школы // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 2. Актуальные проблемы психологии и педагогики. – С. 154–156.

8. Кушеева М.К., Бомба Л.Т. Учет национальных особенностей при обучении русскому языку как иностранному // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 118–119.

Kolesnikova I.A., Tolbatovskaya E.G.

FUNCTIONS OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE PRACTICE OF SOCIO-CULTURAL SERVICE AND TOURISM

This article shows the relationship between science and practice, function and importance of research in the socio-cultural service and tourism.

Keywords: *science, practical development, scientific research, the scope of the socio-cultural service and tourism.*

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ИТАЛИИ

В статье рассматривается возникновение и эволюция итальянской мафии: от формы самоорганизации населения в средние века до транснациональных преступных группировок в кон. XX – нач. XXI вв.; анализируется структура мафиозных организаций, влияние мафии на общество и государство, специфика ее деятельности в наши дни.

Ключевые слова: *организованная преступность, мафия, «Коза ностра», «Ндрагетта», закон «омерты», мафиозные войны, мафиозная экономика, комиссия «Антимафия».*

Организованная преступность столь же стара, как и цивилизация: пиратские флотилии и разбойничьи банды встречаются уже на самых первых страницах истории. Однако современная организованная преступность, возникшая примерно век тому назад, имеет принципиальные отличия от преступных организаций доиндустриальных обществ [4, с. 10]. Возникновение организованной преступности современного типа – это качественно новый этап развития преступного мира. Если в прежние времена бандиты являлись чаще всего маргиналами, то деятельность современных мафиози строится в основном по законам бизнеса, а потому мафия стала органичным институтом рыночного хозяйства. Феномен преступности все больше выходит за пределы национальных рамок и государственных границ, приобретая транснациональный характер.

История итальянской мафии насчитывает более 150 лет. Долгие годы достоверные сведения о ней были недоступны. В основе деятельности мафии лежит закон «омерты» – молчания. Мафия – это сеть засекреченных организаций с определенными нормами поведения, своим языком жестов, эвфемизмами, руководящими органами и установленными ролями всех ее членов. Значительную роль играют родственные и личные связи. Все мафиози должны сохранять безусловную верность своему капо (главе). Отступники жестко караются. Информацией обладает очень узкий круг людей [6].

Родиной мафии является Сицилия. Сицилийцы не считают себя итальянцами. Здесь еще в древности оседали выходцы со всего Средиземноморья: греки, арабы, карфагеняне,

византийцы. В XI в. Сицилия была захвачена норманнами, их сменили французы, затем испанцы. В сер. XIX в. Сицилия вошла в Итальянское королевство. За многие века у сицилийцев сформировалось недоверие к любой власти, ее законам и ее правосудию. Именно на Сицилии возникла самая известная и влиятельная мафиозная группировка – «Коза ностра». Она сформировалась как способ самоорганизации населения и его самозащиты. Большинство сицилийцев признавало не закон, а вендетту, поскольку все преступления были личными, и размер мести мог определяться только жертвой и родственниками жертвы. А мафия была неким гарантом правомерности такого поведения.

В сознании сицилийцев мафиози всегда воспринимались как образец для подражания, как защитники бедных и обездоленных [10, с. 65]. В 1925 г. итальянский экс-премьер-министр В. Орландо заявил в сенате, что он гордится тем, что был мафиозо, потому что слово означало благородный и щедрый.

В наши дни в Италии представлены четыре крупных преступных организации мафиозного типа: сицилийская мафия, или «Коза ностра»; неаполитанская «Каморра»; калабрийская «Ндрангета», а также «Сакра корона унита» из Апулии [9, с. 80]. Кроме того, выделяются менее известные группировки: Базилиши в аграрном регионе Базиликата, возникшая в 1990-е гг.; сформировавшиеся в 1980-е гг. сицилийская Стидда и венецианская Мала дел Брента из высланных на север сицилийских мафиози; Банда делла Мальяна в пригороде Рима, существовавшая в 1970–1980-е гг. [13]

Любая мафиозная организация – это государство в государстве. Мафиозная организация состоит из семей, контролирующих определенную территорию. Главой семьи является босс, или дон (Capo di Capì), избираемый всеми капо. Его помощниками являются заместитель дона и советник (consigliere). Часто консилиери становятся адвокаты или финансисты, у них нет собственной команды, но они пользуются влиянием в семье.

Ниже них стоят капо (caporegime) – капитаны, имеющие в своем подчинении до 10 солдат-исполнителей. Капо отвечают за определенный бизнес или территорию. Семья состоит

из 6–9 таких команд. Капо отчисляют семье часть доходов. Солдатами могут быть только итальянцы по происхождению. Чтобы стать солдатом, нужно сначала доказать свою верность, пройти через роль соучастника. Когда появляется место, капо может рекомендовать соучастника в солдаты. Соучастники – это пособники мафии в бизнесе, профсоюзах, политике.

Несколько мафиозных семей объединены в коску (cosca). Отношения между косками чаще всего дружественные и деловые, хотя между ними не раз случались войны. В XX в. в Италии были две крупные мафиозные войны, унесшие сотни жизней. Известными главами семей «Коза ностры» были М. Греко из клана Греко, Б. Провенцано из клана Корлеонези, С. Бонтаде, глава клана Санта Мария ди Джезу и др. [13].

Пик могущества сицилийской мафии приходится на 1-ю треть XX в., когда «боссом боссов» был В. Кашиоферро (Кашо Ферро) по прозвищу «Дон Вито» (1862–1945). В это время мафия занималась рэкетом, проводила практику «pizzu» (досл. «смачивание клюва»), т.е. брала свою долю с любого бизнеса за «защиту» [13]. Дело было весьма доходное, так как Палермо был центром экспорта лимонов, апельсинов и бергамота. Те, кто не платил, теряли свой бизнес, а порой и жизнь.

Все мафиозные группировки возникли в сельской местности. Позже они переместились в городские районы, а затем и в транснациональный преступный бизнес. Мафия сочетает два направления экономической деятельности — нелегальное производство, где зарабатываются большие деньги (например, наркобизнес), и легальное производство, где эти деньги «отмываются» (например, переработка вторсырья). Такую форму мафиозная экономика приобретает на той стадии своего развития, когда мафия стремится «врасти в официальную систему, не порывая с преступными промыслами» [1, с. 65]. Процесс внедрения «семей» «Коза ностра» в легальный бизнес начался в 1950-е гг. Деятельность «Коза ностры» многообразна. В нач. 1970-х гг. она проводила кампанию по похищению людей для увеличения капитала, который затем был вложен в расширение торговли наркотиками, а прибыли были инвестированы в легальный высокодоходный бизнес на материке. В наши дни они все чаще занимаются биржевыми сделками, хакерством, прибыльными преступлениями «беловоротничкового» типа.

На Сицилии мафия всегда безраздельно властвовала. Единственный раз она оказалась близка к уничтожению в период правления Б. Муссолини. Князя мафии относились к фашистам неоднозначно. В 1922 г. мафия участвовала в финансировании «похода на Рим» чернорубашечников. Фашистские методы насилия и террора вызвали одобрение у мафии, но делить власть на острове они не хотели.

Диктатор, в свою очередь, не терпел соперников. В 1924 г. во время посещения Сицилии мэром г. Палермо мафиози дон Ф. Кучча заверил Муссолини, что телохранители дуче не нужны, так как он под защитой мафии. А мэром маленького городка Пьяна-дель-Гречи и один из боссов «Коза ностры» дон Чиччо, за что-то обидевшийся на Муссолини, устроил так, что на встречу с ним пришло всего 20 человек [2]. Муссолини воспринял это как личное оскорбление и принял решительные меры [6]. Война с мафией больше напоминала военные действия. За три года было арестовано более 11 тыс. человек, в т.ч. «босс боссов» В. Кашиоферро. Имущество лиц, скрывающихся от правосудия, конфисковалось и распродалось по низким ценам. Было объявлено, что если преступники не сдадутся, то к ответственности будут привлечены их родственники [2]. Многие сдались, другие ушли в подполье, а некоторые эмигрировали в Америку. В 1928 г. Муссолини заявил о полной победе над мафией.

Однако после высадки союзников на острове в 1943 году в условиях экономической и политической неразберихи мафия быстро восстановила утраченные позиции. Мафия, в определенной степени, помогла англо-американским войскам после их высадки на остров Сицилия в июле 1943 г. Союзникам были переданы топографические данные, описание мостов, рек, дорог, портов. Повсеместно мафией велась антифашистская пропаганда. Некоторые гарнизоны итальянских крепостей, вооруженные немецкими танками, зенитными и противотанковыми орудиями, сдались без выстрела приближающимся американским войскам. Большую работу для этого проделали доны мафии, уговаривавшие солдат не стрелять, угрожавшие карами не только ослушавшимся, но и их семьям [2]. Объяснялось это тем, что мафия на Сицилии была тесно связана с американской мафией, главой которой в то время был Л. Лучиано. От него дон К. Вицини, один из боссов «Коза ностра», получил весточку с просьбой о содействии американским войскам.

Когда командующего союзными войсками генерала Д. Эйзенхауэра спросили о причинах такого скорого продвижения американских войск, он туманно сослался на добытую «стратегическую информацию» [2]. По-видимому, американское высшее командование вошло в тесный контакт с боссами американской мафии [11]. Подтверждением является тот факт, что в авангарде американских войск вместе с офицерами ехали дон Кало Виццини и дон Дженко Руссо, перед которыми ворота городов и деревень сразу же открывались. Дон Кало получил звание полковника американской армии.

Американская мафия пользовалась большим влиянием на Сицилии в послевоенный период. По примеру американских коллег, в кон. 1950-х гг. сицилийцы заменили единоличное правление босса представительным органом мафии – «Комиссией». Тогда же американская мафия вовлекла сицилийскую организацию в трансатлантическую торговлю героином [12, с. 119]. После войны основными сферами деятельности сицилийской мафии стали наркоторговля и мошенничество с государственными программами, призванными модернизировать отсталую экономику острова.

В нач. 1960-х гг. политические настроения в Италии смещаются влево. В 1963 г. итальянский парламент создал комиссию «Антимафия» [7]. По ее рекомендации в 1965 г. было принято новое уголовное законодательство: подозреваемых в связях с мафией было разрешено переселять вглубь страны, чтобы разорвать их связи с родными местами [7]. Результатом стало распространение мафии на севере (венетская Мала дел Брента, Банда делла Мальяна в пригороде Рима и др.).

В условиях политической нестабильности государственные органы предпочитали договариваться с «людьми чести». В 1950–1980-е гг. большая часть правящей партии «христианских демократов» на Сицилии состояла в мафии [6].

Самым значительным успехом правосудия стало согласие свидетельствовать против мафии одного из ее боссов – Т. Бушетты [7]. В 1986–1987 гг. был организован «максипроцесс», на котором впервые мафия предстала пред судом как единая организованная криминальная сеть. Судебные заседания проходили в специально построенном бетонном бункере. Процесс продолжался 22 месяца. Обвинительные приговоры были вынесены 342 мафиози. Это была первая победа итальянского государства в схватке с мафией.

Комиссия «Антимафия» проработала 13 лет. По ее данным, общая численность активных членов итальянской оргпреступности оценивается в 25 тыс. человек. На их базе формируется «периферия», т.е. лица, оказывающие содействие криминальным группировкам (врачи, информаторы в государственных и правоохранительных органах, финансовые консультанты, юристы, адвокаты и т.п.) в количестве ок. 250 тыс. человек [3].

Такое положение сохраняется и по сей день. К примеру, мафиози приветствовали проект строительства моста между Сицилией и материковой Италией, разработанный правительством Берлускони в 2005 г.: он создал бы колоссальные возможности для махинаций. После прихода к власти правительства Романо Проди в 2006 г. от этой идеи было решено отказаться [8]. По некоторым данным, в 2010 г. общий доход мафии составил сумму, эквивалентную почти 7% ВВП Италии и достигает более 100 млрд евро в одной только Италии. Только размер конфискованных у преступников средств превышает 5 млрд евро [3].

В 2005 г. сдалась властям Д. Витале, женщина, возглавлявшая мафиозную семью Партинико от имени своих братьев. Она стала свидетелем обвинения. Именно показания рассказавшихся «людей чести» – pentiti – стали источником современных знаний о внутренней организации и правилах мафии.

Руки мафии дотягивались до самого верха. В связях с нею был уличен экс-премьер-министр страны Д. Андреотти – «дядюшка Джулио», занимавший эту должность семь раз. В октябре 2004 г. кассационный суд постановил, что Андреотти осознанно помогал криминальной организации вплоть до 1980 г. Однако согласно итальянским законам, за давностью срока совершения преступлений Андреотти не подлежит осуждению [7].

Под подозрением находился и премьер-министр С. Берлускони. По материалам подготовленного сицилийскими следователями отчета известно, что М. Делль'Ультри, «помощник по рекламе» Берлускони, в мае 1974 г. устроил в Милане встречу С. Берлускони и С. Бонтате, тогдашним наиболее влиятельным капо. В ноябре 1993 г., как следует из записей в ежедневнике М. Делль'Ультри, у него были две встречи с мафиози для обсуждения сотрудничества между партией Берлускони «Forza Italia» и «Коза нострой». В мае 1999 г. «люди чести» инструктировали своих сторонников голосовать за Делль'Ультри на выборах в Еврокомиссию [7].

И все же авторитет «Коза ностра» и её влияние среди итальянского преступного сообщества были значительно подорваны. В нач. 2000-х гг. властям удалось добиться некоторых успехов в борьбе с этой группировкой – были арестованы десятки ключевых фигур в её иерархии. Крупным успехом стал арест «босса боссов» – главы «Коза ностра» Б. Провенцано в 2006 г.

После его ареста структура организации существенно изменилась. Если раньше это была централизованная организация с одним боссом во главе, то теперь ей руководит директория из 4–7 глав семей, которые из-за противодействия правоохранительных органов лишь крайне редко могут встречаться друг с другом для решения стратегических вопросов [3].

Калабрийская «Ндрагетта», которая является сейчас одной из самых влиятельных преступных организаций не только в Италии, но и в мире, состоит из 155 групп и насчитывает ок. 6 тыс. боевиков. «Ндрагетта» имеет горизонтальную структуру, у неё отсутствует какой-либо ярко выраженный лидер. Фактически каждая семья осуществляет полный контроль над своей территорией. При вступлении в «Ндрагетту», как и в иную другую итальянскую мафию, приносится присяга.

Деятельность мафии до сих пор окутана тайной. Только в апреле 2014 г. полиция Италии сняла скрытой камерой обряд посвящения в члены мафии. Ритуалом руководил босс клана «Санта», входящего в калабрийскую ндрангету. В свидетели гангстеры призывали великих политиков прошлого, в частности народного героя и вождя-революционера Д. Гарибальди. В церемонии участвовали четыре человека, которые держались за руки. Трое из них были новичками. Они повторяли слова клятвы за своим наставником, упоминая имена Д. Гарибальди, А. Ламармори и философа Д. Мадзини [3].

Интерес к боссам мафии – «словно лампа, которая освещает одну сторону мафии и затемняет вторую». Под «темной стороной» мафии имеются в виду коррумпированные адвокаты, предприниматели, врачи, полицейские, финансисты, чиновники и политики. Мафии не приходится прибегать к устрашению – чаще она просто обращается за помощью и ее получает. Важнее всего бизнес. «Клиентские» компании «Коза ностры» получают значительные конкурентные преимущества, гарантированные государственные контракты и быстрый доступ к капиталу. Политики-«клиенты» получают гарантии избрания и переизбрания. В отдельных районах Сицилии продолжает бытовать *voglia di mafia* – желание иметь мафию.

«Коза ностра» по-прежнему управляет железной рукой. «Теневое государство» на Сицилии не дает острову расстаться со своим прошлым.

Список использованных источников

1. Абадинский Г.А. Организованная преступность. – СПб.: Виста, 2002. – 688 с.
2. Аубакиров Э. Война мафии с фашизмом [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://asonov.com/nauka-i-tehnika/nauka-i-tehnika/vojna-mafii-s-fashizmom.html> (дата обращения: 22.08.2015).
3. Вовк М. Как сегодня живет «Коза ностра» и ее крестные братья [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.azerizm.ru/criminal/ops/ops_cosa-nostra.htm (дата обращения: 03.09.2015)
4. Геворгян В.М. Организованная преступность в США. – М.: Наука, 1980. – 168 с.
5. Геллерт Г.Н. Мафия. – М.: Прогресс, 1983. – 288 с.
6. Давыдова М. Коза ностра: спрут или гидра? // Вокруг света. – 2006. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/111/> (дата обращения: 20.08.2015).
7. Дики Дж. Коза ностра. История сицилийской мафии [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://bzbook.ru/Cosa-Nostra-istoriya-siciziljskoj-mafii.30.html> (дата обращения: 03.09.2015).
8. Мост через Мессинский пролив в Италии будет построен к 2012 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://propoezda.com/d1252/22135/> (дата обращения: 03.09.2015).
9. Мэннион Д. Книга о мафии. – М.: АСТ, 2004. – 300 с.
10. Панталеоне М. Мафия вчера и сегодня. – М.: Прогресс, 1969. – 317 с.
11. Полькен К. Кто не молчит, тот должен умереть (Факты против мафии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://litrus.net/book/read/159554?p=30> (дата обращения: 23.08.2015).
12. Семенов Ю.С. Капричиозо по-сицилийски. – М.: Сов. Россия, 1978. – 110 с.
13. Italian Mafia [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.italymafia.ru/italiya/koza-nostra/lichnosti/vito-kashioferro/> (дата обращения: 21.08.2015).

Kosykh E.S.

ORGANIZED CRIME IN ITALY

The article discusses the origins and evolution of the activities of the Italian mafia: from forms of self-organization of the population in the Middle Ages to the transnational criminal gangs in the end of XX – beginning of XXI centuries. The article analyzes the structure of mafia-style organizations, the influence of the mafia on society and the state, the specifics of its activities in our days.

Keywords: *organized crime, mafia, «Cosa Nostra», «Ndragheta», the law of «omerta», the mafia war, mafia economy, the Commission «Antimafiya».*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: ПОКАЗАТЕЛИ, СОСТОЯНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

В данной статье раскрыты особенности девиантного поведения, выявлены его показатели и основные причины.

Ключевые слова: *девиантное поведение, причины девиантного поведения, формы девиантного поведения, социальные отклонения.*

Во все времена основой регулирования поведения в обществе являются социальные нормы, фиксирующие в себе существующую систему ценностей социума. Изменения, происходящие в настоящее время во всех сферах современного российского общества, подрывают сложившиеся основы жизни, нарушают равновесие всей системы в целом. Наибольшее влияние, и, прежде всего негативное, они оказывают на развитие культуры, духовной жизни. Происходящая переоценка ценностей приводит к падению значимости определенных норм. Ценностно-нормативная неопределенность, характерная для современного российского общества, актуализирует проблему изучения девиантности в его среде.

Девиантное (англ. deviation – отклонение) поведение – действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию [2, с. 159].

В процессе своего развития общество пыталось подавлять, устранять нежелательные формы человеческой жизнедеятельности и их носителей. Методы и средства определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, интересами правящей элиты. Проблемы социального отклонения всегда привлекали интерес ученых.

Один индивид может иметь отклонения в социальном поведении, другой в личностной организации, третий и в социальной сфере, и в личностной организации.

У истоков социологии девиантного (отклоняющегося) поведения стоял французский ученый Эмиль Дюркгейм (1858–1917) – создатель французской социологической школы. Он выдвинул понятие социальной аномии, опре-

делив ее как «состояние общества, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились».

По сути, аномия, как утверждает автор, – это состояние дезорганизации общества, когда ценности, нормы, социальные связи либо отсутствуют, либо становятся не устойчивыми и противоречивыми. Все, что нарушает стабильность, приводит к неоднородности, неустойчивости социальных связей, разрушению коллективного сознания (кризис, смешение социальных групп, миграция и т.д.), порождает нарушения общественного порядка, дезорганизует людей, и в результате появляются различные виды девиаций. Э. Дюркгейм считает девиацию столь же естественной, как и конформизм. Более того, отклонения от норм несет не только отрицательное, но и положительное начало. Девиация подтверждает роль норм, ценностей, дает более полное представление об их многообразии. Реакция общества, социальных групп на девиантное поведение уточняет границы социальных норм, укрепляет и обеспечивает социальное единство. И, наконец, девиация способствует социальному изменению, раскрывает альтернативу существующему положению дел, ведет к совершенствованию социальных норм.

Конституированию в качестве самостоятельного научного направления теория девиантного поведения обязана прежде всего Р. Мертону и А. Коэну. Мертон проанализировал, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению. Американский социолог А. Коэн называет отклоняющимся поведением такое, которое «идет вразрез с институционализированными ожиданиями» [4, с. 52], а англичанин Д. Уолш, представитель феноменологической социологии, утверждает, что «социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус» [6, с. 98], то есть только субъективное обозначение, «ярлык», а не объективное явление. По его мнению, отклонение – это не внутреннее, присущее определенному действию качество, а результат социальной оценки и применения санкций. Очевидно, что подобные

характеристики отклоняющегося поведения полностью не раскрывают его природу и объективные антинормативные свойства.

Более широкую трактовку определения девиации дает В.Н. Иванов: «Под отклоняющимся поведением следует понимать действия, не соответствующие заданным обществом нормам и типам» [3, с. 57], то есть речь идет о нарушении любых социальных норм.

Отклонения могут происходить в сфере индивидуального поведения, они представляют собой поступки конкретных людей, запрещаемые общественными нормами. Например, молодой человек из благополучной семьи может отвергнуть общепринятые правила и встать на преступный путь.

Вместе с тем, в каждом обществе много отклоняющихся субкультур, нормы которых осуждаются общепринятой, доминирующей моралью общества. Такие отклонения определяются как групповые. Они рассматриваются как коллективное поведение членов девиантной группы и их заинтересованное отношение к собственной субкультуре. Подростки из трудных семей ведут «подвальный образ жизни», который осуждается нормативной доминирующей моралью общества. У молодых людей свои правила, нормы и культурные комплексы. В данном случае мы имеем дело с групповым отклонением, доминированием собственной «подвальной» культуры, пересечением множества субкультур, привнесенных индивидуальными девиантами. [7, с. 240].

Но отклоняющееся поведение имеет не только негативный характер, но и позитивный. Оно может выступать как стремление личности к превосходству, к новому самоутверждению в социальных видах деятельности. Это может быть героизм, альтруизм, самопожертвование, сверхтрудолюбие, высочайшая преданность, выдающееся научное открытие, изобретение и т.д.

В любом обществе на различных этапах его развития вырабатываются свои критерии оценки поведения сограждан или групп людей. Одни отклонения могут осуждаться, другие – поощряться. В нашем обществе герои, выдающиеся ученые, известные артисты, лидеры, защитники Отечества – это социально одобряемые девианты. При этом акценты социальной поддержки меняются. Если, например, появляется потребность в защите страны, то на первое место выходят военные полководцы, в другое время – политические лидеры, деятели культуры и ученые.

Личностные качества и свойства способствуют возвышению человека, усилению его положительной девиации. Мужество и отвага открывают солдату путь к успеху, признанию, но они не столь важны для художника или поэта. Общительность, твердость характера в трудных ситуациях необходимы политику и предпринимателю, но не имеют особого значения в творческом пути писателя, художника или ученого.

Как отмечают социологические источники, в нормально развивающемся обществе 10–12% населения приходится на отрицательную девиацию и столько же на положительную. Оставшаяся часть – немногим более 70% населения – составляют люди без отклонений в поведении.

Социологи пытаются объяснить причины и истоки отклоняющегося поведения. Одни считают, что люди предрасположены к определенным стилям поведения по своей биологической природе и что «криминальный тип» является результатом агрессивности и деградации. Другие связывают девиацию с особенностью строения тела человека, аномалиями его половых хромосом. Третьи обосновывают ее «дегенеративностью», «слабоумием», «психопатией», т.е. ее «умственными дефектами» предопределенностью отклонений. Существуют и культурологические объяснения девиации, строящиеся на признании «конфликта между нормами культуры», проявления стигматизации (наклеивания ярлыков) [7, с. 238].

Наиболее аргументированной точкой зрения объяснения причин проявления девиантной личности является нарушение хода ее социализации. Когда ребенок воспитывается в благополучной семье, тогда у него формируется социальный интерес, уверенность в себе, восприятие норм окружающей культуры как справедливых. Когда же его окружает непонимание, несправедливое к нему отношение, постоянные конфликты между родителями, тогда у него формируется негативное отношение к другим, отсутствие ориентации на будущее, беспокойство и тревога, отклоняющееся поведение.

Однако, бывают случаи негативного поведения подростков из вполне благополучных семей, ведь семья не единственный источник и причина социализации ребенка в сложном, противоречивом, постоянно изменяющемся обществе. Многие нормы из различных субкультур часто противоречат друг другу. Воспитание в семье вступает в противоречие с

идеологией социальных групп и институтов. То, что говорят в семье детям, кажется неправдой, обостряется конфликт отцов и детей, их субкультур. По мнению большинства авторов в нашем обществе существует множество противоречащих друг другу нормативных образцов, которые способствуют появлению феномена отклоняющегося поведения.

Не смотря на разнообразие проявлений девиантного поведения, его весьма сложно определить. Трудность связана с тем, что девиантность является относительной характеристикой и определяется в соответствии со стандартами, которые сами по себе являются неопределенными и часто вызывают разногласия.

Примером девиации, меняющейся во времени, может служить отношение к курению в российском обществе. С сер. XVIII в. табачные изделия получили повсеместное распространение в России. Без их обильного употребления не обходилось ни одно празднество, ни одна ассамблея. В период первой и второй мировых войн табак включался в паек военнослужащих армии. После 2-й Мировой войны курение не только получило распространение, но и социальное одобрение. Однако, после многочисленных исследований и публикаций ученых, доказавших вред курения, возникла новая волна оппозиции против этой привычки, которая стала объектом растущего всеобщего осуждения. С 1 июня 2014 г. вступил в силу Федеральный Закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», согласно которому курение разрешено только в строго отведенных для этого местах. Человеку, курившему табачные изделия на протяжении длительного промежутка времени (20–30 лет), трудно выполнить требования данного законодательного акта, ввиду чего он может стать на путь девиации. Такова метаморфоза отношения к этой распространенной у нас привычке.

Учитывая, что девиантное поведение может принимать самые разные формы (как негативные, так и позитивные), необходимо изучать данное явление, проявляя дифференцированный подход. Следует признать, что подавляющее число социальных отклонений играет деструктивную роль в развитии общества. Только некоторые немногочисленные отклонения можно считать полезными. Одна из задач социологов – распознавать и отбирать по-

лезные культурные образцы в девиантном поведении индивидов и групп.

Список использованных источников

1. Большой психологический словарь [Текст]. – М., 2002.
2. Большой энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1998.
3. Иванов В.Н. Девиантное поведение: причины и масштабы [Текст] // Социально-политический журнал. – 2005. – № 2.
4. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения [Текст] // Социология сегодня. – М. – 2005. – №4.
5. Кравченко А.Н. Социология: учебник для бакалавров [Текст]. – М.: Проспект, 2013.
6. Смелзер Н. Социальные отклонения [Текст]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 2009.
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. [Текст]. – М.: Феникс, 1998.
8. Тоценко Ж.Т. Социология: Общий курс [Текст]. – 2-е изд., пераб. – М.: Юрайт-М, 2001.
9. Масленников А.В., Хаццева И.А. Сущность, виды и формы проявления девиантного поведения военнослужащих // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 18-20.
10. Хабибуллин Р.Г., Денисюк Д.А. Девиантное поведение в женской среде // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 51-56.

Kuryshva L.A.

DEVIANT BEHAVIOR OF THE PERSON: INDICATORS STATE REASONS

In this article the features of deviant behavior, revealed its performance and the main reasons.

Keywords: *deviant behavior, the causes of deviant behavior, forms of deviant behavior, social deviance.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

В данной статье раскрыты основные институты политической социализации, проанализированы этапы политической социализации личности, выявлены механизмы политической социализации личности и особенности политической социализации военнослужащего.

Ключевые слова: политическая социализация личности, институты политической социализации, политическая социализация личности военнослужащего, этапы политической социализации.

В большой и сложный мир появившийся на свет младенец вступает как биологический организм, абсолютно беспомощным. Через некоторое время ребенок становится человеческим существом с комплексом ценностей и установок, целями и намерениями, с симпатиями и антипатиями, шаблонами поведения и ответственностью, неповторимым индивидуальным видением мира. И все это достигается с помощью очень важного процесса, который в социологии называется социализацией. В ходе этого процесса индивид превращается в человеческую личность.

В Российской социологической энциклопедии слово «социализация» трактуется как процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе [8, с. 478].

В условиях, когда происходит интенсивный процесс политизации общественной жизни, хотелось бы обратить особое внимание на очень важный аспект политики-политическую социализацию личности. В энциклопедическом политологическом словаре «политическая социализация» объясняется как процесс включения индивида в политическую систему [6, с. 277].

По своей сути политическая социализация представляет процесс приобщения человека к соответствующей информации, усвоения идей, взглядов и образцов политического поведения. Проблемы политической социализации личности активно занимались многие зарубежные и отечественные ученые: Г. Тард, Т. Парсонс, Н.М. Блинов, В.П. Васильев, А.И. Яковлев, Е.Б. Шестопап и др. Согласно их исследо-

ваниям, процесс политической социализации личности происходит не сразу. Более того, на этапе детства, подросткового возраста отстает от других форм социализации, поэтому он имеет свои специфические особенности.

Политическая социализация представляет собой весьма сложный процесс взаимодействия индивида и политической системы. С одной стороны, политическая социализация включает целенаправленное воздействие политической системы на индивида и представляет процесс передачи индивиду существующих в обществе политических ориентаций, ценностей и моделей политического поведения [4, с. 108].

С другой стороны, политическая социализация включает и собственную активность индивида, то есть преобразование предлагаемых обществом норм политической культуры в свои собственные ценности и установки. В этом отношении влияние политической системы на политическое формирование личности в некоторой степени зависит от внутренних убеждений индивида.

На политическую социализацию личности оказывают влияние разнообразные факторы. В качестве основных среди них ученые выделяют следующие:

- усилия политической системы по политическому просвещению и вовлечению граждан в политическую жизнь; это – социализирующее воздействие образовательных учреждений, влияние официальной пропаганды, пропаганды политических партий и движений, влияние средств массовой информации;

- стихийное влияние на политическое сознание и поведение личности социальной и политической практики на макроуровне – международных и внутривнутриполитических реальностей, глобальных проблем современности, экономической и социальной ситуации, отдельных политических событий;

- влияние микросреды – семьи, школы, круга формального и неформального общения, отдельных личностей; в молодежной среде существенное значение имеют неформальные группы и молодежная субкультура в целом;

- личное участие индивида в общественно-политической жизни, его собственный социальный опыт. В процессе практической поли-

тической активности происходит переход полученных знаний в убеждения, их проверка личным опытом [5, с. 420].

Институты политической социализации принято подразделять на политические и неполитические. К первым относят государственные и специализированные политические институты, партии, организации и движения. Ко вторым – семью, систему образования, работу, круг неформального общения, церковь, средства массовой информации.

Политическая социализация личности начинается в раннем детстве и продолжается всю жизнь. В самом общем виде в ней можно выделить два этапа. Первый этап – это становление личности, ее формирование в качестве гражданина и получение права участия в выборах. На этом этапе происходит накопление политических знаний, усвоение основных политических ценностей и ориентаций. На втором этапе политическая социализация продолжается уже с подключением опыта собственной политической практики, освоением новых социальных и политических ролей. В дальнейшем для разных индивидов этапное значение могут иметь переломные моменты в динамике общественно-политических изменений, повороты собственной политической судьбы и т.п. [1, с. 123].

Уже в раннем школьном возрасте у ребенка могут проявляться элементы политической социализации. Они, скорее, похожи на формирование черт патриотизма, а не воспитание уважения к политическим ценностям и их усвоению: уважение к той стране, где он живет, чувство гордости профессией отца или матери.

К 13-и годам, по утверждению социальных психологов и педагогов, у ребенка начинается важный этап формирования политических взглядов. В этом возрасте дети еще не могут говорить о политическом строе, с этим у них отождествляется личность, например, президента. С отношения к личности руководителя государства начинает проявляться степень доверия к той стране, где живет молодой человек. Чаще всего при помощи взрослых вырабатывается определенное отношение к внешним и внутренним врагам [9, с. 267].

Большой вклад в политическую социализацию подростка вносит не только семья, но и школа. Официальная информация о красных датах календаря, общенациональных праздниках, о ежедневных политических событиях в стране и за ее пределами способствуют выработке мировоззрения в области политики. Реализуются первые попытки приобщиться к деятельности различных общественных орга-

низаций, имеющих политическую ориентацию.

С восемнадцати лет начинается полноценное участие человека в политической жизни общества. Он приобретает все права и обязанности, которые вытекают из его положения как политического человека. С вступлением личности во взрослую жизнь процесс политической социализации не заканчивается. Меняется политический строй, руководство страны и, в зависимости от этого, в процессе своей жизни личность или социальная группа могут менять свои политические ориентации и, соответственно, видоизменять свою политическую деятельность, то есть подвержены политической ориентации в течение всей своей жизни.

Таким образом, основными институтами политической социализации личности являются: семья; школа, улица, учебные заведения; средства массовой информации; участие в деятельности политических партий, политических организаций и в политических событиях; региональные и исторические особенности страны, служба в Вооружённых силах.

Особо хотелось бы остановиться на политической социализации военнослужащих Вооружённых Сил, как важнейшего института, обеспечивающего мир и стабильность в обществе.

Политическая социализация военнослужащих по призыву, курсантов военных учебных заведений осуществляется в процессе прохождения службы и обучения через исторический опыт. Средствами передачи этого опыта являются политические традиции – устойчивые, из поколения в поколение передающиеся формы организации политических процессов и явлений. Действие традиций находит выражение в определённых стереотипах поведения, воспроизводящихся в самых разнообразных обстоятельствах. Ежедневное информирование о политических событиях в мире, занятия по ОГП, преподавание дисциплины «Политология. Социология» в военных учебных заведениях способствуют формированию высоких морально-нравственных, патриотических качеств и объективной оценки событий в стране и за ее пределами, прививают гордость за принадлежность к ВС РФ. Задачей политической социализации является передача военнослужащим основных элементов политической культуры общества, армии и флота.

Политическая социализация обеспечивает целесообразное сочетание тех элементов политических отношений, которые связаны с прошлым, настоящим и будущим политики. Ак-

тивное участие личности в политической жизни страны играет большую роль в развитии общества, в поддержании его стабильности и демократичности.

Список использованных источников

1. Гаджиев К.С. Политическая наука: Учеб. пособ. для студ., препод. и абитур. / К.С. Гаджиев. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 356 с.
2. Вятр Е. Социология политических отношений. – М., 2008.
3. Кравченко А.И. Социология: учеб. для бакалавров. – М.: Проспект, 2013. – 536 с.
4. Политология в вопросах и ответах для экзаменов и зачетов. Учеб. пособ. для вузов / Науч. ред. А.А. Радугин. – М., Центр, 2005. – 515 с.
5. Политология: Хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2005. – 843 с.
6. Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. – 431с. (в пер.).
7. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. Издание 3-е, перераб. и доп. – М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2001. – 380 с.
8. Российская социологическая энциклопедия академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Изд. группа Норма-ИНФРА. М., 1999. – 672 с.
9. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрайт-М, 2001. – 527 с.
10. Фролов С.С. Социология: учеб. – М.: Гардарики, 2004. – 344 с.
11. Хабибуллин Р.Г., Захарова Ю.Н., Пустомитенко Е.Г. Формирование совестливости как нравственного качества личности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 96-102.
12. Абдулмуталинова Т.А., Цыпрынюк Д.И. Особенности этнополитических конфликтов кон. XX – нач. XXI вв. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 8-11.

13. Лубяной В.И. Философские аспекты формирования геополитических и военно-политических интересов России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 16-19.

14. Абдулмуталинова Т.А., Чубаров Р.М. Ретроспективный анализ внешнеполитических отношений России и Казахстана (нач. XVIII – кон. XIX вв.) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. – С. 6-9.

15. Абдулмуталинова Т.А., Рябоконеv С.А. Анализ современных этнополитических сепаратистских конфликтов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 10-13.

Kuryshva L.A.

POLITICAL SOCIALIZATION

In this article the basic institutions of political socialization, the stages of political socialization, to identify the mechanisms of political socialization and political socialization particular soldier.

Keywords: *political socialization of the individual, the institutions of political socialization, political socialization of the individual soldier, the stages of political socialization.*

О ВЗАИМОСВЯЗИ САМООБРАЗОВАНИЯ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется взаимосвязь и взаимозависимость самообразовательных процессов и самосовершенствования человека, которые рассматриваются с точки зрения самопознания.

Ключевые слова: *самообразование, самосовершенствование, самопознание, человек.*

Два века назад знаменитый экономист и автор философских работ Адам Смит заметил, что «человека, получившего образование путём упорного труда, можно уподобить дорогостоящим машинам». Не всем такое прагматичное сравнение придется по вкусу. Однако трудно спорить с тем, что знание, которым владеют люди, составляет чрезвычайно ценный личный и общественный капитал.

В кон. XX в. наиболее развитые страны начали переход от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу. Для него характерны повсеместное внедрение наукоемких технологий, создание обширных систем информации и коммуникации, бурный рост индустрии знания, в которую перемещается всё больше и больше людей и ресурсов. Уже сейчас в ряде стран, система образования превратилась в самую широкую отрасль человеческой деятельности. Если же добавить к ней область научных исследований и технических разработок, сферу телекоммуникаций и компьютерной деятельности, библиотеки и книгопечатание, средства массовой информации и тому подобное, то окажется, что в индустрии знания производится большая часть национального продукта высокоразвитых обществ.

Но знание необходимо не только для того, чтобы создавать блага цивилизации. Без наличия определенного минимума социально-политических знаний у большинства граждан страны невозможно существование свободного и демократического общества. Разумеется, что помимо всякой пользы обладание знанием даёт и чисто интеллектуальное удовлетворение, позволяет говорить о самосовершенствовании человека.

Как мы знаем обучение и воспитание – это многофакторные процессы. В них активно участвуют родители, преподаватели, соученики,

общественные организации. Но особая роль в этом деле всегда принадлежала самому обучаемому, воспитаннику.

Среди многочисленных методов обучения, известных истории педагогики, нет ни одного, который не предполагал бы ту или иную степень активности самого объекта обучения, самого воспитанника. Это общее правило образовательной деятельности своеобразно выражено в английской пословице, которая гласит: «Можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить её пить».

Поэтому одна из общеисторических тенденций в развитии образования и состояла в том, чтобы, применяя разнообразные методы, так или иначе, добиваться повышения активности обучаемых, их самостоятельности. Развитие этой тенденции и привело на современном этапе к возникновению такой образовательной ситуации, при которой обучаемый получил реальную возможность совершенствовать свои знания и умения самостоятельно, не опираясь непосредственно на внешнее педагогическое подкрепление со стороны преподавателя и рассчитывая только на собственные силы.

Дальновидные исследователи предвидели возможность подобного качественного сдвига в организации образовательного процесса уже в начале прошлого века. Так известный немецкий социолог и философ Г. Зиммель (1859–1918) давал следующее определение образованного человека: «Человек образованный – тот, кто знает, где найти то, что он не знает».

Сегодня становятся всё более очевидными причины, которые на рубеже третьего тысячелетия привели к окончательному смещению центра всей образовательной деятельности в сторону самообучения, самовоспитания, самосовершенствования.

Самосовершенствование – метод образования, при котором процесс обучения и воспитания основывается на целеустремленной деятельности по систематическому формированию у себя положительных качеств и устранению отрицательных качеств. Основой этой деятельности является совершенствование имеющихся знаний, умений и навыков

через самообразование и системы дополнительного образования и повышения квалификации. Исходным моментом самосовершенствования выступает самопознание. Логическим родовым понятием для самосовершенствования является философская категория самоорганизации, под которой понимается процесс создания и совершенствования сложной системы.

Исследования показывают, что превращение современной системы образования преимущественно в самообразование происходит по следующим причинам.

1. Стремительное развитие электронных источников информации, всё более широкое использование для обучения компьютеров, Интернета. Это позволяет доставлять информацию в любое время и в любое место. В таких новейших системах образования, основанных на электронных источниках информации, как дистанционное обучение, Интернет – образование, непосредственное общение преподавателя с обучаемым сводится до минимума и резко возрастает роль самого обучаемого в выборе направления, темпов и сроков обучения. В итоге процесс образования в значительной мере превращается в самообразование.

2. Лавинообразный рост объёмов информации во всех областях человеческой жизни и деятельности, её постоянное и быстрое обновление. В связи с этим резко сократились «сроки годности» образования, выяснилось, что оно представляет собой «скоропортящийся продукт» и возникла необходимость его постоянного обновления. Вместо принципа «образование на всю жизнь» в обучении стали руководствоваться принципом «образование через всю жизнь».

3. Необходимость непрерывного, самостоятельного образования диктуется сегодня также и стремительными темпами технического прогресса, постоянно усиливающейся конкуренцией на рынке товаров и услуг, а также на рынке труда.

4. Наряду с развитием системы основного – общего и специального образования – усиливается система дополнительного образования, повышения квалификации и переквалификации работников. Работа этих образовательных структур рассчитана в основном на контингенты обучающихся без отрыва от производства и ориентированных главным образом на организацию их самообразования.

5. Самообразование сегодня всё в большей степени применяется непосредственно на самом производстве и осуществляется из дня в день самими работниками на своих рабочих местах, вне каких бы то ни было специализированных

образовательных структур под руководством своих непосредственных руководителей, которые всё в большей степени сами становятся педагогами и воспитателями своих подчиненных. Поэтому, в этих условиях всеобщего и непрерывного обучения, любой руководитель свою первейшую задачу также видит в самообучении, самосовершенствовании, самоменеджменте.

Перспектива «пожизненного обучения», которую преподносит нам развитие современного общества, может показаться как многообещающей, так и от части грустной. И поскольку изменить здесь что либо мы не в силах, остается только вспомнить ироничное суждение по этому поводу Козьмы Пруткова: «Век живи – век учись! И ты, наконец, достигнешь того, что подобно мудрецу, будешь иметь право сказать, что ничего не знаешь».

Но если подобный финал нашего самосовершенствования неизбежен, то следует вспомнить и ещё одну фразу Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Это означает, что процессу самосовершенствования, самообразования необходимо предать некоторую упорядоченность, организованность. Для этого в процессе самосовершенствования, а, следовательно, и процессе самообразования нужно, прежде всего, разумно ограничить пределы своей активности, поставив перед собой такие реальные цели, которые соответствовали бы нашим способностям и возможностям. Такая цель будет иметь характер представления об идеале образованного работника, профессионала, мастера своего дела, который в принципе, как всякий идеал, недостижим, но который, тем не менее, призван выполнить задачу упорядочивающего, организующего начала, конечной цели всей нашей деятельности по самообразованию, самовоспитанию, самосовершенствованию.

В современной философской и психолого-педагогической литературе, а также в работах по теории менеджмента эта целевая модель совершенного работника, специалиста, достигшего вершин мастерства, изображается в виде перечня характерных черт, без наличия которых сегодня нельзя представить эффективного работника.

Эти характеристики идеального профессионала можно подразделить на два блока: личностные и профессиональные качества.

Личностные качества, присущие людям, достигшим высот профессионального мас-

терства, отличающие их от людей находящихся на более низком уровне развития:

1. Энергичность, означающая, что идеальный работник отличается высокой активностью, трудоспособностью, неутомимостью; он полон желанием добиться успеха, как в своей профессиональной деятельности, так и в личной жизни.

2. Коммуникабельность, т.е. желание, готовность вести за собой других, умение брать на себя ответственность за других, а не только за себя.

3. Твердость воли, т.е. способность проявлять твердость и последовательность не только в собственном деле, но и способность внушать уверенность сомневающимся, без чего невозможно убедить людей в правильности целей и добиться результата.

4. Честность, порядочность, нравственные качества. Это означает, что должно быть единство слова и дела, противодействие воровству и стяжательству, отсутствие обмана, в конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты, каждому должно воздаться по заслугам.

5. Незаурядный уровень интеллекта, который проявляется в умении собирать, анализировать большие объемы информации и использовать её как для решения проблем своей организации, так и для личного самосовершенствования.

Конечно, перечисленные качества в значительной степени предопределены у каждого человека на биологическом, генном уровне, но благодаря самообразованию и самовоспитанию они в той или иной мере могут корректироваться, усиливаться в течение жизни человека.

Кроме перечисленных личностных качеств, эффективный работник должен обладать ещё и определенной совокупностью профессиональных и специальных знаний, умений и навыков. Если личностные качества – универсальны, более или менее сходны у работников всех категорий, то профессиональные – специфичны для каждой профессии. Общее между этими блоками качеств состоит лишь в том, что они в одинаковой степени нуждаются в постоянном совершенствовании и развитии.

При этом следует сделать одно существенное замечание: наличие всего комплекса личностных и профессиональных качеств у работника создает возможность, но отнюдь не гарантирует обязательного успеха в его деятельности. Многие в практической деятельности зависят от умения использовать свои способности применительно к конкретной деятельности или жизненной ситуации.

Каждый земледелец, прежде чем начать что-либо сеять, пытается выяснить, с какой землей он имеет дело, что может на ней вырастить, а что нет. Точно также и каждый человек, прежде чем приступить к сложному делу самообразования, самовоспитания, самосовершенствования, должен начать с изучения самого себя, своих возможностей и ограничений, т.е. с самоанализа и самопознания.

Самопознание – это оценка человеком самого себя, осознание своих интересов, мотивов поведения. Трудность этой задачи связана с тем, что он предполагает попытку посмотреть на свой внутренний мир как бы со стороны, соединить субъект и объект наблюдения. Поэтому результаты самоанализа всегда оказываются не вполне точными.

Для того чтобы получить более или менее объективные результаты анализа своих собственных физических, психических, умственных качеств следует использовать рекомендуемые наукой приёмы. К ним относятся: прежде всего, оценка накопленного профессионального и жизненного опыта, ибо, по словам великого немецкого поэта И. Гёте, «человек знает самого себя лишь постольку, поскольку он знает мир»; тестирование; тренинги; деловые игры; учет мнения других людей о наших сильных и слабых сторонах. При этом нужно помнить, что результаты самопознания будут наиболее надежными, если будут постоянно проверяться, дополняться, уточняться, корректироваться в ходе повседневной трудовой, служебной, познавательной, общественной деятельности человека.

Конечно, для того чтобы серьёзно заняться этой нелегкой работой, нужно хорошо осознать её значимость.

Важно помнить, что установка на высокую ценность самопознания является одной из центральных в западной и отечественной философии и культурной традиции. Смысл всей работы человека по самопознанию русские мыслители издавна видели в том, чтобы найти лучшее соответствие между теми способностями, талантами, которыми обладает каждый человек, и теми реальными условиями его развития, совершенствования, которые даны ему судьбой, условиями его реальной жизни. Но в поиске и реализации такой гармонии между личными и реальными возможностями, согласно традиции русского самопознания, стоит высший смысл человеческой жизни.

На основе результатов всесторонней самооценки и слагается более или менее точная

картина наших отрицательных и положительных качеств, тот итог самопознания, который может быть положен в основу плана самообразования, самовоспитания, самосовершенствования.

Чёткое планирование – ещё одна важная предпосылка самообразования и самосовершенствования. Если при традиционных формах образования задачу планирования выполняла главным образом школа, то в условиях самообразования планирование становится собственной задачей обучающихся.

Планирование представляет собой своеобразный проект размещения процессов труда, учёбы, других форм деятельности во времени на более или менее продолжительный период.

Основной целью планирования является обеспечение рационального использования личного времени.

Планирование включает в себя два основных этапа:

1. Составление плана, представляющий собой набор действий и операций, среди которых особое значение имеют такие, как исследование затрат времени на отдельные виды планируемых дел, консультации с людьми, имеющими значительный опыт планирования, разработку самого плана. Планирование самообразования начинается с составления долгосрочного плана, который может охватывать несколько лет. В среднесрочных планах, составляемых на период от одного месяца, планируются, как правило, мероприятия, проводимые регулярно в каждом году или каждом месяце. Краткосрочные планы – это планы на сегодня – завтра, охватывающие время от одного дня и до недели. Все виды личных планов, конечно, должны соответствовать друг другу. Обязательный компонент всей системы – контроль, проверка результатов, сопоставлении «план – факт». Важно также оставлять резерв времени.

2. Реализация принятого плана. Её успех во многом зависит от умения классифицировать намеченные цели по степени важности. Принцип планирования, требующий выстраивания всех дел по степени их важности иногда называют «принципом АВС». Необходимо также ежедневно планировать свой день, каждое утро, определяя перечень задач и действий. При чём этот список должен быть реалистичным и сильным.

Важно постоянно помнить, что главная цель планирования – конкретный результат. Поэтому должен вестись постоянный контроль итогов и результатов планирования, как по срокам, так и по качеству.

Научившись планировать, человек сможет изменить к лучшему не только свою карьеру, но

и свою жизнь, достигнуть высшего уровня самосовершенствования.

Однако и работа по самопознанию, и планирование деятельности по самообразованию и самосовершенствованию будут поставлены под угрозу, если одновременно с этим человек не будет уделять должное внимание своему здоровью, его психофизическому регулированию. Нужно помнить, что процессы самообразования и самосовершенствования сегодня связаны с перегрузками, физическим и психическим перенапряжением организма, со стрессами. Поэтому, планируя свое самообразование, следует ставить перед собой такие задачи, чтобы не подорвать свое здоровье при их достижении.

Эти цели и задачи не обязательно должны быть великими, они должны быть реальными, соответствующими способностям и возможностям человека. Но, поставив перед собой ту или иную цель, следует настойчиво добиваться её выполнения, чтобы потом не пришлось сожалеть об упущенных возможностях.

Таким образом, самообразование сегодня – объективная необходимость, способствующая самосовершенствованию человека. Цель его – приблизить человека к идеалу образцового работника, профессионала, мастера своего дела. Самообразование связано с формированием определенных личностных и профессиональных качеств. Оно продолжается всю жизнь. Самообразование является сложным процессом, требующим самоанализа, самопознания, чёткого планирования, контроля и корректировки результатов.

Список использованных источников

1. Самопознание: путь к себе: историко-педагогический сборник / автор-сост. Л.М. Перминова. – СПб., 1994. – С. 134.

Lubyanoy V.I., Bulatov A.V.

ON THE RELATIONSHIP SELF-EDUCATION AND SELF-DEVELOPMENT OF MAN

The article examines the interconnection and interdependence of the processes of self-education and self-improvement of the person being considered from the standpoint of self-knowledge.

Keywords: *self-education, self-improvement, self-knowledge, man.*

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА

В статье проводится социально-философский анализ феномена патриотизма – одного из самых спорных и обсуждаемых феноменов общественного сознания.

Ключевые слова: патриотизм, патриотические ценности, патриотическое воспитание.

Кон. XX в. стал для нашей страны временем глубочайшего социального и духовного кризиса. Такие моменты истории, когда рушатся все казавшиеся незыблемыми устои человеческого существования и гаснут маяки общественного развития, человек начинает испытывать острую потребность в самоидентификации, т.е. осознании новых жизненных реалий и осмыслений своего положения во вновь возникшей системе координат. Фактически перед каждым человеком и перед обществом в целом встает вопрос о смысле жизни, смысле общественного существования в новом мире. Таким смыслом жизни и смыслом общественного существования может и должна стать идея патриотизма.

Идея патриотизма во все времена занимала особое место не только в духовной жизни общества, но и во всех важнейших сферах его деятельности – политике, идеологии, культуре, экономике и т.д. Содержание и направленность патриотизма определяется, прежде всего, духовным и нравственным климатом общества, его историческими корнями, питающими общественную жизнь поколений. Патриотические чувства и идеи приобретаются личностью не в силу биологической наследственности, а под воздействием общественной среды, социализации человека в широком смысле этого слова.

Патриотизм – явление историческое. Его сущность определяется на основе социальных чувств и идей положительно-деятельного отношения к Отечеству как общечеловеческой ценности на определенном этапе цивилизационного развития. Обусловленный единством как материально-практической, так духовной сторон общественной жизни, патриотизм концентрирует в себе многие компоненты, жизненно важные для функционирования социума. Многосложность его содержания проявляется в том, что в нем переплетены эмоционально-чувственные и рациональные элемен-

ты, преемственность и новизна, общедемократическое и социально-политическое, национально-этническое и общечеловеческое. Соотношение этих элементов на разных этапах истории различно, поэтому их социальная роль находится в органическом единстве с тем обществом, которое обуславливает данное явление духовной жизни. А поскольку общество постоянно меняется, то и характер, и природа, и содержание патриотизма находятся в постоянном развитии, поскольку нет Отечества вообще, постольку и нет абстрактного патриотизма.

Патриотические ценности во все времена базировались на прочных знаниях об Отечестве. Носителями патриотического общественного сознания выступают различные социальные субъекты, начиная от конкретных личностей и заканчивая государством. Но при этом следует отметить, что это не просто сумма сознаний, а это единство патриотической психологии и патриотической идеологии всего общества.

Роль и значение патриотизма значительно возрастает на крутых поворотах истории, когда объективные тенденции развития общества сопровождаются повышением напряжений его граждан. Патриотизм в такие периоды может принимать форму общенациональной идеи, которая помогает преодолеть все трудности и сложности переживаемого периода. Как правило, именно в такие времена проявления патриотизма сопряжены с высокими благородными порывами, особой жертвенностью во имя Родины и своего народа. В условиях постсоветской России, к сожалению, идея патриотизма на какой-то период подверглась даже некоторому шельмованию. Отдельные СМИ и некоторые политологи стали пропагандировать идею приоритета общечеловеческих ценностей над патриотическими, национальными. Быть патриотом стало не модно. Но испытание с сер. 1990-х – нач. 2000-х гг. показали ошибочность забвения идей патриотизма. Именно вдохновленные патриотическими традициями русского воинства, военнослужащие российской армии смогли отстоять территориальную целостность своего государства в Чечне.

Переломные эпохи, когда идет смена ценностных ориентиров, меняется социальное положение и интересы всех слоев общества, со-

циальных групп и отдельных граждан, патриотизм становится тем стержнем, вокруг которого группируются здоровые силы общества. Именно он придает смысл жизни и деятельности людей, помогает им объединиться. На рубеже XX–XXI вв. подверглись изменению самим понятия «Отечество» и «Родина». Им необходимо было придать новое звучание, отражающее процесс становления и развития новой российской государственности. На протяжении уже почти четверти века идет процесс развития практически всех компонентов России как нового Отечества. Он сопровождается и формированием нового российского патриотизма. Это сложный и противоречивый процесс, поскольку он является с одной стороны продолжением патриотизма Российской империи и Советского Союза, а с другой, – представляет собой совершенно новое явление, обусловленное новым состоянием российского общества и новым отношением к нему, со стороны международного сообщества.

Новый российский патриотизм должен стать и постепенно становится той духовной ценностью, которая способна стать основой единения и гармонизации современного российского общества, важнейшим условием сохранения его самобытности и своеобразия в многоликом современном мире. Патриотизм сегодня – это идеология и психология, политика и деятельность, выражающие особое, любовно-возвышенное, преданное отношение человека к своему Отечеству. Поэтому трудно переоценить роль и значение патриотизма как консолидирующего начала российского общества в сложных, в противоречивых и неоднозначных процессах развития новой российской государственности.

Формирование и развитие патриотизма и патриотического сознания – длительный процесс, ритм которого в значительной степени обусловлен конкретными потребностями, интересами и условиями существования страны и её народа. В полной мере характер и содержание патриотизма, глубина проникновения его в сознание народа, его воздействие на каждого человека проявляется в деле защиты Отечества. С точки зрения жизненных потребностей и интересов каждого гражданина, Отечество включает в себя существенно значимые элементы общественного бытия: конкретно-исторического, социального, политического, культурного, экономического, а также территории, языка, традиций. В момент смертельной опасности для страны происходит осознание необходимости защиты всего того, что пред-

ставляется лично значимым, самой жизни и своей страны. В сравнении с периодом развития патриотического сознания в целом, преобразование его во время войны по защите Отечества происходит сравнительно быстро. Но сейчас мирное время, поэтому формирование нового патриотического сознания требует стройной системы патриотического воспитания.

Создание системы патриотического воспитания населения страны, молодежи и, особенно, личного состава армии и флота в складывающихся военно-политических обстоятельствах – это жизненная необходимость. В предыдущие годы работа по патриотическому воспитанию велась без должного напряжения, в отдельные периоды – при очень низкой эффективности, когда уровень патриотизма у российских граждан падал до катастрофически низких отметок. Это приводило к снижению авторитета государственной власти, её институтов, принижению роли и значения России в системе международных отношений. Сегодня эта работа значительно активизировалась. Ею занимаются и школа, и общественные институты, и органы государственной власти, и органы военного управления. Все они в качестве главной задачи видят создание такой системы патриотического воспитания, которая позволила бы обеспечить доминирование идей патриотизма в общественном сознании. А это, в свою очередь, позволит обеспечить развитие и величие нашей державы.

Социально-философский анализ феномена патриотизма позволяет сделать следующие выводы и дать некоторые рекомендации.

Во-первых, патриотизм по-прежнему является важнейшей составной частью общественного сознания, в котором отражается отношение людей к своему Отечеству. Поэтому одной из важнейших задач сегодняшнего дня является совершенствование системы патриотического воспитания российских граждан, молодого поколения, военнослужащих армии и флота.

Во-вторых, в российских условиях патриотизм должен стать реальной основой консолидации граждан нашей многонациональной страны. Патриоты России, какой бы национальности они не были, должны сосредоточить свое внимание на решении насущных задач и преодолении многих трудностей, присущих развитию современной России. Только приобретение к большим и важным делам, консолидация здоровых, лучших сил нашего общества, от которых зависит судьба Отечества, поможет реализации идей патриотизма.

В-третьих, в сегодняшней России патриотизм может и должен стать предпосылкой социального партнерства и консолидации власти и народа. Только государственный патриотизм, с одной стороны заставит новых собственников – предпринимателей ограничить свою алчность в стремлении максимизировать свою прибыль, а с другой – может побудить народ ограничить свои требования в соответствии с социально-экономическими реалиями. При этом власть должна учитывать и реализовывать интересы как тех, так и других с целью обеспечения социального спокойствия.

В-четвертых, современная военно-политическая обстановка характеризуется возрастающей остротой. Поэтому особое значение приобретает патриотический дух народа и его армии. Это не отвлеченное понятие, а нравственная готовность народа и армии к защите Отечества. Высокий воинский дух как проявление патриотизма может присутствовать в армии только тогда, когда она живет с народом одной жизнью. Ни самая совершенная военная организация, ни талант полководца не смогут пробудить патриотизм в войне, если его нет в народе. Сам народ может придать государственной власти соответствующую энергию и силу, необходимую для поддержания высокой боевой готовности армии и флота к решению задач по вооруженной защите своей страны. Если же народ и власть не заботятся о развитии в обществе патриотизма, то они не вправе будут ждать от своей армии победы.

В-пятых, требованием времени становится повышение эффективности патриотического воспитания на всех уровнях. А для этого необходимо воспитывать гордость за свое Отечество и любовь к Родине, начиная с детского сада. Органы власти всех уровней, школа, институты гражданского общества должны более активно пропагандировать социокультурные ценности нашей страны. Неравнодушные граждане – патриоты должны более активно обозначить свою гражданскую позицию в спорах со сторонниками западного образа жизни, носителями идей глобализма.

В-шестых, необходимо постоянно вести мониторинг состояния патриотических чувств, взглядов, настроений разных категорий насе-

ления и военнослужащих, чтобы оперативно влиять на динамику состояния и формирования патриотизма.

Список использованных источников

1. Ганчар Г.М., Шамаев А.О. К вопросу о системности нравственно-патриотического воспитания в учреждениях военного образования Российской империи 2-й пол. XIX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. – С. 26-31.

2. Лубяной В.И., Буров М.Д. Философский аспект патриотизма // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 6-9.

2. Лубяной В.И., Ваганов К.А. Воспитательный и философский аспекты защиты отечества и их реализация в содержании имиджа Российской армии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 10-13.

Lubyanoy V.I., Kotikov V.A.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF PATRIOTISM

In the article the social-philosophical analysis of a phenomenon of patriotism – one of the most controversial and discussed the phenomena of social consciousness.

Keywords: *patriotism, patriotic-parameter values, patriotic education.*

**СРЕДНИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ
(на примере Республики Татарстан, Самарской и Ульяновской областей)**

В статье проводится сравнение современных социологических исследований среднего класса регионов Российской Федерации на примере Самарской и Ульяновской областей, а также Республики Татарстан. Рассматриваются критерии выделения среднего класса, его структура, трудовое и потребительское поведение.

Ключевые слова: *средний класс, самоидентификация, доход, образование, критерий.*

Исследование среднего класса вызывает особый интерес в нескольких науках. С точки зрения социологической, экономической и политической направленности российские ученые активно рассматривают средний класс на протяжении последних десятилетий. Наибольший интерес у российских ученых вызывают вопросы, связанные с особенностями формирования и функционирования среднего класса в обществе.

Для определения среднего класса региона необходимо выделить критерии с учетом социально-экономических особенностей. Однако на данный момент в социологии подобные критерии отсутствуют. Исходя из этого, для выделения среднего класса определенного субъекта Российской Федерации необходимы соответствующие критерии, учитывающие специфику социально-экономического, демографического и политического характера.

Сделаем сравнительный анализ исследований российских ученых при выделении среднего класса в региональных измерениях.

Так, например, Е.М. Власовой, О.В. Ширяевой в 2011 г. было проведено исследование «Средний класс в регионах Поволжья».

Опрос проводился среди 1200 респондентов, критериями послужили:

- среднедушевой доход (4–10 прожиточных минимумов, установленных в регионах);
- образование (не ниже среднего специального);
- тип занятости (нефизический труд);
- характер расходов и качество потребления.

Основой исследования стала нуклеарная модель структуры среднего класса, которая

подразделяется на «ядро», «резерв» и «периферию».

Е.М. Власова, О.В. Ширяева проводят региональное сравнение Самарской и Ульяновской областей. Если первую область можно отнести к развитым регионам, то вторую – к регионам «середины» [1].

Рассматривая средний класс в показателе «Демографический состав в регионах» по процентному соотношению авторы делают вывод, что в обоих случаях преобладает мужское население, так как Самарский регион более развитый и у него больше возможностей для реализации потенциалов населения, то средний класс состоит из представителей моложе 40 лет (65%), а в Ульяновской области этот показатель составил 49%.

Следующий критерий в проведенном исследовании – «Отраслевой портрет регионального среднего класса».

Наиболее широкое распространение среди среднего класса Самарской области получила сфера услуг. Также довольно распространены сферы строительства и транспортных услуг. Ульяновский средний класс основывается на сферах строительства и органов управления.

В обоих случаях доля населения среднего класса, занятых в сфере образования и науки составляет 14–15%, т.к. соотношение доходов работников бюджетных сфер меньше, чем в лидирующих сферах.

Следующий выделяемый показатель – «Должностной портрет регионального среднего класса».

Средний класс в Самарской области – это профессионалы с высшим образованием, а ульяновский средний класс представляет собой в большей степени руководителей различных предприятий, а также органов управления.

Для обоих регионов наибольшее число представителей среднего класса имеют высшее образование, а каждый восьмой респондент – второе высшее образование, либо ученую степень, а незначительная часть – со средне-специальным образованием.

Таким образом, подводя итоги опроса респондентов среднего класса, авторами было определена следующая модель структуры этого класса (см. табл. 1).

Таблица 1

	Самарская область	Ульяновская область
«Ядро»	25%	18%
«Резерв»	40%	44%
«Периферия»	35%	38%

Другое конкретно-социологическое исследование было проведено в 2008–2009 гг. в Республике Татарстан при участии Ю.Р. Хайруллиной. В нем была акцентирована структура среднего класса Республики Татарстан, его трудовое и потребительское поведение с учетом совокупности количественных и качественных критериев [2, 3].

Выборка исследования среднего класса в Республике Татарстан составила 1100 респондентов, основополагающим критерием был доход, который составил от 7 до 70 тыс. рублей. Далее из этого количества было отобрано 458 человек, составляющее, по мнению исследователей, ядро среднего класса. Их выделяли по таким качественным критериям, как образование, самоидентификация, вид трудовой деятельности и уровень доверия к власти.

Также, как Е.М. Власова и О.В. Ширяева, авторы данного исследования при выделении среднего класса в Республике Татарстан анализируют трудовую деятельность. Представители среднего класса (1100 опрошенных респондентов):

- специалисты-профессионалы – 30,1%;
- чиновники, руководители и предприниматели – 15,1%;
- специалисты среднего уровня – 14,8%.

Что касается ядра среднего класса, то здесь идет увеличение среди специалистов-профессионалов – 35,4%, а чиновников, руководителей и предпринимателей – 22,5%.

Один из самых рассматриваемых критериев – возраст (см. табл. 2).

Таблица 2

	Представители среднего класса	Ядро среднего класса
18-24 года	20,5%	15,4%
25-34 года	26,7%	30,3%
35-44 года	21%	21,4%
45-54 года	26,5%	27,1%
55-64 года	4,3%	4,4%
старше 65 лет	0,6%	0,2%

Таким образом, следует отметить, что возрастной интервал среднего класса (представителей и ядра) составляет от 25 до 34 лет.

Другим распространенным критерием для выделения среднего класса является среднемесячный доход (см. табл. 3).

Таблица 3

	Представители среднего класса	Ядро среднего класса
от 7 до 12 тыс. руб.	38,5%	33,6%
от 12 до 16 тыс. руб.	18%	14,6%
от 16 до 25 тыс. руб.	21,6%	21,8%
от 25 до 50 тыс. руб.	14,9%	19,2%
от 50 до 79 тыс. руб.	7%	11,1%

Из данной таблицы можно определить, что доход среднего класса в целом колеблется в исследуемый период от 7 до 12 тыс. руб.

Для обозначения среднего класса в Республике Татарстан исследователи затрагивают вопросы, связанные с материальными сторонами жизни человека, а именно:

- возможности улучшения материального положения;
- оценивается потребительское поведение среднего класса (отоваривание продуктами, пользование платными услугами, отдых за границей);
- досуг;
- имущественный вопрос (жилье, предметы длительного пользования) и т.д.

Также исследователи рассматривают проблему уровня доверия к власти.

Подводя итог, авторы-исследователи для Самарской и Ульяновской областей выделили общие черты портрета среднего класса – это преимущественно мужчины, с высоким образовательным потенциалом, имеющие должностной статус. Исследователи из Татарстана останавливаются на потребительском потенциале, трудовой и образовательной мобильности, а также отмечают, что средний класс не имеет достаточных накоплений для активной предпринимательской деятельности и для укрепления своего социального статуса. Сходство между двумя исследованиями заключается в том, что авторы выделяют ядро среди представителей среднего класса.

Исходя только из сравнительного анализа регионов, не представляется возможным определить общие критерии для выделения среднего класса российского общества в целом, по-

скольку необходимо учитывать степень развитости субъекта РФ, географические, социально-политические и ряд других характеристик.

Список использованных источников

1. Власова Е.М., Ширяева О.В. Состав среднего класса в России: кроссрегиональное сравнение // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – №10. – С. 89–90.

2. Хайруллина Ю.Р. Городской средний класс в современной России: критерии выделения, структура, трудовое и потребительское поведение (на материалах Республики Татарстан) // Электронный экономический вестник Татарстана. – 2012. – №1. – С. 282–293.

3. Хайруллина Ю.Р., Махиянова А.В. Средний класс в Республике Татарстан: структура, ценности, приоритеты (на материалах конкретно-социологического исследования) // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2010. – №3. – С. 267–279.

Martynova O.A.

**THE MIDDLE CLASS IN MODERN
RUSSIAN SOCIETY: COMPARATIVE
ANALYSIS RESEARCH (on the example
Republic of Tatarstan, Samara
and Ulyanovsk regions)**

The article presents a comparison of contemporary sociological studies of the middle class regions of the Russian Federation on the example of Samara and Ulyanovsk regions and the Republic of Tatarstan. Discusses the designation criteria of the middle class, its structure, employment and consumer behavior.

Keywords: middle class, self-identification, income, education, criterion.

УДК 159.9

Некрасова Е.А., Митасова Е.В.

**ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ В СУПРУЖЕСКИХ ПАРАХ КАК ОСНОВА
БЕСКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕНИЯ В СЕМЬЯХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ**

В статье рассматривается тема денег в супружеских отношениях. Описывается авторская типология отношения к деньгам. Анализируются возможные варианты композиций отношения к деньгам в супружеской паре. Описываются возможности для бесконфликтного общения между супругами, в том числе в случае противоречивых позиций в отношении денег.

Ключевые слова: деньги, отношение к деньгам, отношение к деньгам супругов, общение, бесконфликтное общение, семья

Основой работоспособности и эффективности военнослужащего на службе являются многие аспекты, но одним из наиболее важных будет качество семейных, а особенно, супружеских отношений [1]. Удовлетворенность семейными отношениями возможно в наибольшей степени зависит от взаимопонимания, поддержки, отсутствии конфликтов по принципиальным смыслообразующим ценностям и явлениям [2].

Взаимодействие в семье строится на общении. Дадим определение понятию общение – это взаимодействие двух или более субъектов, состоящее в обмене между ними сообщениями, имеющими предметный и эмоциональный аспекты, общение основано на реализации особой потребности в контакте с другими субъектами [3]. Другими словами большая часть взаимодействия супругов происходит именно в виде общения. Следует отметить, что общение – это сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, взаимодействие субъектов [4]. В ходе общения, при реализации его функций могут возникать конфликты. Конфликт – это взаимодействие двух или нескольких людей, имеющих взаимоисключающие цели (по крайней мере, воспринимаемые ими как таковые) и реализующих их один в ущерб другому [5]. Конфликты могут возникать при передаче информации, когда само содержание не удовлетворяет супругов, либо форма и способ подачи не устраивает их.

Каждый день, общаясь в семье, мы обсуждаем либо упоминаем множество событий и объектов окружающей реальности. Если эти объекты не значимы для нас, маловероятно, что они станут причиной конфликта. Но есть ряд объектов, с которыми мы сталкиваемся каждый день и мы сами относимся к ним определенным образом. Если позиции супругов к этим объектам, значение и смысл этих объектов разнятся, возможно возникновение конфликтов. При отсутствии адаптации и урегулировании данных противоречий может произойти разрыв отношений либо дистанцирование супругов. В менее острой ситуации будет наблюдаться избегание сложной для пары темы.

Живя в современном обществе, с деньгами в тех или иных формах мы сталкиваемся каждый день. Да, повышение оплаты труда военнослужащих снизило количество конфликтов связанных с непосредственной нехваткой денежных средств, однако, не отменило конфликты из-за непосредственно разного восприятия денег как таковых. Независимо есть деньги или нет, независимо наличные это деньги или электронные к самим по себе деньгам мы относимся определенным образом, само понятие денег наделено для каждого современного человека своими понятиями и смыслами.

Нельзя сказать, что отношение к деньгам является исключительно проблемой, свойственной нашим соотечественникам. Так в Японии фактор «экономические и нехватка денег на жизнь» является второй причиной самоубийств, после «проблемы со здоровьем (болезни)» [6], а по данным Т.В. Андреевой финансовые проблемы по результатам опроса американских семейных консультантов озвучивают 37,2% [7] обратившихся за помощью семейных пар, что является 4 из перечисляемых причин обращения.

Исследование проведенное еще в 2007–2008 гг. М.П. Кабаковой показало, что для жен военнослужащих «разногласия в отношении к деньгам» стоит на втором месте среди наиболее конфликтных вопросов в супружеской паре [8].

По тому, какова ценность денег для человека мы можем выделить в отношении к деньгам три типа: «обесценивающий», «рациональный» (или нейтральный), «сверхценный». Для каждого из данных типов есть наиболее характерные привычки и поведенческие паттерны в отношении к деньгам. Так представитель «обесценивающего» типа вряд ли знает

сколько у него с собой денег, деньги могут быть помяты, «рассованы» по карманам, деньги заканчиваются неожиданно и «до зарплаты» приходится занимать или перебиваться. Представитель «рационального» типа знает сколько у него примерно денег с собой, планирует свои траты и приобретения, к деньгам относится как к инструменту. Тогда как для «сверхценного» типа отношения к деньгам важно знать точное количество денег. Траты, даже необходимые могут откладываться, для накопления денег, купюры хранятся строго по номиналу.

Сильные эмоции к деньгам испытывают как представители «обесценивающего», так и «сверхценного» типа. Разным будет коннотация: «обесценивающие» испытывают тревогу если деньги у них есть, и у них превалирует потребность в снижении данной тревоги, для чего деньги могут тратиться, иногда даже транжириться. А «сверценящие» испытывают тревогу в случае отсутствия денег или возможности их потерять.

Обдумывать и размышлять о деньгах представители разных типов тоже предпочитают по-разному. «Обесценивающих» тревожат сами мысли о деньгах, они предпочитают избегать их, а проблемы решать при непосредственном столкновении с ними. «Рациональные» размышляют о деньгах исходя из текущей ситуации, т.е. по необходимости. «Сверценящие» наоборот предпочитают много времени посвящать размышлениям, планированию, созданию планов о имеющихся или будущих деньгах.

Таким образом, можно отметить, что в целом для каждого из типов деньги несут в себе разные смыслы. Для «обесценивающих» деньги – это «антицель», они максимально избегают их, и тревоги с ними связанной, но из-за особенностей своего типа вынуждены перманентно разрешать проблемные ситуации, касаемые денег. Для «рационального» типа деньги – это средство. Использование денег этим типом наиболее приближено к экономической функции денег. Для «сверхценящего» типа деньги – это цель. Сам факт обладания деньгами воспринимается ими как достижение. Примером здесь может служить феномен скрытых миллионеров, которые не имеют никакой реальной (объективной, вещественной) выгоды от обладания деньгами, но продолжают копить и откладывать максимально возможные суммы.

Каждая пара состоит из двух супругов, которые могут быть обладателями разных типов отношения к деньгам. Как очевидно, из пред-

ложенной выше типологии, количество денег не будет ведущим фактором, определяющим наличие либо отсутствие конфликта о деньгах. Количество денег может усугублять лишь уже имеющиеся противоречия между супругами.

Конфликты по поводу денег часто воспринимаются как признак неудовлетворенности материальным состоянием (так, например, 25 % опрошенных ВЦИОМ называют причину развода «бедность» [9]), либо темой, маскирующей конфликты за власть и влияние в паре. Однако, как видно из предложенной типологии, деньги сами по себе могут быть объектом противоречия.

Если типы отношений к деньгам в паре совпали, то деньги и отношение к ним будут точкой взаимопонимания. При обсуждении трат или иных тем связанных с деньгами супруги будут чувствовать взаимность и понимание.

Если супруги представители двух разных, но смежных типов отношения к деньгам, то степень конфликтности в паре будет определяться совместимостью по остальным параметрам, а так же силой мотивации в нахождении общих точек зрения и выработки общесемейных позиций, в том числе в отношении денег.

Если супруги представители двух крайних типов отношения к деньгам, конфликтность данной темы в супружеских отношениях будет велика. Отсутствие разрыва возможно в случае большой согласованности в других сферах супружеской жизни. Нивелировать противоречия в отношении к деньгам напрямую маловероятно, так как отношение к деньгам формируется на протяжении всей жизни человека и закладывается еще в родительской семье. Снижению конфликтности по теме денег возможно при осознании принципиальной разницы взглядов каждого супруга и такой организации семейной жизни и семейного бюджета, когда можно избежать ежедневного обсуждения темы денег.

Следовательно, не смотря на повышение материального уровня военнослужащих тема денег и отношения к ним может быть как объединяющей так и приводящей к конфликтам в паре. Психологическое просвещение о разном отношении к деньгам может снизить негативный эффект в случае противоречий и конфликтов.

Бесконфликтное общение в семьях по отношению к деньгам возможно, когда супруги сотрудничают друг с другом, не смотря на разные позиции и воззрения, воспринимают

себя как равных партнеров имеющих право на разные, отличающиеся точки зрения.

Для эффективного взаимодействия супругов необходимо, что бы каждый из них мог описать свои позиции и эмоции к деньгам, а так же услышать и попытаться понять позиции и чувства партнера.

Если супруги понимают и принимают возможность иных позиций супруга, то в отношениях возникает чувство уверенности и доверия к партнеру. Не смотря на различия во взглядах, возникает ощущение совместности. Но не в отношении денег напрямую, а в готовности партнера разбираться и разъяснять сложные темы и ситуации в паре.

Установление таких близких и доверительных отношений между супругами, основанная на учете особенностей взглядов каждого позволит супругам осуществлять поддержку в том числе в ситуациях с деньгами, так как супруги осознают и принимают особенности позиций каждого из них. Следовательно, супруги уходят от избегания конфликтной и противоречивой темы и накоплений непонимания в паре к конструктивной модели взаимодействия даже при изначально разных типах отношения к деньгам.

Следует отдельно отметить, что лишь при овладении навыками бесконфликтного общения, супруги в дальнейшем смогут быть осознанными родителями [10], выстраивающими отношения с детьми на основании взаимного уважения и понимания.

Для развития бесконфликтного общения специалистам следует проводить беседы и обсуждать условные ситуации, позволяющие моделировать и корректировать поведение супругов, а так же реакции супруга на поведение партнера, повышать поддержку и взаимопонимание в паре.

Список использованных источников

1. *Серпилина И.Н., Сыкеева И.Н.* О значимости профессиональной деятельности специалиста по социальной работе с семьями военнослужащих // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук / Вольский военный институт материального обеспечения. – 2014. – № 8–2. – С. 84–88.
2. *Алешина Ю.Е.* Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни: Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1995.
3. *Шапарь В.* Новейший психологический словарь. – Ростов на Дону: Феникс, 2009.

4. Психология общения: учебник и практикум для СПО / Н.А. Корягина, Н.В. Антонова, С.В. Овсянникова. – М.: Изд-во Юрайт, 2015.

5. Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: учеб. для вузов. Академический Проект; Гаудеамус, 2007.

6. Самоубийства в Японии: статистика и причины [Электронный ресурс] // 2011–2016 Nippon Communications Foundation <http://www.nippon.com/ru/features/h00075/> (дата обращения: 21.01.2016).

7. Андреева Т.В. Семейная психология: Учеб. пос. – СПб.: Питер, 2013.

8. Кабакова М.П. Психологические особенности общения и взаимодействия в семьях военнослужащих // Вестник КазНУ. – Алматы, 2010. – С. 24–28.

9. Пресс-выпуск №2873 О разводах 25 лет назад и сегодня [Электронный ресурс]// Всероссийский центр изучения общественного мнения www.wciom.ru (дата обращения: 21.01.2016).

10. Елисеев А.Д., Положевец Е.В. Семья как основа формирования ответственной социальной роли родителей // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук / Вольский военный институт материального обеспечения. – 2015. – № 9–3. – С. 48–53.

11. Шестериков А.В., Хаццева И.А. Морально-психологическое состояние личного состава: сущность и содержание // Актуальные проблемы гума-

нитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 110-112.

Nekrasova E.A., Mitsova E.V.

ATTITUDE TO MONEY IN COUPLES AS A BASIS FOR CONFLICT-FREE COMMUNICATION IN THE FAMILIES OF MILITARY PERSONNEL

The article deals with the topic of money in marriage. Describes the authors' typology of relations to money. Analyze possible variants of the compositions of the attitude towards money in a couple. Describes opportunities for conflict-free communication between spouses, including in the case of conflicting positions regarding money.

Keywords: money, attitude towards money, attitude towards money spouses, communication, conflict-free communication, family.

УДК 355:271.2

Никитина Ю.Е., Хабибулин Р.Г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье рассматривается историческое значение Русской Православной Церкви в нравственно-патриотическом воспитании российского общества. Нравственно-патриотическое воспитание подрастающего поколения на сегодняшний день представляется актуальной проблемой как для Российской Федерации, так и для Русской Православной Церкви. Церковь на протяжении всего своего исторического существования с государством на Руси, всегда заботилась о нравственно-патриотическом воспитании народа.

Ключевые слова: религия, Русская Православная Церковь, духовность, нравственность, патриотизм.

Последние десятилетия в истории России характеризуются изменением роли и места религии в жизни русского общества. Религиозные ценности стали важной составляющей как образа жизни, так и образа мышления многих людей. Существенно возросли роль, авторитет и влияние религиозных организаций, прежде всего, традиционных для русского народа конфессий – Русской православной церкви, Евангелическо-Лютеранской церкви, Римско-католической церкви, иудаизма и ислама. Данные социологических опросов свидетельствуют о росте религиозности населения.

Факт крещения Руси в 988 г. явился судьбоносным для формирования всей российской культуры, мировоззрения, традиций и отношения к миру, к себе, к Богу. А ведь: «Воспитание – это всегда воспитание ценностей, воспитание отношения человека к миру, к себе, к другим, к Богу». Значит, русский народ уже более 1100 лет воспитывается в духе православной веры. В истории российской духовной нравственности лежит мощнейший фундамент – церковь. Опора на устоявшиеся традиции, которые способствуют укреплению и единению страны – основа духовно-нравственного воспитания. Ушинский считал нехристианскую педагогику вещью немыслимой, безголовым уродом.

Патриотическое воспитание молодого, подрастающего поколения на сегодняшний день представляется актуальной проблемой как для Российской Федерации, так и для Русской Православной Церкви, поскольку сегодня в обществе ощущается нехватка патриотического воспитания молодежи. Русская Православная Церковь на протяжении всей истории имела попечение о воспитании патриотических народных чувств, ощущений, имела заботу о том, чтобы отечество было сохранено от различных опасностей и треволнений. В этом плане, Церковь оказывала и продолжает оказывать большое влияние на воспитание в народе любви к Отечеству [4].

Церковь, на протяжении всего своего исторического сосуществования с государством на Руси, всегда заботилась о патриотическом воспитании народа. Одним из ярчайших примеров подобной заботы об отечестве, о народе является прп. Сергей Радонежский. Подвиг прп. Сергия заключался в том, что он в минуту опасности, нависшей над государством, выступил от лица Русской Церкви как активный помощник и духовный лидер в этой борьбе. Н.М. Карамзин так характеризует прп. Сергия в этот период: «сей святой старец, отвергнув мир, еще любил Россию, ее славу и благоденствие» [3, с. 347].

По мысли же выдающегося русского историка В.О. Ключевского, главное дело прп. Сергия «простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело – укрепление русского государства». В восприятии Ключевского преподобный выступает как нравственный и духовный катализатор русского общества. Как заключает В.О. Ключевский, прп. Сергей принес народу особое настроение, «этим настроением народ жил целые века: оно

помогало устроить ему свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок» [5, с. 489].

В истории развития России и христианства не раз наблюдались попытки свернуть с пути истины, предать забвению русские православные ценности. И поставить на первый план ценности запада. Однако ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Почему? Вероятнее всего, потому что европейцы-индивидуалисты, которые стремятся развить предприимчивость, расчетливость и т.д., а русские люди – коллективисты, которые способны думать и о других, а не только о себе.

Изменение в отношении общества к проблемам духовных ценностей оказало определяющее влияние на приоритеты государственной политики в сфере религии и отношений с религиозными организациями. Государство признало, что церковь является одним из важнейших социальных институтов, чей исторический опыт, духовный потенциал и многовековое культурное наследие оказали в прошлом и оказывают в настоящем существенное влияние на формирование духовных, культурных и национальных традиций русского народа (преамбула Закона Российской Федерации «О свободе совести и религиозных организациях»). За последние двадцать лет государство перешло от принципа отделения государства и школы от церкви к принципу построения взаимоотношений государства и религиозных организаций с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций русского народа.

Одной из определяющих областей взаимоотношения государства и религиозных организаций является сфера духовного, нравственного, патриотического образования и воспитания. Интеграция в образовательное пространство страны опыта традиционных для России конфессий в сфере духовной деятельности постепенно становится объективной реальностью.

Нравственная сила религиозной этики сегодня все более активно используется в целях формирования нравственного и духовного мира подрастающего поколения.

Проблема развития духовности и нравственности молодого поколения – одна из самых актуальных в современном обществе. В условиях смены ценностных установок молодежи необходимо указать новые ориентиры в гуманитарном поиске. В связи с этим актуализируется изучение религии как социокультурного феномена, являющегося неотъемлемым ком-

понентом гуманистического образования. Религия в этих рамках рассматривается в качестве составной части культуры в ее взаимодействии с другими областями человеческой жизни. Современный молодой человек живет в социальной системе, впитавшей в себя многие религиозные идеи, в первую очередь христианскую этику. Религиозные представления у значительной части молодежи являются составной частью мировоззрения.

Среди духовно-культурных ориентиров современной молодежи религия не занимает ведущее место. Наука и светская этика, гуманистические ценности и идеалы, сформированные в рамках светской культуры, достаточно эффективно помогают решать проблемы, стоящие перед молодежью и современным обществом.

Вместе с тем, молодежь интересуется религиозными вопросами самого разного содержания: социально-политическими, историческими, духовно-мировоззренческими, часто это вопросы вероучительного, вероисповедного характера, касающиеся различий между религиями и конфессиями. Примечателен факт, что преподаватели, читающие студентам курс «Религиоведение» в высших учебных заведениях, отмечают, что при положительном отношении студентов к религии последние, как правило, демонстрируют большую необразованность в вопросах, с ней связанных. Религия для них либо часть повседневной традиции, либо нечто «духовное», это значит возвышенное. Религиозность молодых людей в целом носит мировоззренческий характер и в малой степени влияет на их культовое поведение, т.е. на регулярное посещение богослужений, чтение молитв, соблюдение постов, религиозных праздников и т.д. Так, только 4,8% молодых людей регулярно посещают богослужения, а 57,4% делают это изредка. Постоянно соблюдают религиозные праздники и посты только 19,8% молодых людей, изредка это делают 51,7% и не соблюдают 27,6%. Полученные данные свидетельствуют, что религиозное сознание молодежи не носит ортодоксального характера, оно не имеет четких границ, не распространяется на регламентацию поведения вне религиозной сферы. Нравственные нормы религиозного сознания опрошенных действуют в момент пребывания в сложных бытовых ситуациях, а в повседневной жизни они руководствуются нравственными принципами, господствующими в социальной группе, с которой молодые люди себя идентифицируют.

Вместе с тем религия, как носитель духовно-нравственных идеалов и хранитель культурных традиций, имеет высокую ценность в глазах современной молодежи. В этой связи сила религиозной этики сегодня все более активно используется в целях формирования нравственного и духовного мира подрастающего гражданина [6]. Следует отметить, что не только религиозные ценности Православной церкви могут быть использованы в духовно-нравственном воспитании молодежи. Географическое положение России на перекрестке двух цивилизаций предопределило самобытность духовного наследия проживающих здесь народов. Россия является поликонфессиональным государством, в котором мирно сосуществуют много конфессий и религиозных направлений.

Такие ценности как любовь к ближнему, сострадание, взаимопомощь, милосердие, бережное отношение к окружающей природе, почитание родителей, уважение к законам страны лежат в основе нравственных концепций всех традиционных для России религиозных конфессий и направлений. Накопленный веками воспитательный опыт православной, Евангелическо-Лютеранской, иудейской, мусульманской и других конфессий находит активное применение в области образования, воспитания и социальной работы, способствуя формированию нравственно зрелой, духовно развитой личности [2].

Говорить о роли Православной Церкви в нравственно-патриотическом воспитании российского общества можно много. Достаточно назвать имена святого благоверного князя Александра Невского, святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, преподобного Сергия Радонежского, святого благоверного князя Димитрия Донского – и каждому, знающему историю нашей Родины, станет ясно, какую основополагающую роль сыграло Православие в формировании российской государственности, самосознания российского общества. Достаточно вспомнить, что на Куликовскую битву Димитрия Донского благословил Сергей Радонежский, а первым в схватку с татаро-монголами вступил схимонах Пересвет – бывший брянский воевода. С момента создания в России регулярной армии она сосуществовала в тесной связи с Русской Православной Церковью. С 1720 г. военное духовенство было выделено в отдельную структуру на флоте, а с нач. XIX в. – в остальных родах войск. Институт военного духовен-

ства просуществовал в государстве Российском до 1917 г., и его представители вписали немало славных страниц в историю русского воинства. Нередко именно священник с крестом шел впереди войска, вдохновляя воинов своим примером; безоружный, не кланяясь пулям, он шел на врага, а за ним шли офицеры и солдаты. Он же поддерживал немощных духом, напутствовал умирающих.

И в Великую Отечественную войну победа над гитлеровской Германией началась именно с благословения Русской Православной Церкви. До сих пор нашему народу не сказана во всеуслышание вся правда о том, как Пресвятая Богородица спасла Россию в Великой Отечественной войне. О том, что митрополиту гор Ливанских Илие была присуждена Сталинская премия за неоценимую услугу, которую он оказал нашему народу. Это, учтите, заграничный иерарх, но, однако, он был отмечен Сталинской премией за свой молитвенный труд, потому что именно ему было откровение о судьбах России в этой войне, и именно с его призыва, который прозвучал и в нашей Церкви, и в проповедях, которые читались тогда духовенством, было пророчество, что Россия выиграет эту войну и что скоро в ее ходе будет перелом.

В приходах проводился сбор средств на нужды обороны, на подарки бойцам и содержание раненых в госпиталях и сирот в детских домах. 30 декабря 1942 г. митрополит Сергей (впоследствии Патриарх Всероссийский) обратился к пастве с призывом собрать средства на сооружение колонны имени Димитрия Донского. Всего за войну по приходам было собрано более 200 млн руб. на нужды фронта.

Роль РПЦ в патриотичном и нравственном воспитании молодых людей имеет огромную роль, поскольку из молодых людей формируется армия. Роль армии в современном государстве остается неизменной при всякой обстановке, переживаемой государством. В современной России взаимодействие Вооружённых сил, других войск и воинских формирований (силовых ведомств) с религиозными объединениями (военно-религиозные отношения) началось в нач. 90-х гг. XX в., вскоре после их департизации и деполитизации. Это способствовало поиску военными людьми национальной идеи и самоидентификации. Новая «государственно-патриотическая идеология» виделась некоторым военным руководителям и учёным в «возврате» к религиозным православным традициям. На смену отношению к религии и РПЦ как явлению пережиточному,

тормозящему общественное развитие пришло отношение к ней как важному общественному институту.

Патриотизм как любовь к родине, как готовность к защите отечества от иностранного захватчика всегда была актуальна и востребована, хотя для этого и использовались иные термины и выражения.

Святейший Патриарх Кирилл говорил об этом на Епархиальном собрании г. Москвы в 2013 г. следующее: «Со времен Крещения Руси и донныне Церковь имеет особое попечение о духовно-нравственном состоянии народа. И это – не дань государству за его благосклонное отношение к Церкви, вносящей свой вклад в патриотическое воспитание добропорядочных граждан... Забота о душах людей – главная составляющая церковного служения в прошлом, настоящем и в будущем» [4].

Отечество наше искони держалось на двух силах: на бойцах и молитвенниках, ратоборцах и монахах. Иначе говоря, на воинстве мирском и воинстве духовном. А в самых высоких своих проявлениях они соединялись: монах становился воином, воин монахом. Тому есть простое объяснение – и те и другие пылали любовью к Богу и Отечеству. Классический пример – святой благоверный князь Александр Невский. Великий воин, а ведь умер монахом, и не просто монахом, а схимником.

Именно поэтому наш народ всегда относился с величайшим почтением и уважением к священникам и военным. Священника всегда называли любовно «батюшка». А командир хорош, когда он – «отец солдатам».

Россия провела в оборонительных войнах большую часть своей нелегкой истории. Русская армия являла чудеса героизма и самопожертвования, когда Отечество находилось в опасности. И все крупные военные компании были по сути своей отечественными войнами. А это значит, что воевала не только армия – воевал весь народ. Русский народ – народ-воин, он привык смотреть в лицо опасности и смерти. А тот, кто видит близко смерть, тот и к Богу скорее обращается.

И подвести итог настоящим небольшим размышлениям об историческом значении Русской Православной Церкви в нравственно-патриотическом воспитании российского общества хотелось бы прекрасными словами Святейшего Патриарха Алексия I: «Как свидетельствует история, это та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала установлению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назид-

данием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество и рабовладение, воспитывала в людях чувство ответственности перед своим законодательством, нередко восполняла пробелы государственного закона.

Это – та самая Церковь, которая создала значительные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся национальной гордостью нашего народа.

Это – та самая Церковь, которая в период раздробления Руси помогала объединению Русской земли в одно целое, отстаивая значение Москвы как единственного церковного и гражданского средоточия Русской земли.

Это – та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорения. Это она, наша Церковь, укрепляла тогда дух народа верой в грядущее избавление, поддерживая в нем чувство национального достоинства и нравственной бодрости.

Это она служила опорой русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы Смутного времени и в Отечественную войну 1812 г. И она же оставалась вместе с народом во время последней мировой войны, всеми мерами способствуя нашей победе и достижению мира [1].

Словом, это – та самая Русская Православная Церковь, которая на протяжении веков служила, прежде всего, нравственному становлению нашего народа, а в прошлом — и его государственному устройству».

И можно быть уверенным, что Русская Православная Церковь еще сыграет ту огромную роль в духовном вооружении России, которую всегда играла в российской истории.

Как известно, Святейший Патриарх Кирилл дал поручение Патриаршему совету по культуре разработать программу мероприятий до 2017 г., которая направлена на формирование в обществе, в подрастающем поколении культурных ценностей и духовно-нравственных ориентиров, обращенных к светлым периодам истории Святой Руси. Также важно подчеркнуть, что на сегодняшний день вектор усилий Церкви и государства в патриотической работе с обществом и молодежью совпадает, поэтому, будем надеяться, что это позволит преодолеть разрыв, который сложился между поколениями, а также позволит сохранить историческую и культурную память народа.

Список использованных источников

1. *Зосима (Шевчук)*, архимандрит. Историческое значение Православной Церкви в нравственно-патриотическом воспитании российского общества // URL: http://ni-journal.ru/archive/2005/n5_05/duhov505/zosima505/
2. *Кандреев В.Н.* Духовно-нравственное воспитание: проблемы, противоречия, пути решения // Духовно-нравственное воспитание как основа профилактики наркомании в молодежной среде. Материалы городской научно-практической конференции. – Хабаровск: изд. дом «Арно», 2009. – С. 27.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – М.: Эксмо, 2006. – 1020 с.
4. *Кирилл (Гундяев)*, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Епархиальном собрании города Москвы 20 декабря 2013 г. // URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/66950.htm> (дата обращения 18.10.14).
5. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990. – 624 с.
6. *Санников М.А.* Роль Русской православной Церкви в духовно-нравственном воспитании молодежи // Социальное учение Церкви и современность: Материалы Международной научно-практической конференции «Социальное учение Церкви и современность» (12–13 мая 2011 г.). – Орел: Изд. Александр Воробьев, 2011. – С. 364–366.
7. *Хабидулин Р.Г., Макаева С.А.* Исторические аспекты проблемы взаимоотношений Русской Православной Церкви и Российской армии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 57-62.

Nikitina J.E., Habibulin R.G.

HISTORICAL VALUE OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IS IN MORAL-PATRIOTIC EDUCATION OF RUSSIAN SOCIETY

In this article the historical value of Russian Orthodox Church is examined in moral-patriotic education of Russian society. Moral-patriotic education of rising generation to date appears the issue of the day both for Russian Federation and for Russian Orthodox Church. Church during all historical coexistence with the state on Rus, always cared of moral-patriotic education of people.

Keywords: religion, Russian Orthodox Church, spirituality, morality, patriotism.

ПРОБЛЕМАТИКА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ ФИЛОСОФСКОГО ЭГО-ТЕКСТА

Основная идея статьи состоит в том, что философский эго-текст является культурным пространством философствования, как философов-профессионалов, так и непрофессионалов. И в том, и в другом случае проблематики философствования сходятся в одной точке, рефлексия автора философского эго-текста направлена на осмысление жизни при помощи размышления, детального самоанализа.

Ключевые слова: культура, тексты культуры, философский эго-текст, автор, мыслитель, рефлексия, саморепрезентация, самопознание, смысл.

Понятие «философский эго-текст» – предназначено для обозначения уникального, лично наполненного корпуса текстов культуры, скрепленного авторским «Я». Дело в том, что человеку любой культурно-исторической эпохи свойственны осмысление и обозначение феномена личностной индивидуальности, тем более это свойственно мыслителю, философу. Источники, в которых фиксируется «персональное Я» мыслителя, чрезвычайно разнообразны: исповеди, дневники, письма, мемуары, автобиографии, эссе. История культуры – это не только обобщающая картина многовекового ее развития, это еще и история ее личностей, выдающихся мыслителей, драматических творческих судеб, скрытых за великими идеями и концепциями. Самостоятельной и незаменимой формой научного исследования, с помощью которой постигается эта история, является анализ философских эго-текстов. **Философский эго-текст – это рефлексивное конструирование модели личности в процессе философского познания, рассмотрение собственного «Я», основанное на личном опыте, в контексте его феноменального бытия в культуре.**

Создание философского эго-текста есть рефлексивный процесс, представляющий собой собственную, личностную интерпретацию мыслителем значимых для него проблем. Рефлексия автора философского эго-текста на-

правлена на **осмысление жизни при помощи размышления, детального самоанализа.**

Специфика философского эго-текста в отличие от художественной автобиографии, концентрирующей внимание на описании жизненного пути, состоит в единстве экзистенциальной и философско-теоретической проблематик.

Для личности весьма важны проблемы самоопределения, самоидентификации, отражаемые в текстах культуры, целью которых является рассмотрение, познание собственного «Я». Являясь продуктом самосознания, философский эго-текст обеспечивает рефлексии бытия на уровне ее образов, смыслов, ценностей, норм и целей. Он потенциально содержит в себе совокупность сущностных предназначений, фундаментальных оснований и смыслов человеческой жизни. Бытие культуры – это бытие человека активного и деятельного, творящего саму культуру и ее предметы. Культура, взятая в своем динамическом аспекте, невозможна без творчества, то есть формирующей деятельности, порождающей новое, созидательной, креативной активности. Идея творческого самораскрытия человека посредством текста имеет особую значимость. Творчество преодолевает отчуждение, человек включает мир в себя, в свою внутреннюю жизнь, и тем самым преображает его.

Понятие «философская культура» имеет отношение не только к деятельности философов-профессионалов, но и характеризует уровень общественного интереса к философии. Во все времена прослеживается стремление «философов» объяснить «не-философам» значение их профессиональной деятельности. Одна из первых попыток принадлежит Пифагору: философы – это люди, которые приходят в мир не для того, чтобы соревноваться и торговать, но смотреть и размышлять.

В контексте выделения сфер философии и философствования, важных для данной статьи, приведем точку зрения В.А. Лекторского. Положительная сторона философствования ученых-естественников, поэтов, писателей и др., по мнению ученого, состоит в том, что люди ищут от реальных жизненных проблем, пыта-

ются философски решать то, что у них наболело. Но, поскольку они непрофессионалы, то часто наивны в своих философских выводах, воспроизводят устаревшие ходы мысли.

Что касается философа-профессионала, то он отличается тем, что знает возможные коллизии, те или иные способы анализа. В этом смысле он владеет *философской культурой*. В.А. Лекторский считает, что философия как профессиональная сфера деятельности не должна утрачивать связи с философствованием непрофессионалов. Если философ замыкается в рамках проблем своей профессиональной деятельности, то теряет выходы в нефилософский мир и начинает работать на «холостом» ходу [2, с. 45–46].

Философский эго-текст синтезирует в себе формы профессиональной философии и различных типов философствования, и его автором не всегда является «философ-профессионал». Необходимым для философствования, – по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, – «является умение останавливать взгляд на самом жизненном потоке, не отклоняя его к сверхжизненному по ходу движения потока» [3, с. 37]. Поэтому ученые, писатели, поэты, художники, литературные критики, религиозные деятели и др. могут являться создателями глубоко философского эго-текста.

Весь вопрос заключается в том, – рассуждает В.В. Зеньковский, – считать ли какою-нибудь мыслителя просто писателем на философские темы, воспроизводящим то, что было исследовано другими, или же он был действительно мыслителем, *т.е. мыслил сам, а не просто делал выборку из сочинений других авторов*. Конечно, здесь всегда могут быть спорные случаи: одному исследователю какой-либо философ будет казаться достаточно самостоятельным, чтобы назвать его философом, для другого данный писатель никак не заслуживает характеристики философа. В русской философии есть очень яркий пример такого расхождения в оценках – я имею в виду Белинского. Никто не оспаривает его литературного таланта, но принадлежность его к истории русской философии не идет дальше, по мнению ряда историков, права на звание популяризатора современных ему философских течений в России, тогда как другие считают его настоящим философом [1, с. 22].

Прежде чем осмыслить внешний мир, человеку необходимо погрузиться в свой внутренний мир, открыть «тайну» самого себя, то есть найти смыслы, скрывающиеся в глубине его души, и через них объяснить предметную

действительность. Это путь не только философа «профессионала», но в равной степени и «непрофессионал» всегда возвращается к самому себе, то есть способен обладать философским мышлением. Согласно идее Ю.В. Петрова, истинных философов отличает от неистинных «маленький» рубеж: первые удивительные явления находят в самой реальной жизни, вторые – в готовых книгах [4, с. 98]. В самом деле, философский взгляд на действительность характеризуется крайней степенью непохожести на обыкновенный ум. В то время как отыскание истины в обычной жизни мотивируется либо практическими потребностями, либо нравственными интенциями, либо политическими интересами, либо, наконец, исходит из уверенности, что «так должно быть». Особенность философского умопостижения свободна от житейских, политических и иных детерминирующих факторов, то есть философские рассуждения осуществляются в области чистой мысли. Это означает, что истины философии носят безусловный характер, а сама безусловная достоверность философского знания достигается благодаря умственному испытанию, которому разум добровольно подвергает себя сам. Поскольку философское знание есть для себя критерий и мерило достоверности, то оно может осуществиться при условии, что поиск истины опирается на чистые и бескорыстные помыслы субъекта.

Вселенная каждого крупного мыслителя исполнена своеобразия. Философия заставляет задуматься о высшей пользе тех вещей, что имеют отношение не к средствам, а к цели. Мыслитель наделен даром возвышаться над сиюминутными потребностями, ибо сама жизнь духа побуждает к поиску смысловых ориентиров существования. Согласно идее П. Рикера: «Великий философ – тот, кто первым испытал чувство удивления по поводу бытия в мире, и это удивление стало началом нового способа философствования – задавать сугубо личные вопросы; его философский разум – это прежде всего умение задавать собственный вопрос, придавая ему всеобщую форму» [5, с. 65]. Поэтому предельные вопросы, поставленные мыслителем в эго-тексте, кажущиеся на первый взгляд, отдаленными или даже изолированными от практики, идеи, которым присущи отвлеченно-умозрительное содержание, оказывают огромное воздействие на человечество и являются философскими.

К собственному пониманию своего «Я», природы, общества, мира мыслитель приходит

не сразу. Как правило, это итог многолетних исканий, осмысления эволюции воззрений теоретиков предшествующих эпох и современности. Философские школы, направления и концепции разделены между собой в поиске высшей и направляющей все вещи истины. Однако «философ отличается от не-философа никак не содержанием своих убеждений, а тем, что он считает для себя непозволительным, – подчеркивал автор этой идеи В.С. Соловьев, – принимать окончательно в теории какое бы то ни было принципиальное утверждение без предварительного отчета и проверки разумным мышлением» [6, с. 761]. Мыслитель находится в постоянном поиске этой истины, о чем свидетельствуют его несогласие и опровержение существующих доктрин. Данные противоречия не являются доказательством иллюзорности или недоступности философского поиска. Как раз они доказывают трудность и значимость этого поиска. Действительно, многие положения философии являются спорными и поэтому выступают в качестве неприемлемых для одних мыслителей и одобряемых другими. Но в определенном смысле в философии существует большая преемственность, нежели в науке, поскольку новая научная теория полностью меняет сам способ постановки вопросов. Философские проблемы остаются, напротив, в той или иной форме всегда теми же; более того, однажды открытые фундаментальные идеи становятся постоянными философскими приобретениями философского наследия. Они используются различным, подчас противоположным образом, но продолжают оставаться в культуре. В связи с этим и существует огромное многообразие философских эго-текстов, в которых мыслитель запечатлевает путь, который привел его к истине.

Список использованных источников

1. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х т. / В.В. Зеньковский. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – Т. 1. – 544 с.
2. Лекторский В.А. Что нужно людям от философии? / В.А. Лекторский // Философское сознание: драматизм обновления. – М.: Наука, 1991. – С. 41–60.
3. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Наука, 1991. – 408 с.
4. Петров Ю.В. Антропологический образ философии / Ю.В. Петров. – Томск: Изд-во НТЛ, 1997. – 448 с.
5. Рикер П. История и истина / П. Рикер. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.

6. Соловьев В.С. [Теоретическая философия] / В.С. Соловьев. – Сочинения. В 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, – С. 758–796.

7. Лубяной В.И., Куприков А.А., Айрапетян А.В. Эволюция философских представлений о войне и мире в отечественной философии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 65-70.

8. Ганчар Г.М., Остапец Д.В. Символическая идентичность как необходимое условие социальной коммуникации (культурологический аспект) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 17-20.

9. Лубяной В.И. Философия и практика воинской деятельности и военной службы // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 6-10.

Piskunova S.I.

THE PROBLEMATIC OF PHILOSOPHIZING IN THE CULTURAL PRACTICE OF PHILOSOPHICAL EGO-TEXT

The article deals with the philosophical ego-text that is the cultural sphere of philosophizing, both philosophers-professionals and nonprofessionals. In both cases problematics of philosophizing converge at the same point, the author's reflection of a philosophical ego-text is directed on the understanding of life by means of reflection, detailed introspection.

Keywords: *culture, culture texts, philosophical ego text, author, thinker, reflection, self-representation, self-knowledge, the meaning.*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЕ РЕЛИГИИ К ВОЙНЕ И ВООРУЖЕННОМУ НАСИЛИЮ

В статье анализируются социально-политические взгляды и отношение религии к войне, вооруженному насилию и миру. Автор проводит критическую оценку отношения разных мировых и национальных религий и религиозных культов к войне и вооруженному насилию в различные исторические эпохи; делает попытку оценить современный духовный кризис в сознании общества.

Ключевые слова: религия, война, мир, вооруженное насилие, христианство, ислам, буддизм, иудаизм, индуизм.

XX век – это время, когда властвовала материалистическая мысль и люди поклонялись технике как божеству. Устраивали соревнования: кто первым создаст атомную бомбу, полетит в Космос, ступит на поверхность Луны, клонирует живое существо...

В XXI веке человечество развернулось к идеальному Богу, к религии. Соревновательность осталась. Мотив изменился. Сегодня людей объединяет вера в Бога, она же порождает... войну.

Война всегда занимала особо важное место во всех мировых и национальных религиях. В первую очередь в монотеистических – иудаизме, христианстве и исламе. Будучи основанными на идее любви к ближнему и приверженности миру, вместе с тем в силу убежденности каждой из них в своей исключительности, они несли в себе семена войны. Обращаясь к Адаму и Еве, Бог говорит: «Плодитесь и размножайтесь» (Бытие, 1, 22). В заповеди, данной Моисею (мусульманскому пророку Мусе), он завещает: «Не убивай!» (Исход, 20, 13). В своей первой заповеди Бог повелевает творить жизнь, а не разрушать ее. А потом вновь напоминает об этом.

Однако политика корректирует отношение к убийству, в первую очередь к военному убийству. Каждая из церквей по-своему трактует войны и вооруженное насилие.

Попробуем оценить их мотивы.

Иудаизм – наиболее ранняя из распространенных в современном мире монотеистических религий. Возникла в I-м тыс. до н.э. в Палестине. Распространена в основном среди евреев. Приверженцы иудаизма верят в Яхве

(единого Бога, творца и властелина Вселенной), бессмертие души, загробную жизнь, грядущий приход мессии, богоизбранность еврейского народа (идея «завета», союза, договора народа с Богом, в котором народ выступает как носитель божественного откровения – народ соблюдает заповеди Бога, а Бог покровительствует этому народу).

Канон священных книг иудаизма включает Тору («Пятикнижие Моисея»), книги пророков и т.н. Писания (Ветхого завета) [2]. Различные толкования и комментарии канона собраны в Талмуде. В иудаизме получили распространение мистические учения (кабала, хасидизм).

Иудаизм был государственной религией хазаров, живших в Причерноморье: «Как ныне собирается Вещий Олег отмстить ненавистным хазарам». Это о них. Владимир Красное Солнышко рассматривал перспективы принятия хазарской религии в Киевской Руси!

Сегодня число последователей иудаизма оценивается в ок. 18 млн человек (из них ок. 1/3 в США). В Российской Федерации крупнейшие иудейские диаспоры в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах. Иудейская диаспора караимов компактно проживает в Крыму [18].

Тема войны в Торе (Ветхом завете) порождает множество сложных проблем. Здесь с самого начала мы сталкиваемся с противоречием между Богом добрым – творцом всего живого и Богом жестоким, кровожадным, призывающим свой народ к вечной борьбе. Причем, когда Израиль одерживает победу, сражение восславляется. Его одобряет сам Яхве. И, наоборот, поражение Израиля изображается как результат божьего гнева против своего неверного или коррумпированного народа [2].

Войны и вооруженное насилие в иудаизме рассматриваются как печальная и трагическая необходимость. В иудаизме различают два вида войн: «необязательная» и «обязательная» или религиозная. Как следует из священных книг иудаизма, она может носить как оборонительный, так и наступательный характер. Участие иудеев в «обязательной войне» является оправданным, однако определенные исключения относительно этого участия иудаизм допускал.

В войнах, как утверждается в Талмуде, мог не участвовать тот, кто строит дом, но не успел его достроить, кто возделывает виноградник, но еще ни разу не снял с него виноград, тот, кто собирается жениться, но еще не успел это сделать. В «обязательной войне» могли также не участвовать братья погибшего на войне (Здесь уместно вспомнить американский душещипательный киношедевр «Спасти рядового Брайана»). А ведь у «спасения» иудейские корни!). От военной обязанности освобождались и те, кто занимался материальным обеспечением армии.

Христианство – одна из трех мировых религий. Возникла в I в. н. э. среди евреев Палестины из иудаизма. В основе – вера в мессию Иисуса Христа как Богочеловека, Спасителя, воплощение 2-го лица триединого Божества.

Приобщение верующих к Божественной благодати происходит через участие в таинствах. Например, крещение или миропомазание. В этом плане каждый христианин может называться Христом. Христос с греческого означает «помазанник», «помазанный маслом».

Источник вероучения христианства – Священное предание, главным в нем является Священное писание (Библия); а также «Символ веры», решения вселенских и некоторых поместных соборов, отдельные творения отцов церкви. Изначальное отличие от иудаизма в том, что христиане почитают наравне с Ветхим Новый завет (Книгу о жизни мессии) [2].

В результате схизмы (разделение церквей) христианство в 1054 г. раскололось на православие и католицизм. Из католицизма в ходе Реформации в XVI в. выделился протестантизм. Еще в IV в. до первого крупномасштабного разделения церквей от христианства откололось арианство, в V в. монофизитская церковь. Процесс дробления христианства продолжается по сей день.

Общее число христиан превышает ок. 2 млрд человек [18].

На Руси христианство в своей православной форме было введено Владимиром Красное Солнышко в X в. В Российской Федерации основную часть верующих представляют православные христиане, но есть и представители других ветвей этой религии.

В Новом Завете мы встречаемся с еще большими противоречиями в оценке войны. Речь идет, во-первых, о принципе непротivления злу насилием. Во-вторых, обосновывается идея законной или справедливой войны. В-третьих, война оправдывается ради нее самой.

Христианство всех направлений осуждает насилие и войны. Однако примеры, описанные в священных книгах христиан, указывают на то, что в истории этой религии ее последователям зачастую приходилось убивать, отстаивая свое право на веру с оружием в руках. Существует целый культ почитания святых воинов – Тертуллиана, Георгия Победоносца, Феодора Стратилата, Александра Невского, Дмитрия Донского, Федора Ушакова.

Особо важное значение имеет то, что христианская религия, которая предлагала себя в качестве замены иудаизму, основывалась на идеях единства человеческого рода, братства, равенства. Как утверждал апостол Павел, «нет больше ни еврея, ни язычника, ни грека, ни раба, ни свободного человека, ни мужчины, ни женщины, поскольку все едины во Иисусе Христе» (Галатам, 3, 28).

Однако в своем стремлении распространить истинную христианскую веру на весь мир церковь уже через 200–300 лет после возникновения христианства начинает оправдывать свою экспансию. Чем развязывает пожалуй самую продолжительную и кровопролитную войну, продолжающуюся и по сей день.

Св. Афанасий (296–367) утверждал, что нельзя убивать никого, «кроме врага на войне». Св. Амвросий заявлял, что «сила, защищающая родину против варваров, фактически соответствует справедливости». Св. Августин пытался определить различия между «справедливыми» и «несправедливыми» войнами [8].

С благословения Римских первосвященников начинались все крестовые походы, вбивавшие клинья между христианами, иудеями и мусульманами. Церковь сжигала толпами инакомыслящих – мусульман-морисков и иудеев-моранов. Папы благословляли создание воинственных орденов, завоевания конкистадоров, уничтожение индейцев Америки и аборигенов Австралии. Работоторговля в Южной Африке велась через католические миссии. Французские кардиналы раздавали индульгенции организаторам Варфоломеевской ночи. Особой оценки заслуживает деятельность многочисленных католических орденов на территории Восточной Европы. Эти иезуитские, францисканские, тевтонские, крестоносные и прочие ордена крестом и мечом, исподволь и явно воздействовали на ментальность восточных славян; сумели расколоть мировоззрение Восточной Европы. Не стали исключением и войны XIX–XX вв. Так в своем новогоднем послании 1990 г. накануне начала войны в Пер-

сидском заливе папа Иоанн-Павел II одобрил вмешательство войск западных стран во главе с США на том основании, что оно было призвано восстановить поправное право другого государства. Этот папа-миротворец сформулировал и современную идею католической церкви о вооруженном насилии: «мир не есть полное отсутствие войны».

Православие, в особенности Русская православная церковь, является автономной от политической власти церковью. Но попытки соединить власть светскую с властью церковной предпринимались неоднократно. Известны случаи применения религиозного принуждения к миру (закрытие церковью Сергием Радонежским), споры стяжателей с нестяжателями, церковный раскол, упразднение и восстановление патриаршества в России.

Православие признает возможным применение вооруженного насилия в справедливых войнах. К числу справедливых войн оно относит войны в защиту собственной веры, а также войны в защиту государства, с которым они исторически связаны: походы в поддержку Византии, воссоединение Великороссии с Малороссией, протекция Грузии и Армении, Балканские войны, сопротивление экспансии иезуитов, крестоносцев, униатов в Восточной Европе. Большинство из них велось против иных христианских церквей.

Не случайно, оценивая военные действия христиан, английский историк Эдуард Гиббон в XVIII в. написал: «Во время своих внутренних раздоров христиане причинили одни другим гораздо более зла, чем сколько они терпели от усердия неверующих» [3].

Ислам (араб., букв. – покорность) – монотеистическая религия, одна из мировых религий, ее последователи – мусульмане.

Возник в Аравии в VII в. Основатель – Мухаммед. В результате арабских завоеваний распространился на Ближнем и Среднем Востоке, позднее в некоторых странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки.

Главные принципы ислама изложены в Коране. Основные догматы – поклонение единому богу – всемогущему Аллаху и почитание Мухаммеда пророком – посланником Аллаха. Мусульмане верят в бессмертие души и загробную жизнь. Пять основных обязанностей, предписанных приверженцам ислама: 1) вера в то, что нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед есть посланник Аллаха (шахада); 2) пятикратное ежедневное совершение молитвы (салат); 3) милостыня в пользу бедных (закат); 4) пост в месяце рамадан (саун); 5) паломничество в

Мекку (хадж), совершаемое хотя бы единожды в жизни [7; 9; 12; 13].

Число последователей ислама оценивается в 1 млрд человек, в России проживает более 40 млн приверженцев этой религии. Почти во всех странах с преобладающим мусульманским населением ислам является государственной религией [18].

В Российской Федерации мусульмане традиционно проживают в республиках Поволжья и Северного Кавказа.

Ислам, как самая молодая мировая религия, начинается с самоутверждения. Он появляется во враждебном ему мире – рядом с древнейшей монотеистической религией – иудаизмом и набравшей силу – христианством. Арабская община мусульман соседствовала с воинственными бедуинами, расчетливыми евреями, одухотворенными эфиопами...

Поначалу Мухаммед – пророк мусульман пытается создать миролюбивую религию. В Коране даже нет самого понятия «война» («аль-харб»), а правоверными признаются все единобожники. Но его же соотечественники-немусульмане изгоняют Мухаммеда из Мекки, грабят и убивают первых мусульман-мухаджиров. Вдовы убитых мухаджирами арабов вырывают печень у еще живого Хамзы, дяди пророка... [6]. Дальнейшее установление ислама проходит под лозунгом «око за око», «зуб за зуб». Появляется главная обязанность мусульманина – ведение «священной войны» («джихада»). Жестокость приводит Мухаммеда к созданию халифата. А джихад становится нормой.

Именно поэтому наиболее рьяные поборники чистоты ислама, возвращая к его истокам апеллируют к джихаду, как к изначальной мере.

Так в результате джихада в VIII–IX вв. была создана мусульманская империя, охватившая земли от Индии до Атлантического океана, завоевана Испания, Африка севернее экватора, возникло мощнейшее Марокканское королевство, гази – мусульмане Судана отстаивали независимость страны и остановили продвижение англичан в Африку, ислам обосновался в Юго-Восточной Азии (Индонезия), пустил корни по всему миру. Благодаря идеологии джихада в XX в. велись войны в Палестине, Алжире, Иране, Пакистане, на Аравийском полуострове.

Однако воинственность ислама имеет и другую сторону. Еще при жизни наследников Мухаммеда из-за военно-политических разногласий он разделился на две основные враж-

дующие ветви – суннизм и шиизм. Еще две мусульманских религии – ибадизм и хариджизм считают своими врагами не только представителей иных религий, но и других мусульман. Споры о джихаде создали более 2 тысяч суфийских сект. В 1850 г. одна из мусульманских сект – бахаизм, отвергшая джихад, стала самостоятельной религией.

И хотя изначальный джихад – это скорее священное усилие, направленное на возвышение ислама, повышение благосостояния мусульман, современные фундаменталистские направления (ваххабизм, хезболла, ИГ, аль-Каида) трактуют его исключительно как военное насилие против неверных – представителей других религий и конфессий. Исламский фундаментализм и радикализм не следует отождествлять с исламом как мировой религией. Сам по себе он столь же агрессивен, сколь и другие мировые религии.

Буддизм – одна из трех мировых религий. Возник в Древней Индии в VI–V вв. до н. э. Основателем считается Сиддхартха Гаутама (Будда).

Его появление на свет предвещалось Мудрым Индрой. Отец стремился оградить сына от жизненных тревог. Принц вырос, женился, у него родился сын. Ничто не омрачало его счастливую жизнь, но однажды ему встретился: дряхлый старик, жестоко страдающий больной человек, похоронная процессия и... нищий монах-аскет. Первые три встречи показали Гаутаме, что старость, болезнь и смерть – удел всех людей. Монах, добровольно отказавшись от роскоши и нашедший в аскетизме душевный покой, послужил примером, как жить дальше. Узнав все это, молодой человек тайно покидает дворец и семью. Семь лет он ведет аскетический образ жизни, но жестокие самоистязания не приносят духовного удовлетворения. И лишь после 12-летнего размышления в неподвижности, без пищи и воды, ему открывается «вся истина». Он «просветлел»: смысл жизни не в роскоши и удовольствии и не в лишениях и самоистязаниях, а в познаниях истины и покое. С этого момента Гаутама становится Буддой (Просветленным) и начинает проповедовать новое религиозное учение [1].

Будда не бог (у буддистов множество добрых и злых божеств, демонов, духов, сил природы). Он же – человек, ставший одним из тысячи просветленных. Подобно ему любой может стать Буддой, пройдя путем ботхисатвы, полностью посвятив себя оказанию помощи другим в самоусовершенствовании, чтобы делать это наилучшим образом. А для начала

нужно стать человеком, освобожденным от мирских проблем.

Буддизм распространился в Юго-Восточной и Центральной Азии, отчасти в Средней Азии и Сибири.

Основные направления современного буддизма: хинаяна, где Будда объявлен Богом, махаяна, в которой Будда – праведник, и ваджраяна, считающая, что путь ботхисатвы лежит через специальные физические и духовные упражнения. Тибетский буддизм (ламаизм) создал самостоятельное государство Тибет, во главе которого находится многократное перерождение ботхисатвы Далай-лама.

В Российской Федерации тибетский буддизм исповедуют буряты, калмыки, тувинцы.

Современное число последователей буддизма в мире приближается к 350 млн человек [18].

Буддизм – одна из самых миролюбивых религий. Она признает священной любую форму жизни, а значит буддисты против насилия и войн во всех их проявлениях. Вместе с тем в истории религии есть миф о том, как Будда в одной из своих прежних жизней убил несколько еретиков. Это было им сделано и для защиты веры, и для спасения их самих от покушений на веру. Сам Будда убил бандита, чтобы спасти 500 купцов.

На практике буддисты использовали насилие, в т.ч. вооруженное, и при многих других обстоятельствах.

В историю мировых войн вошли имена воинственных буддийских правителей Ашоки и Чингисхана. В VII–X вв. в буддийских Китае, Корее, Японии велись многочисленные войны между монастырями. В этих сражениях создавалось боевое искусство, которое потом легло в основу китайского ушу, японского каратэ и корейского тэйквондо. В древние века буддистские монахи часто воевали и с властью. Так, в 619 г. в Китае произошло восстание буддистских монахов, в котором участвовало более 5 тысяч человек. В 1950 г. тибетские монахи выступили против завоевательной политики Китая.

Религии Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Этот регион мира является наиболее густонаселенным. Треть человечества проживает только в двух странах этой части земного шара – в Китае и Индии. Здесь исповедуются такие религии, как индуизм, кришнаизм, конфуцианство, синтоизм и др. Самой крупной из них является индуизм. Он возник около 3,5 тысяч лет назад. Сегодня его исповедует ок. 1 млрд человек [18]. Сами индусы называют эту религию снатана-дхарма – вечный путь. Как и многие южноазиатские религии,

она построена на идеях перерождения души, священной считает любую живую форму. Божество в индуизме безлично, не имеет ни формы, ни пола, ни имени. Оно является людям в виде своих аватаров Вишну, Шивы, Кришны, Агни и более мелких богов и духов. Последние тоже имеют своих аватаров. Такая мифология для непосвященных очень запутана. Возвышение отдельных аватаров создает в индуизме многочисленные религиозные течения [5].

В сказаниях о богах самым частым сюжетом являются войны. И хотя индуистов нельзя назвать воинственными, индийская история изобилует примерами военного насилия.

Особенно сильным нападкам со стороны индуистов подвергается христианство. Попавшая под влияние индуистского гуру христианка вспоминает: «Он держал под контролем все мои действия, суровые запреты мешали мне читать христианские книги и разговаривать с христианами. Несмотря на все их претенциозные разглагольствования о том, что все религии истинны, гуру знает, что Христос – их возмездие». Монотеистические религии индуизму отвечают тем же: массовыми расстрелами из пушек, затянувшимися на десятилетия войнами в Кашмире, Пакистане и Бангладеше.

Одним из самых воинственных верований региона является самая распространенная в Японии религия – синтоизм.

Синто – путь богов. Она основана на поклонении многочисленным божествам и духам умерших. Храмы по всей стране посвящены богу войны Хатиману и душам погибших в 1-й и 2-й мировых войнах воинов, почитаемых как божества святилища Ясукуни. Синто провозглашает божественное происхождение японцев в целом и императорской семьи в частности, создавая тем самым почву для национализма [11].

Традиционные культы – многочисленные религиозные направления малых и крупных народов, сохранившиеся с древнейших времен. В них обожествляются силы природы (фетишизм, тотемизм), сверхъестественные силы человека (магия, ритуализм, шаманизм), души животных и людей (анимизм, вуду) и др.

Большинство традиционных культов сохранились от первобытного общества и продолжают исповедоваться индейцами и эскимосами Северной и Южной Америки, племенами Центральной и Южной Африки, аборигенами Австралии и Океании, народами Крайнего Севера Российской Федерации – эвенками, чукчами, ненцами, коряками, а также народами Центральной и Южной Сибири – хакасами,

якутами, нганасанами. Элементы традиционных культов сохранились у народов, исповедующих буддизм и ламаизм – у бурятов, алтайцев, тувинцев, калмыков [18].

Как правило, представители традиционных культов не воинственны, с трепетом относятся к жизни, отрицают насилие против человека и войны. Им свойственен пацифизм.

Итак современная религиозно-геополитическая обстановка в мире весьма своеобразна. Религии, призванные выполнять такие функции в общественной жизни, как утешение, интеграция, духовная поддержка и компенсация утраты, на деле в XXI веке становятся причинами разногласий, насилия и войн.

Эту проблему можно решить, воспитывая толерантность и терпимость в отношении людей разных культур и религий. Впрочем, если процесс воспитания не односторонний... Иначе мы получим европейскую ситуацию.

Во многих вузах страны специально для этого введены курсы дисциплины «Религиоведение». В условиях образовательной деятельности Вольского военного института материального обеспечения это направление ограничено одной лекцией в курсе «Философии». На кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин в качестве наглядной поддержки учебного процесса подготовлен макет (обучающий комплекс), демонстрирующий наиболее сложный в современных условиях развития мира вопрос – распространение религий мира, их особенности и отношение к насилию, войне, миру и армии. Макет предназначен для углубленного изучения социально-политических и историко-демографических условий распространения религий на Земле, а также для закрепления знаний (в форме экспресс-тестирования) курсантов по данной теме.

Макет размещен на подставке, по углам которой расположены земной шар на трех слонах, символизирующих три мировых религии, три общечеловеческие добродетели, и модели трех храмов – христианского, мусульманского и буддийского.

Обучающий комплекс включает в себя: 1) Макет; 2) Стенд к нему; 3) Учебник «Философия: Проблемы мира, войны, армии и национальной безопасности» [16]; 4) Ноутбук для демонстрации презентации и электронных ресурсов; 5) CD с подборкой электронных учебников по религиоведению и философии о войне и армии; 6) DVD с подборкой видеofilмов и сюжетов, посвященных проблеме соотношения религии и военной сферы дея-

тельности; 7) Сборник военно-научных работ курсантов, посвященный проблеме соотношения религии и военной сферы деятельности; 8) Комплекс обучающих тестов; 9) Методическую разработку [14].

Конечно же эти усилия недостаточны. Реально ответственным за воспитание религиозной толерантности в Вооруженных силах, в т.ч. в курсантских подразделениях, был и остается командир.

Во время одного из семинарских занятий с курсантами специального факультета (в ВВИМО обучаются военнослужащие 13 иностранных государств) зашла речь о религии. Обычно отмалчивающиеся курсанты заметно оживились. Мусульмане активно вступили в полемику с христианами, доказывая преимущества своих религиозных убеждений. Выясняется, что этот спор возникает не первый раз и не всегда он проходит благодушно... И тут вступают в разговор представители буддизма: «Они все говорят, что наша религия самая плохая...».

Как видно, религиозные разногласия возникают не только в мире, но и повседневных отношениях. Важно, чтобы они не прошли незамеченными непосредственными командирами этих курсантов.

История человечества и окружающая действительность знает множество разнообразных религий. И точно так же, как каждая страна имеет собственный неповторимый колорит, национальные особенности, традиции, нравы и обычаи, так и каждая религия по-своему уникальна и своеобразна.

Религии мира и религиозные организации любой страны вынуждены отвечать на наиболее актуальные проблемные вопросы жизни своего общества. Один из таких вопросов является проблема соотношения насилия и ненасилия, войны и мира, воинской повинности и военной службы.

А вот как они будут оценены – в пользу мира или войны – зависит будущее всего человечества.

Список использованных источников

1. Абаева Л.Л., Андросов В.П., Бакаева Э.П. и др. Буддизм: Словарь / Под общ. ред. Н.Л. Жуковской, А.Н. Игнатовича, В.И. Корнева. – М.: Республика, 1992. – 288 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. – М.: Российское библейское общество, 2011.
3. Гизо Ф. Очерк жизни и характера Гиббона (пер. с очерка, написанного на фр. яз. г-ном Гизо) //

История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I. – СПб.: Наука; Ювента, 1997.

4. Гуревич П.С. Религиоведение / П.С. Гуревич. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: изд-во Юрайт, 2014. – 573 с. – Серия: Бакалавр. Углубленный курс.

5. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм / под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. – М.: Республика, 1996. – 576 с.

6. Коран / пер. на рус. яз. Г.С. Саблукова. – М.: Белый город, 2012.

7. Массэ А. Ислам. – М.: «Наука», 1982.

8. Мунтян М.А. Основы теории международных отношений: уч. пособие. – М., 2007.

9. Мусульманину об исламе. Обряды и молитвы. – Черкесск: Карачаево-Черкессия, 1992.

10. Носков Ю.Г. Религиозный фактор в системе национальной безопасности. – М.: Военный университет, 1997. – 160 с.

11. Оно С., Вудард У. Синтоизм: Древняя религия Японии. – М.: София, 2007.

12. Петрушевский И.П. Ислам в VII–XV веках. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966.

13. Постников С.В. Философия Средней Азии. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

14. Религии и война: пособие к обучающему комплексу / А.Г. Наумлюк, С.В. Постников, И.А. Хадиева, Е.В. Шориков; под общ. ред. канд. эконом. наук, доц. Наумлюк А.Г. [Текст; нагл. пособие]. – Вольск: ВВИМО, 2015. – 52 с.

15. Религиоведение: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.М. Шахнович. – СПб.: Питер, 2012. – 448 с.: ил.

16. Философия: Проблемы мира, войны, армии и национальной безопасности: учеб. / А.Г. Наумлюк [и др.]. – Саратов: ООО «Амирит», 2015. – 202 с.

17. Христианство. Энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверинцева и др. – М., 1993–1995. Т. 1–3.

18. Численный состав верующих по религиям / Total-rating.ru [Эл. ресурс] // <http://total-rating.ru/97-religii-v-stranah-mira.html>

Postnikov S.V.

RETROSPECTIVE GLANCE AT WITH REGARD TO RELIGION TO WAR AND ARMED VIOLENCE

The article analyzes the socio-political views and attitude of religion to war, armed violence and peace. The author carries out a critical assessment of the relationship of various world and national religions and religious cults of war and armed violence in different historical periods; otse attempts to thread a modern spiritual crisis in the consciousness of society.

Keywords: religion, war, peace, armed violence, Christianity, Islam, Buddhism, Judaism, Hinduism.

ПОИСК НОВЫХ ИДЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В статье рассмотрены вопросы, связанные с поиском новых идей с использованием законов развития технических систем (ТС). Показано, что закон S-образного развития технических систем, основанный на законах диалектики – единства и борьбы противоречий, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, могут быть эффективно использованы для генерирования новых идей, технической реализации конкурентоспособных изделий, создания блока патентов.

Ключевые слова: закон S-образного развития технических систем, закон перехода с макро- на микроуровень, закон повышения степени идеальности, закон вытеснения человека из ТС, закон развертывания – свертывания ТС, закон переходы ТС к бисистеме, полисистеме, надсистеме.

Графическая интерпретация закона S-образного развития технических систем (см. рис. 1) содержит нескольких участков, отображающих параметры развития системы на протяжении времени ее существования.

Рисунок 1

Для любой технической системы:

- участок I – создание первого образца технической системы,
- участок II – промышленная реализация технической системы, интенсивное развитие ТС,
- участок III – замедление развитие ТС,
- участок IV – ТС прекращает свое существование, уходит с главного производственного процесса.

Кроме того важным фактором развития ТС являются противоречия. В теории решения изобретательских задач противоречия формулируются как проявление несоответствия между разными требованиями, предъявляемыми человеком к системе, и ограничениями, налагаемыми на нее уровнем развития науки и техники, конкретными условиями применения и т.п.

Необходимость улучшить одну характеристику ТС приводит к ухудшению другой ее характеристики. Такие противоречия называются техническими противоречиями (ТП). Устранение ТП производят с использованием приемов для разрешения технических противоречий, анализа истории развития ТС, закона S-образного развития технических систем и др.

Покажем на конкретном примере развития всем известной технической системы – утюга для глаженья, как исторические этапы создания конструкций утюгов связаны с новыми идеями (см. участки I–III кривой S-образного развития), как разрешались ТП, и происходило усовершенствование технического объекта.

Для формирования сущности ТП уточним, что утюг – элемент бытовой техники для разглаживания складок на одежде. Принцип его действия заключается в том, что одежда нагревается в определенном месте и разглаживается под давлением самого утюга.

Способ глажки, дошедший до нас из глубины веков, состоит в следующем: на ровно обструганную полку наматывали просушенное белье и прокатывали по столешнице при помощи рифленной доски. Это гладильное сооружение называлось «раскатка».

Уже на первом этапе существования ТС «утюг» типа «раскатка» возникают определенные противоречия. При работе с устройством отмечаем недостатки: рифленная доска неудобна в хранении, занимает много места, работа требует значительных физических усилий, выполняется с низкой производительностью труда. Однако в рамках конструкции типа «раскатка» ликвидировать или хотя бы существенно сгладить выявленные недостатки не представляется возможным.

Применяя прием «Замена механической системы» приходим к конструкции утюга, напоминающей металлический утюг, нагреваем-

мый на горячей плите. В XVIII в. производство таких утюгов стало массовым. Их изготавливали на литейных заводах. Возникло ТП: утюг должен быть, но нагреваться должен без участия плиты.

ТП было разрешено путем использования принципа «Матрешка», в корпусе утюга разжигали угли. Опять возникло ТП: недостатком утюга теперь было то, что угли, которые высыпались из отверстий, пачкали и прожигали одежду.

Разрешили ТП, используя прием «Использование пневмо- и гидрконструкций» – вместо твердых частей объекта использовать газообразные. В Америке в нач. XX в. пытались внедрить газовый утюг. В его корпус вставлялась трубка, присоединенная к газовому баллону. С помощью насоса газ попадал в горелку. Возникло ТП – утюг стал опасным.

Наиболее близким к современному утюгу можно считать облегченный утюг с электронагревателем, который появился в 1903 г. благодаря изобретателю Э. Ричардсону. Принцип действия основывается на выделении тепловой энергии при прохождении электрического тока через нагревательный элемент. Возникло ТП: Нагретая подошва утюга сохраняет длительное время высокую температуру, достаточную для порчи ткани даже при выключенном электропитании. Разрешилось ТП в результате использования приема «Переход в другое измерение». После снятия руки с ручки утюга следящая система, установленная в корпусе утюга, переводила его в нерабочее положение.

И.В. Гете считал, что «История науки и есть сама наука». Изучая историю науки и техники можно создавать новые идеи, прогнозировать новые технические объекты.

Закон S-образного развития технических систем очень важен при оценке перспективности ТС. Если ТС находится на I-м или II-м участках развития, то у этой ТС существуют резервы развития. На IV участке – в рамках «старой» ТС должна зарождаться новая.

Создателям новой перспективной техники нельзя забывать крылатую фразу: «Незнание законов развития ТС не освобождает от ответственности». Законы развития ТС «Закон повышения степени идеальности», «Переход с макро на микроуровень» свидетельствуют о том, что, рассматривая рождение и дальнейшее развитие вычислительной техники «от абака до компьютера» нецелесообразно было вкладывать огромные ресурсы в создание и развитие ЭВМ серии ЕС и АСВТ.

Развитие ТС происходит по закону «Вытеснение человека из ТС». Это не вызывает сомнений. На современных самолетах установлена система автоматического управления – «автопилот». Причаливание космического корабля к международной станции осуществляется в автоматическом режиме. В автомобилях, самолетах рулевое управление осуществлено с использованием «посредника» гидроусилителя, что снижает приложение усилий при управлении, повороте руля управления. А в 1930-х гг. на самолете, на котором В. Чкалову летал в Америку, для поворота руля приходилось прикладывать усилие около шестидесяти килограммов.

Кроме указанных законов развития ТС, укажем следующие:

Согласование ритмики ТС и ее частей. В процессе работы разные части ТС должны быть согласованы по частоте, что связано с работоспособностью системы.

Развертывание – свертывание ТС. Развертывание ТС связано с увеличением количества и качества выполняемых заданных функций, а свертывание – с упрощением ТС,

Переходы ТС к бисистеме, полисистеме, надсистеме.

Пример бисистем: катамаран, железобетон (в котором бетон работает на сжатие, арматура – на растяжение), двухцветный карандаш.

Пример полисистемы – компьютерная информационно-вычислительная сеть.

Пример надсистемы: кабельное телевидение, обеспечивающее возможность видеосвязи по тем же кабелям и др.

Список использованной литературы

1. *Радомский В.М.* Информационная и коммуникационная непрерывного обучения учащихся и студентов научно-техническому творчеству: моногр. – Самара: изд-во научного центра Российской Академии Наук, 2005. – 372 с.
2. *Радомский В.М., Высоцкий В.Е.* Подготовка к инновационной деятельности в системе двухуровневого образования технического вуза: моногр. – М.: Машиностроение, 2012. – 248 с.
3. *Радомский В.М.* Эвристические приемы развития творческой активности, поиска новых идей. Т. 2: Моногр. – Самара: СГАСУ, 2011. – 288 с.
4. *Радомский В.М.* Дидактическая система подготовки студентов технических вузов к инновационной деятельности с использованием средств информационных и коммуникационных технологий: моногр. – Самара: СГАСУ, 2010. – 307 с.
5. *Радомский В.М.* Информационные системы и технологии в изобретательской деятельности и рекламе: учеб. пособие. – Самара, 2012. – 146 с.

6. *Радомский В.М.* Информационные системы и технологии в изобретательской деятельности и рекламе: учеб. пособие. – Самара, 2015. – 218 с.

7. *Михелькевич В.Н., Радомский В.М.* Основы научно-технического творчества. Ч. 1: моногр. – М., 2002. – 243 с.

8. *Михелькевич В.Н., Радомский В.М.* Основы научно-технического творчества. Ч. 2: моногр. – М., 2002. – 303 с.

9. *Михелькевич В.Н., Радомский В.М.* Основы научно-технического творчества: учеб.-метод. пособие для преподавателей высш. учеб. завед., ведущих подготовку бакалавров и магистров по направлению «Технические науки». – Ростов-на-Дону, 2004. – 319 с.

10. *Радомский В.М.* Теория решения изобретательских задач: моногр. – Самара, 2011. – 274 с.

Radomsky V.M.

SEARCH FOR NEW IDEAS WITH THE LAWS OF TECHNICAL SYSTEMS

The questions related to the search for new ideas with the laws of development of technical systems (TS) shows that the law S-shaped the development of technical systems, based on the laws of dialectics – the unity and struggle of contradictions, the transition of quantitative changes into qualitative, negation, can be used effectively to generate new ideas, the technical implementation of competitive products, creating a block patents.

Keywords: *law of S-shaped the development of technical systems, the law of the transition from the macro to the micro level, the law of increasing degree of ideality, the law of repression of human TC Act Deployment – coagulation TS, TS transitions law to bisisteme, polysystem, super-system.*

УДК 355.23

Савик С.А.

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО УРОВНЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Статья посвящена истории создания и развития факультета Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь по подготовке офицеров оперативно-стратегического уровня в период 2006–2015 гг.

Ключевые слова: *Республика Беларусь, вооруженные силы, подготовка офицерских кадров, военное образование, военно-учебные заведения, высшая военная школа, военная академия, факультет Генерального штаба.*

Распад СССР и обретение Республикой Беларусь в 1991 г. реального суверенитета потребовали глубоких и кардинальных преобразований в отечественной военной сфере, в том числе в подготовке национальных военных кадров. В тот сложный для страны период Беларусь испытывала острую нужду не только в национальных офицерских кадрах, но и в финансовых возможностях по их подготовке. В условиях жесточайшего социально-экономического, политического и идеологического кризиса в Республике Беларусь, вызван-

ного развалом СССР, военно-учебные заведения на ее территории, несмотря на попытки их ликвидации, были не только сохранены, но и стали развиваться.

После распада Советского Союза на территории Республики Беларусь остались два военных училища, осуществлявших подготовку офицерских кадров: Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище ПВО (с 4 мая 1953 г.) и Минское высшее военно-политическое общевойсковое училище (с 10 мая 1980 г.), которые впоследствии явились фундаментом для создания в 1995 г. Военной академии Республики Беларусь (в Военной академии была организована подготовка офицеров тактического и оперативно-тактического уровней) [1. с. 45–46].

Венцом реализации реформы системы подготовки офицерских кадров стало создание в 2006 г. в структуре Военной академии Республики Беларусь (далее – Военная академия) факультета Генерального штаба Вооруженных Сил (далее – ФГШ) и начало реализации в образовательном процессе подготовки офицер-

ских кадров по специальности «Государственное и военное управление» в новой группе специальностей – «Управление воинскими формированиями на оперативном-стратегическом и стратегическом уровнях, обеспечение их деятельности» [2, с. 7].

30 августа 2006 г. в Военной академии состоялась церемония открытия факультета Генерального штаба, а 1 сентября 2006 г. прошли первые занятия со слушателями нового факультета [3, с. 1].

До этого времени в системе отечественного военного образования по подготовке офицерских кадров отсутствовало только одно звено – подготовка офицеров для службы в структурных подразделениях центрального аппарата Министерства Обороны (МО), Генерального штаба, а также в центральных органах военного управления. Данная категория офицеров готовилась за пределами республики в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Но в Беларуси, разумеется, сложился свой подход к теории и практике военного искусства, сформировались свои взгляды на вопросы обеспечения национальной безопасности, строительства и развития военной организации государства.

Возникшее противоречие необходимо было урегулировать, приняв принципиальное решение. Этому предшествовал ряд серьезных дискуссий.

Ведь наряду с явной необходимостью завершения целостной системы военного образования, учета развития отечественной военной науки, политического аспекта существовали и доводы, касающиеся экономической целесообразности, наличия мощной учебно-научной базы российской высшей военной школы.

И только после серьезной проработки теории вопроса и его экономического обоснования 22 марта 2006 г. Указом Президента Республики Беларусь № 178 в нашей Военной академии был создан факультет Генерального штаба Вооруженных Сил [2, с. 7].

Создание ФГШ не означает, что республика обособляется от интеграционных процессов в военной области с братской Россией. По словам начальника Генштаба Вооруженных Сил РБ - первого заместителя министра обороны (2001-2009 гг.) генерал-лейтенанта С.П. Гурулева, «с созданием ФГШ не будет свернута и программа по подготовке офицерских кадров в российской Академии Генерального штаба. Это, прежде всего необходимо для сохранения

единой военной школы. Такой системный подход при подготовке руководящих кадров будет способствовать комплектованию высококвалифицированными офицерами органов управления региональной группировки войск (сил) Беларуси и России» [4].

К созданию факультета, его организационной структуры приступили еще летом 2005 г. согласно приказу начальника Главного штаба ВС РБ – первого заместителя Министра обороны РБ № 13/4/287 от 19 июля 2005 г. «О порядке создания факультета Генерального штаба в учреждении образования "Военная академия Республики Беларусь"» [5, л. 33].

Официально днем создания факультета Генерального штаба считается 22 марта 2006 г., когда был подписан Указ Президента РБ № 178, согласно которому были внесены изменения в штат Военной академии и создан в структуре академии ФГШ [2, с. 7].

На основании Устава Военной академии приказом начальника Генерального штаба Вооруженных Сил – первого заместителя Министра обороны РБ от 28 апреля 2006 г. № 200 утверждено Положение о факультете Генерального штаба, определившее предназначение и основные задачи факультета, функции его структурных подразделений, порядок организации учебной, методической, научной и идеологической работы [5, л. 34].

Заместителем начальника академии – начальником ФГШ был назначен кандидат военных наук, генерал-майор запаса Ю.В. Портнов [6, с. 7], заместителем начальника факультета по учебной и научной работе – кандидат военных наук, доцент, полковник В.Г. Шумилов. На факультете были образованы три кафедры: военного и государственного управления (начальник кафедры полковник Ю.В. Воистинов), военной стратегии (начальник кафедры полковник С.Л. Самсонов), оперативного искусства (начальник кафедры полковник К.В. Андриевский) [7, с. 138].

Основными задачами факультета Генерального штаба Вооруженных Сил были определены:

- подготовка высших и старших офицеров Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Беларусь по специальности «Государственное и военное управление»;
- подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации в области государственного и военного управления;
- организация переподготовки и повышения квалификации в области военной безопас-

ности и обороны государства военнослужащих, должностных лиц государственных органов и иных организаций.

Срок обучения на факультете по очной форме 2 года, по заочной - 3 года.

Чтобы стать слушателем факультета Генерального штаба, офицер должен соответствовать определенным требованиям: быть не старше 42 лет, занимать должность заместителя командира бригады и выше.

Учебная программа построена таким образом, что на теоретическую составляющую отводится всего 20 % учебного процесса, все остальное время уделяется практике. Тематика занятий по курсам кафедр военной стратегии, оперативного искусства, государственного и военного управления подобрана с учетом анализа вооруженных конфликтов и войн последних лет. Особое внимание уделено совместным действиям Вооруженных сил республики в составе региональной группировки войск (сил) Беларуси и России.

Выпускники ФГШ в дальнейшем проходят службу в органах военного управления стратегического (оперативно-стратегического) и оперативного (оперативно-тактического) уровней управления Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Беларусь на командных, штабных и других должностях, а также работают в органах государственного управления Республики Беларусь в области обеспечения военной безопасности и обороны государства.

Первый набор слушателей составил 20 офицеров, среди которых четыре кандидата наук.

2 июля 2008 г. в Военной академии состоялся первый выпуск слушателей факультета. Обучение на факультете прошли 20 офицеров. Два из них закончили учебу с золотой медалью (полковники Д.А. Ковалёв и О.К. Кривонос), шесть - получили дипломы с отличием.

Неоценимый вклад в создание и формирование факультета внес первый начальник факультета (19 июля 2005 – 22 октября 2007 г.) - генерал-майор запаса Ю.В. Портнов. Именно его усилиями был создан факультет не только как организационно-штатная единица, но и как коллектив офицеров-единомышленников. Такие генералы, как А.М. Калинин (в прошлом - начальник ракетных войск и артиллерии Ставки войск Южного направления ВС СССР), А.А. Силенок (в прошлом - начальник штаба – первый заместитель командующего ВВС ВС РБ), полковник Ю.В. Воистинов (в прошлом - заместитель начальника Главного штаба ВС РБ)

и многие другие специалисты, обладающие богатейшим практическим опытом управления войсками, а часто и педагогическим стажем, составили костяк ФГШ.

В дальнейшем (13 декабря 2007 - 9 января 2015 г.) под руководством генерал-майора В.Г. Шумилова происходило развитие учебно-материальной базы ФГШ, сохранились и были приумножены лучшие традиции подготовки национальных военных кадров, заложенные в первые годы функционирования факультета.

26 июня 2010 г. состоялся третий выпуск ФГШ. Примечательно, что в этом году впервые в одном строю с белорусскими выпускниками ФГШ находились десять офицеров Вооруженных сил Республики Казахстан, также ставших выпускниками факультета.

Всего за период 2006–2010 гг. в стенах факультета подготовлено 70 офицеров: из них для ВС РБ – 60, для ВС Республики Казахстан – 10 [8, с. 1].

За период 2006-2015 гг. на факультете подготовлено свыше 200 офицеров для Вооруженных Сил Беларуси и других силовых ведомств страны, около 50 иностранных военнослужащих [9, л. 53-118].

Многие выпускники факультета хорошо зарекомендовали себя на высших ступенях управления, как в Вооруженных Силах, так и в других органах государственного управления. Через шесть лет с начала создания факультета, пятерым из его выпускников было присвоено звание «генерал-майор»: С.В. Потапенко, В.В. Гнилозуб, О.А. Белоконову, В.И. Кирееву, И.В. Голуб.

К 2016 г. уже около 20 выпускников факультета получили генеральские погоны. Именно они вместе со своими сослуживцами уже сегодня решают наиболее важные и насущные проблемы обеспечения военной безопасности страны, занимая руководящие должности в Вооруженных Силах Беларуси.

Например, выпускник ФГШ 2010 г., генерал-майор О.А. Белоконов в январе 2014 г. назначен начальником Генерального штаба ВС – первым заместителем МО РБ. Ранее, выпускник ФГШ 2008 г., генерал-майор О.Н. Двигалев в сентябре 2012 г. стал командующим ВВС и ПВО ВС РБ. В январе 2016 г. Президент Беларуси А.Г. Лукашенко назначил генерал-майора С.В. Потапенко (выпускник ФГШ 2008 г.) заместителем Министра обороны РБ.

Сегодня на факультете три кафедры - государственного и военного управления, военной стратегии и оперативного искусства.

Факультет Генерального штаба имеет хорошую репутацию на постсоветском пространстве. На факультете обучаются как военнослужащих Вооруженных Сил Беларуси, так и офицеры Министерства внутренних дел, Государственного пограничного комитета, Министерства по чрезвычайным ситуациям. Кроме того, на факультете обучаются военнослужащие других государств. В частности, военнослужащие Казахстана и Туркменистана. Запланировано обучение и военнослужащих Азербайджана. Слушатели обучаются как по очной форме обучения, так и по заочной [10].

Факультет тесно сотрудничает с ведущими высшими учебными заведениями нашей страны - Академией управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусским государственным университетом, Академией МВД, Командно-инженерным институтом МЧС, Институтом пограничной службы, а также с Военной академией Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. Проводятся совместные занятия, обмен опытом. Преподаватели и слушатели факультета принимают участие во всех крупных учениях и оперативных мероприятиях боевой подготовки Вооруженных Сил.

С 1 сентября 2015 г. слушатели будут обучаться по программе нового образовательного стандарта с присвоением диплома магистра государственного и военного управления [10].

В настоящее время факультет (с 15 января 2015 г.) возглавляет его выпускник (2009 г.) генерал-майор А.Н. Гурцевич.

Выступая в Минске июле 2015 г. перед выпускниками военных вузов и высшего офицерского состава, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко высоко отозвался об эффективности и качестве обучения в отечественных военных вузах, что признано не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. «Нет той международной встречи, где бы мои коллеги-президенты не обращались с просьбой помочь в подготовке национальных кадров вооруженных сил, - заметил Глава государства, - И это не только постсоветское пространство. Это крупнейшие государства нашей планеты. Им нравится уровень подготовки, порядок, отсутствие всякого формализма. Но главное - это качество и уровень подготовки тех, кто приезжает к нам за знаниями» [11].

В настоящее время подготовка офицеров для Вооруженных Сил Беларуси осуществляется в восьми отечественных военных учебных заведениях: Военной академии, на военных факультетах в Белорусском государственном

университете, Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники, Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, Белорусской государственной академии авиации, на военнотехническом факультете в Белорусском национальном техническом университете, военномедицинском факультете в Белорусском государственном медицинском университете и на военнотранспортном факультете в Белорусском государственном университете транспорта [12].

В рамках соглашения о подготовке военных кадров для государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности подготовка офицерских кадров для Вооруженных Сил Беларуси по отдельным специальностям осуществляется также в военноучебных заведениях Министерства обороны России. В 2014/2015 учебном году подготовка офицерских кадров для Вооруженных Сил Беларуси была организована в 10 военноучебных заведениях Минобороны РФ по 25 специальностям, специализациям и направлениям специальностей.

Наличие в национальной системе подготовки офицерских кадров собственной военной школы по обучению офицеров оперативностратегического звена - это, прежде всего, престиж государства, а также логическое завершение системы высшей военной профессиональной подготовки. И, наконец, обучение у себя, конечно же, дешевле. Оно может быть даже прибыльно, когда осуществляется подготовка иностранных военнослужащих.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что создание ФГС полностью себя оправдало. И это уже устоявшееся мнение ведущих военных специалистов, в том числе и за рубежом.

Уровень подготовки слушателей, их востребованность в системе государственного и военного управления позволяют утверждать: факультет Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь - кузница военных кадров высшей пробы, завоевавшая авторитет не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Список используемых источников

1. О создании Военной академии Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 17 мая 1995 г. № 192 // Собр. Указов Президента и постановлений кабинета министров Респ. Беларусь. - 1995. - № 15. - Ст. 332. - С. 1-72.

2. О внесении дополнений и изменений в Указ Президента Республики Беларусь, 25 марта 2003 г., № 127: Указ Президента Респ. Беларусь от 22 марта 2006 г. № 178 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 52. – 1/7384.

3. *Кандраль И.* Продолжая традиции высшей военной школы / И. Кандраль, А. Соболевский // Бел. воен. газ. – 2006. – 1 сент. – С. 1.

4. *Зубцов Н.* На практику – 80 процентов учебного времени / Н. Зубцов // ВПК [Электронный ресурс]: – 13.09.2016. – Режим доступа: vrk-news.ru/articles/3356. – Дата доступа 20.12.2015.

5. Текущий архив Военной академии Республики Беларусь. – Д. 1. Исторический формуляр Военной академии Республики Беларусь. 17 мая 1995 г. – Разд. I. История организационного строительства части. – Л. 1–65.

6. О назначении Ю.В. Портнова начальником факультета Генерального штаба Вооруженных Сил – заместителем начальника учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь»: Указ Президента Респ. Беларусь от 26 июля 2007 г. № 347 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 183. – 1/8762.

7. Военная академия Республики Беларусь. История и современность. Военно-исторический очерк: учеб. пособие для вузов / З.А. Валевац [и др.] ; под общ. ред. И.А. Мисурагина. – Минск: Соврем. литератор, 2008. – 450 с.: ил.

8. *Яхимчик Е.* Золотой фонд армии / Е. Яхимчик // Бел. воен. газ. – 2010. – 29 июня. – С. 1.

9. Текущий архив Военной академии Республики Беларусь (ТА ВА РБ). – Д. 1. Исторический формуляр Военной академии Республики Беларусь. 17 мая 1995 г. – Разд. III. Учебно-воспитательный процесс. Состояние воинской дисциплины. – Л. 1–118.

10. *Лобашов Д.* Кузница военных кадров высшей пробы / Д. Лобашов // Белорусская военная газета [Электронный ресурс]: – 20.3.2015. – Режим доступа: <http://vsr.mil.by/2015/03/20/kuznica-voennykh-kadrov-vysshej-proby/>. – Дата доступа: 28.11.2015.

11. *Макаров А.* Надежная система обороны / А. Макаров // Белорусская военная газета [Электронный ресурс]: – 08.07.2015. – Режим доступа: <http://vsr.mil.by/2015/07/08/nadyozhnaya-sistema-oborony/>. – Дата доступа: 8.01.2016.

12. Система подготовки военных кадров в Беларуси // Белорусская информационная компания

БЕЛАПАН [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://belapan.com/archive/2014/03/16/688133/>. – Дата доступа: 20.11.2015.

13. *Шестериков А.В., Хащевца И.А.* Морально-психологическое состояние личного состава: сущность и содержание // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 110-112.

14. *Хащевца И.А., Шестериков А.В.* Содержание и структура деятельности преподавателя военного вуза в военно-педагогическом процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (Психолого-педагогические науки о войне и армии); Л–Я. – С. 72-75.

Savik S.A.

**THE TRAINING
OF OPERATIONAL-STRATEGICAL
LEVEL OFFICERS IN THE ARMED
FORCES OF BELARUS
AT THE BEGINNING
OF THE XXI CENTURY**

The article is devoted to the history of creation and development the Department of the General Staff of the Armed Forces of the Republic of Belarus on training of officers of operatively-strategical level at the period of 2006-2015.

Keywords: *the Republic of Belarus, the Armed Forces, training of officers, military education, military educational institutions, higher military school, military academy, General Staff Department*

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРОРИЗМА КАК ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена рассмотрению терроризма, определению гендерных аспектов данного сложного и многогранного феномена современного общества. Предпринимается попытка определения причин активизации женского участия в различного рода террористических актах, в том числе и гомицидальных. Дается оценка существующим в научном дискурсе позициям, относительно роста числа женщин-террористок. Осуществляется поиск исторических аналогий.

Ключевые слова: терроризм, гомицидальный террористический акт, женщина-террористка, гендерные аспекты терроризма.

Современная социальная реальность сложна, многогранна и противоречива. Наиболее существенными моментами ее бытия являются отсутствие стабильности и перманентная динамика трансформаций. В этой связи, возникающие социальные феномены и процессы, вплетающиеся в сложную систему взаимосвязанных элементов общественной жизни, обусловленные множеством взаимодействующих социальных детерминант, как никогда нуждаются в системном целостном философском осмыслении, призванном прояснить сущность данных явлений и порождающие их факторы.

Одной из наиболее актуальных исследовательских и практических проблем, стоящих на повестке сегодняшнего дня, является терроризм во всем многообразии его проявлений. Острота вопроса заключается в том, что угрозы терроризма из плоскости теоретических дискуссий и прогнозов давно переместились в повседневную практику общественной реальности. При этом, сложность и трагизм ситуации заключается в том, что принимаемые контрмеры по противодействию данному явлению вынужденно опережают комплексное теоретическое осмысление сущности терроризма, его истоков и последствий.

В тоже время, несмотря на данные факты, нельзя игнорировать имеющие место попытки исследования отдельных аспектов обозначенного вопроса как в зарубежной, так, вслед за ней, и в российской науке. Среди наиболее значимых выделяются разработки следующих зарубежных исследователей: У. Уордлоу, У. Лакер, П. Уилкинсон, А. Шмид и др. К числу

заслуживающих особое внимание в области отечественных изысканий можно отнести работы Ю.И. Авдеева, Ю.М. Антоняна, Н.Н. Афанасьева, А.А. Вартумяна, А.А. Волкова, О.А. Колобова, Э.Н. Ожиганова, С.А. Чудинова и др. [2, с. 4].

Как подчеркивает Э.Н. Ожиганов [6], на сегодняшний день в научном дискурсе, публицистике и политической практике доминируют две тенденции в понимании природы терроризма. Их принципиальное различие состоит в факте признания или отрицания первопричины данного феномена и его проявлений. Сторонники поиска детерминант в качестве таковых определяют опыт неравного положения этнического меньшинства, культурного или религиозного преследования, политических репрессий, экономических лишений и т.д. Э.Н. Ожиганов условно обозначает такой подход в качестве «исследовательского» [6, с. 52]. В большей степени подобная точка зрения разделяется академическим сообществом. При этом, наиболее продуктивным, в этом плане, является восприятие насилия в качестве результата сложных социальных факторов, неограниченных исключительно юридическими нормами и политическими интересами.

В противовес данной позиции существует мнение, согласно которому поиск первопричин терроризма абсолютно непродуктивен, поскольку он способствует оправданию незаконных или противоправных действий террористов. Терроризм, в рамках такого прочтения, понимается как вызванный злостными намерениями экстремистов и фанатиков, стремящихся разрушить нормативный порядок и ориентированных оказывать давление на легитимную политическую власть. Такой подход Э.Н. Ожиганов обозначает в качестве «практического», к числу основных сторонников которого относятся правительственные, полицейские, военные должностные лица и представители аналитических служб органов безопасности. В данном контексте осмысление терроризма во многом становится обусловленным стереотипами восприятия, традициями и политическими расчетами [6, с. 52]. Подобное прочтение терроризма игнорирует социальные, психологические и коммуникативные составляющие изучаемого феномена. Кроме того,

немаловажным является тот факт, что из поля зрения выпадает символический характер задач террористов, продиктованных не материально-корыстными, а политическими мотивами, в связи с чем, их потенциальными клиентами на самом деле являются не непосредственные жертвы, а политическое руководство, кому и адресуются соответствующие символические послания.

Таким образом, наука пока еще по-прежнему оказывается бессильной в разрешении данной проблемы. Однако это вовсе не означает, что ее попытки абсолютно бесплодны, а потому бессмысленны. Возможно, для большей продуктивности изучения означенного вопроса требуется смена традиционной парадигмы, поиск новых линий исследовательского анализа.

В качестве таковой альтернативной позиции, позволяющей по-новому взглянуть на изучаемый феномен, может стать гендерный подход, на сегодняшний день, достаточно продуктивно применяемый в области общественных и гуманитарных наук [7; 8].

Постепенное осознание значимости учета гендерной составляющей находит свое отражение в активизации гендерных исследований, посвященных изучению участия женщин в политическом процессе (С. Айвазова, Е. Здравомыслова, А. Темкина, Е. Кочкиной, И. Жеребкиной, Н. Шведовой). Появляются работы, раскрывающие собственно гендерные аспекты проблемы терроризма, среди которых необходимо отметить исследования К. Каннингем, К. Келен, М.А. Адамовой и О.В. Будницкого. Особое внимание исследователей, таких как М. Блум, С. Грахам, К. Джейкас, Дж. Дэвис, М. Дэринг, Д. Кук, Й. Швейцер и т.д., уделяется рассмотрению проблемы участия женщин в участвовавших на сегодняшний день так называемых гомицидальных террористических акциях, предполагающих неизбежную смерть самих исполнителей [2, с. 5]. Однако, на сегодняшний день подобные исследования, особенно в нашей стране, не являются многочисленными.

В то же время, многие теоретики пытаются искать ответы на возникающие вопросы о причинах активизации женщин в террористической деятельности в историческом опыте политической борьбы народников и представителей партии эсеров [4]. Что касается причин возникновения терроризма в России XIX в. в целом, то среди таковых, как правило, обозначаются незавершенность социально-экономических и политических реформ, поли-

тическое устройство самодержавной власти, а также разочарование революционно настроенного меньшинства в готовности народных масс к восстанию [3].

Высокий процент участия женщин в качестве лидеров и рядовых членов террористических организаций Российской Империи также связывается с социально-политическими и нравственно-психологическими мотивами. Не отрицается и, собственно, гендерный фактор. Как отмечает Э. Найт, являющаяся исследовательницей феномена женского терроризма, из 78 членов боевой организации эсеров 25 составляли женщины. Всего же ей удалось документально подтвердить действия 44 террористок-эсерок, которые по факту своего рождения имели более высокий социальный статус, чем их соратники мужчины. Кроме того, для женщин-террористок был характерен высокий уровень образования [4].

В этой связи, среди наиболее знаковых, с нашей точки зрения, причин, побудивших столь высокоразвитых прогрессивных женщин того времени вступить на путь террора, необходимо выделить отсутствие равных прав и возможностей для женщин в политической, экономической и социальной сферах русского общества, что обрекало многих выдающихся женщин на тихое прозябание в границах домашнего хозяйства, на отказ от возможности реализации собственного личностного потенциала. Неудивительно, что при таком положении вещей, организация народников и эсеров, провозглашавшие принцип равноправия по половому признаку, не имели недостатка в притоке активных и инициативных женщин, жаждавших послужить благому делу освобождения народа [3].

При этом, необходимо уточнить, что, несмотря на столь массовый характер женского участия в террористических организациях России кон. XIX – нач. XX вв., в большинстве своем женщины выступали в качестве руководителей и организаторов террористических актов, и лишь в редких случаях являлись их непосредственными исполнительницами. Кроме того, очень важным, на наш взгляд, является тот факт, что для представителей народничества и партии эсеров было характерно применение крайних форм насилия только в отношении тех людей, которых они считали непосредственно виновными в страданиях и бедах народа и никогда их акции не были направлены на случайных граждан, непричастных к преступлениям против обездоленных [5]. В этом заключается принципиальное отли-

чие русской террористической традиции от мировой и отечественной версии терроризма кон. XX – нач. XXI вв.

В тоже время, несмотря на изменение стратегии и тактики ведения террористической деятельности в условиях современной социальной реальности, гендерная составляющая данного феномена общественной жизни сохраняет свое созвучие с обозначенными явлениями русской истории. Так, до тех пор, пока не будет решен пресловутый «женский вопрос», как того требует время, здравый смысл, справедливость и принципы гуманизма, различного рода «борцы» будут собирать под своими знаменами множество женщин, выступающих не столько за те политические цели, которые декларируют идеологи движения, сколько против отсутствия равных прав и возможностей, низкого социального статуса женщин в семье и обществе или же против оскорблений и унижений их близких. Это необходимо осознавать и учитывать, в противном случае, милитаризация общества, увеличение денежных вливаний в обеспечение безопасности, простое ужесточение наказаний не приблизит решение проблемы терроризма, напротив, может привести к ухудшению ситуации с правами человека, к ущемлению гражданских свобод, воспроизводя, тем самым, новые витки террористической активности. Борясь с терроризмом, важно осознавать, что данный феномен является ярким свидетельством социального нездоровья общества, его знаковых проблем, которые в столь уродливой форме дают знать о том, что их уже давно пора безотлагательно решать, причем сообща, невзирая на государственные границы и политические режимы.

Предпринимая попытки раскрыть «секрет» феномена женщин-террористок, согласно сложившейся традиции некоторые исследователи пытаются обнаружить природные основания в проявлении агрессивных действий со стороны участниц террористических групп [5]. Однако, подобного рода обоснования лишь способствуют нагнетанию излишней истерии и страха перед лицом неуправляемых женщин-фанатиков, в «силу своей природы», отличающихся большей жестокостью, чем мужчины, а потому, становящихся гораздо опаснее последних. Во многом именно этим фактом продиктована директива Интерпола, согласно которой во время нейтрализации террористической группы первыми подлежат уничтожению именно женщины. На самом же деле, причины «неуправляемости» террористок надо искать

не столько в психических аномалиях, истеричности и загадочности женской анатомии, сколько в социальном статусе женщины в обществе и террористической группе, в частности, в которой она является всего лишь «пушечным мясом», которому нечего терять, некуда отступать, поскольку за таким отказом повиноваться неизбежно последует жестокая кара в отношении нее самой или же ее близких. Бесправная и запуганная, не имеющая достойных жизненных альтернатив женщина, подчас, выступает в качестве дешевого орудия в руках властных и статусных субъектов, становится простым расходным материалом, которым с легкостью жертвуют во имя собственных целей.

Именно отсутствие возможности у женщин традиционного общества выбора собственной жизненной стратегии становится решающей в формировании двух следующих разновидностей мотивов участия в гомицидальном терроризме: этнонациональный и этический [1, с. 20]. В первом случае, женщина, не вписывающаяся в традиционные этнические каноны поведения, которая не может или не хочет реализовывать себя лишь исключительно в роли жены и матери, в условиях радикализации общества получает единственную возможность найти себя, свое Я в качестве террористки.

Второй мотив, тесно связанный с первым, срабатывает тогда, когда женщина оказывается в ситуации необходимости искупления какого-либо социально неодобряемого поступка, позор от которого, как правило, смывается кровью провинившейся. И гомицидальный террористический акт, в этих условиях, становится для женщины единственным способом реабилитации в глазах семьи и общества, что и подтверждают многочисленные примеры [1, с. 20].

Иными словами, чем жестче и ограниченнее общественные стандарты в отношении жизни и деятельности женщин, тем меньше у них возможности не стать «жертвой»-убийцей в террористической борьбе чужих интересов. Вновь, как это часто бывает, женщины становятся разменной монетой в мужском мире политических игр.

Отдавая должное различным продуктивным попыткам обозначить гендерные аспекты терроризма и участия женщин в подобной деятельности (П.В. Романов, В.В. Щербанова, Е.Р. Ярская-Смирнова, В.А. Карабанова и др.), нельзя не отметить обнаруженную нами опасную тенденцию объяснять активизацию женщин-участниц террористических групп, осо-

бенно на Западе, влиянием идей феминизма. Так, не умаляя заслуг в рамках гендерного анализа политического терроризма, предпринятого М.А. Григорьевой в ее диссертационном исследовании [2], отметим, что обозначенная исследовательница склонна связывать высокий процент женщин в структуре радикальных организаций Европы, причастных к террористической деятельности, суфражистской тенденцией. В одном из положений диссертации, выносимых на защиту, она заявляет: «Феминистское движение, провозгласившее борьбу против всех форм дискриминации по гендерному признаку, повлияло на радикализацию политических взглядов его участниц и обозначило терроризм в качестве одного из основных инструментов борьбы» [2, с. 8]. Со своей стороны, считаем подобные формулировки недопустимыми, поскольку, даже радикальный феминизм, прославившийся своими нестандартными лозунгами и призывами к созданию сепаратной женской культуры, никогда не призывал к столь одиозным формам борьбы [7; 8]. Такое некорректное прочтение идей феминизма является непозволительным еще и потому, что дискредитирует в глазах общественности основные цели данного политического движения и альтернативной концепции социокультурного развития общества, направленные на ликвидацию всех форм дискриминации и, в первую очередь, дискриминации по признаку пола. Кроме того, данные опасные идеи могут стать логичным оправданием консервативных кругов, активно противодействующих движению в сторону установления гендерного равенства.

Резюмируя все выше изложенное, отметим, что сегодня, как никогда одними из наиболее продуктивных исследований терроризма могут являться изыскания в рамках феминистской и гендерной методологии. Необходимость подобных исследовательских шагов продиктована тем фактом, что современный терроризм все увереннее приобретает женские очертания. Рекрутируя в свои ряды мощную резервную силу в лице женщин и детей, террористические организации осуществляют радикальный методологический переворот в стратегии и тактике ведения борьбы и наносят, тем самым, мощный удар по традиционному мировоззрению и миропониманию народных масс и политической элиты. Несовместимость традиционного стереотипного сознания, воспринимającego женщин в качестве олицетворения мира и гармонии, с реальной действительностью, в которой представительницы женского пола являются носительницами

смерти, разрушений и страданий, становится серьезным препятствием не только в области теоретического осмысления различных аспектов терроризма, но также может превратиться в решающий козырь, преимущество террористов, призванный помочь в достижении поставленных ими целей. Как известно, удача часто оказывается на стороне тех, кто мыслит нестандартно, ищет и обнаруживает слабые, уязвимые места противника. Поэтому, до тех пор, пока ученые, политики и лица, непосредственно включенные в практическую борьбу с терроризмом, будут игнорировать всю серьезность проблемы, пытаясь найти среди причин участия женщин в террористической борьбе факт случайности, психические патологии и социальные девиации, террористы будут одерживать все новые и новые победы. Необходимо признать, что существовавший традиционный гендерный порядок изменился, в связи с чем, продолжается процесс трансформации сознания, социальных практик и ролей современных женщин, активно включающихся во множество социально-политических, экономических и других процессов, как в качестве субъектов, так и в более традиционной для себя роли объектов.

Список использованных источников

1. Григорьева М.А. Гендерный аспект политического терроризма (практика исполнения гомоцидальных террористических акций: взгляд сквозь гендерную линзу) // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №5. – С. 18–22.
2. Григорьева М.А. Политический терроризм: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2011.
3. Женщины террористки в Российской империи // <http://virgoclub.ru/women-terrorism-terror-v-russia.html> [дата обращения 17.12.2015].
4. Женщины-террористки Российской империи // https://ru.wikipedia.org/wiki/5=I8=K-B5@@>@8AB:8_>AA89A:>9_8<?5@88 [дата обращения 17.12.2015].
5. Карбанова В.А. Социальный генезис женского терроризма // http://www.rusnauka.com/17_AND_2011/Philosophia/2_88429.doc.htm [дата обращения 20.12.2015].
6. Ожиганов Э.Н. Профиль терроризма: природа, цели и мотивация // СОЦИС. – 2006. – №2. – С. 52–57.
7. Семенова В.Э. Теоретико-методологические поиски феминизма в пространстве философской проблемы «равенство – различие» // Человек, общество, управление. – 2009. – №3. – С. 42–48.
8. Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Социальная утопия и феминизм: мы рождены, чтоб сказку сделать былью? // Женщина в российском обществе. – 2013. – №1. – С. 45–52.

Semenova V.E.

GENDER ASPECTS OF TERRORISM AS A PHENOMENON OF MODERN SOCIETY

The article is devoted to terrorism, the definition of gender aspects of this complex and multifaceted phenomenon in modern society. The author attempts to determine the causes of the intensification of women's

involvement in various terrorist acts, including homicidally. The existing scientific discourse positions, relative to the growth in the number of female suicide bombers are evaluated. The author searches for historical analogies.

Keywords: *terrorism, terrorist act homicidally, the woman terrorist, the gender aspects of terrorism.*

УДК 159.922.1

Семенова Л.Э.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН К МАТЕРИНСКОЙ РОЛИ

В статье рассматривается проблема материнства в российском обществе и отношения к материнской роли современных женщин с учетом их семейного статуса (замужние, незамужние) и факта наличия / отсутствия детей. На конкретном фактическом материале показано наличие противоречивых точек о материнстве и неоднозначного отношения женщин к данному феномену. Констатируется факт влияния на отношение к материнской роли гендерных стереотипов и личного жизненного опыта женщины.

Ключевые слова: *семья, женщины, материнство, монородительство, отношение к материнской роли.*

По словам многих современных специалистов [1, с. 10; 2, с. 17–18; 3, с. 104; 6, с. 188 и др.], семья представляет собой открытую, эволюционирующую систему, находящуюся под воздействием как ее внутренних составляющих элементов, так и внешнего социального окружения. Поэтому любые преобразования в сферах общественной жизни приводят к закономерным трансформациям семьи как системы в целом и каждого из ее отдельных элементов в частности, в числе которых одно из центральных мест занимает материнство или материнская роль.

В настоящее время в психологической науке и смежных с ней областях гуманитарного знания существуют различные взгляды на проблему материнства. Однако все они, так или иначе, затрагивают функции родительства женщины, среди которых две основных: функция влияния матери на развитие ребенка (где

материнство рассматривается в контексте обеспечения условий для развития ребенка) и функция самореализации женщины как родителя (где материнство рассматривается как значимая часть личностной сферы женщины). При этом непосредственно психологами материнство в большинстве случаев изучается с позиций семейной психологии, где оно исследуется преимущественно в плане своей значимости для развития ребенка / детей, и в гендерной психологии, где помимо поиска различий и сходств в родительском отношении женщин и мужчин предметом специального научного анализа становится роль материнства в личностном развитии женщин, их самореализации, место материнской роли в структуре женской идентичности.

Как известно, согласно традиционной точке зрения, именно материнство считается одним из значимых аспектов самореализации женщин. Существуют даже крайне радикальные взгляды по этому вопросу, которые лаконично можно выразить фразой «пока не мать, нет в женщине добра», т.е. без материнства жизнь женщины теряет свой смысл. Всю жизнь женщины, согласно этим взглядам, определяет ее будущее, настоящее и даже прошлое материнство. В детстве она готовится к материнству, в молодости или зрелости становится матерью и выполняет свою материнскую роль, в старости – пожинает плоды своего материнства.

Однако современная жизнь внесла свои коррективы в подобные приоритеты. Весьма заметной приметой нашего времени все чаще

становится нежелание многих женщин быть матерями. Так, по имеющимся данным опросов общественного мнения, в современном российском обществе существенно изменилось отношение к материнству, которое уже далеко не всегда и не всеми рассматривается как главное предназначение женщины (например, по данным социолога Т.А. Гурко [цит. по: 3, с. 105], уже только около трети российских респондентов считают, что каждая женщина должна обязательно быть матерью). Кроме того, (по данным той же Т.А. Гурко [цит. по: 3, с. 105]) 40% респондентов демонстрируют понимание тех супругов, которые сознательно приняли решение отказаться от рождения детей, и не склонны осуждать их. Поясним, что такого рода умонастроения объясняются как новыми ценностными ориентациями молодежи (стремление жить для себя), так и сложной социально-экономической ситуацией в стране, обуславливающей финансовые трудности, жилищные проблемы и т.п. Об этом, к примеру, свидетельствуют некоторые отечественные исследования, позволяющие приблизиться к пониманию возможной мотивации бездетности людей фертильного возраста, причин выбора подобного образа жизни [4, с. 53; 5].

В этой связи нам кажется весьма актуальным ранее недооцениваемое в психологии изучение отношения самих современных женщин к феномену материнства, их представлений о материнской роли, поскольку, на наш взгляд, эти аспекты имеют первостепенное значение и могут отражаться как на личностном благополучии самой женщины-матери, так и на развитии воспитываемых ею детей.

Итак, принимая во внимание сказанное выше, целью своего исследования мы определили выявление специфики каузальной атрибуции материнства и особенностей отношения к материнской роли женщин зрелого возраста с учетом их семейного статуса (замужние, незамужние) и факта наличия / отсутствия детей.

В нашем исследовании принимали участие 60 женщин, из них: 20 матерей, воспитывающих детей в полной семье, 20 матерей монородителей и 20 женщин, не имеющих детей. Средний возраст испытуемых 34 года.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью авторской методики проблемно-ориентированного интервью, включающего четыре открытых вопроса, сформулированных в косвенной форме:

1. Как Вы думаете, почему большинство женщин становятся матерями? Что побуждает их делать такой выбор?

2. Что дает женщине материнство?

3. Почему некоторые современные женщины не хотят иметь детей? С чем это может быть связано? Выскажите свое мнение по этому поводу.

4. Что, на Ваш взгляд, необходимо женщине для счастливого материнства?

Кратко изложим основные результаты нашего исследования.

Как было установлено в ходе анализа ответов на вопрос, касающийся каузальной атрибуции материнства, в подавляющем большинстве случаев замужние и незамужние матери, а также женщины, не имеющие детей, в качестве основной причины называли «природный инстинкт материнства» и обусловленное им «предназначение женщины» (23% от общего количества ответов у замужних матерей, 22% – у матерей монородителей и 26% – у бездетных женщин). Иными словами, был обнаружен факт достаточно широкого распространения среди испытуемых мнения, иллюстрирующего общественное заблуждение эссенциалистского характера о биологических предпосылках материнства и необходимости каждой женщины исполнения своего природного долга – стать матерью, мнения, порождающего различного рода спекуляции, обвиняющие женщин за демографическую ситуацию в стране.

В то же время факт социального регулирования материнства обществом осознается и признается участницами нашего исследования гораздо реже. Так, среди возможных причин материнства упоминания о существующем культурном стереотипе, влияющем на воспитание девочек, встречались преимущественно только у женщин, не имеющих детей (20% от общего количества ответов), тогда как в остальных группах испытуемых такого рода рассуждения оказались единичными (5% от общего количества высказываний замужних матерей и 7% – матерей монородителей).

Следует отметить, что достаточно многие женщины матери и, прежде всего, женщины монородители (17 и 22% ответов соответственно) рассматривали материнство в контексте проблемы личностной самореализации женщины, обретения ею через материнство смысла жизни, пространства для проявления своей активности, подчеркивая значимость выполнения материнских функций как для самой женщины, так и для общества в целом. Показательно, что в отличие от испытуемых, уже имеющих опыт материнства, женщины, не имеющие детей, никаких возможностей для самореализации материнству не приписывают,

по всей видимости, связывая феномен самореализации с другими сферами жизнедеятельности современных женщин.

Примерно с одинаковой средне выраженной частотой, рассуждая о причинах материнства, все участницы нашего исследования говорили о возможности женщины проявлять заботу и любовь, быть кому-то нужной (по 13% от общего количества высказываний замужних матерей и матерей монородителей, 12% – бездетных женщин), а также связывали материнство с продолжением рода (по 10% упоминаний в группах замужних матерей и женщин, не имеющих детей, 12% – в группе женщин монородителей). Подчеркнем, что в подобных рассуждениях так или иначе звучали упоминания о ценности детей, их необходимости в жизни женщины, причем независимо от факта наличия / отсутствия детей и супруга некоторые испытуемые демонстрировали мнение, что именно ребенок является главным объектом любви и заботы женщины.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что среди довольно часто встречающихся у испытуемых ответов оказались и высказывания о материнстве как средстве и попытке женщины избежать одиночества, что, на наш взгляд, может служить косвенным свидетельством личностного неблагополучия женщин и их стремления решать свои собственные проблемы за счет и с помощью ребенка. При этом особенно неожиданным для нас явилось численное преобладание таких ответов в группе замужних матерей (20% от общего количества упоминаний в сравнении с 15 и 8% аналогичных ответов у матерей монородителей и женщин, не имеющих детей). Более того, давая свои пояснения относительно каузальной атрибуции материнства, замужние женщины матери называли «страх одиночества» на порядок чаще, нежели другие выделяемые ими причины (исключение составляет только указания на «природный инстинкт материнства» и обусловленное им «предназначение женщины»). Иными словами, согласно результатам нашего исследования, именно испытуемые, воспитывающие детей в полной семье, в качестве одной из основных причин, по которым женщины становятся матерями, определяют «страх одиночества», что вполне вероятно является отражением их реальной жизненной ситуации (чувство одиночества даже при наличии мужа, отсутствие взаимопонимания с супругом и другими родственниками и т.п.), а также, не исключено, оказывается следствием принятия этими испытуемыми стереотипа, в соответ-

ствии с которым бездетная женщина не может быть по-настоящему счастлива и понята другими.

В продолжение сказанного можно отметить и наличие, правда, совсем незначительного числа ответов, где стремлению женщины стать матерью приписывалась причина поиска в лице ребенка жизненной опоры. Уточним, что такого рода аргументы в нашем исследовании приводили исключительно лишь женщины монородители, т.е. воспитывающие ребенка / детей без участия отца. Полагаем, что такое понимание ситуации матерями из неполной семьи вполне объяснимо, поскольку при отсутствии мужчины для многих женщин именно ребенок зачастую становится не только смыслом жизни в настоящем, но и в связи с весьма характерными для современного российского общества нестабильностью и материальными трудностями представляется едва ли не единственной опорой жизни в будущем. Однако сразу же оговоримся, что даже в этой группе испытуемых подобного рода причина материнства встречалась всего лишь в единичных ответах (9% от общего количества высказываний), что не позволяет нам считать ее типичной.

В свою очередь о материнстве как о вынужденной мере – нежелании или невозможности делать аборт – говорили как раз другие участницы нашего исследования, а именно: замужние матери (5% от общего числа высказываний) и женщины, не имеющие детей (12% высказываний). Интерпретируя полученные результаты, рискнем предположить, что у бездетных испытуемых данная каузальная атрибуция далеко не случайна, а может быть вызвана прессингом общества относительно необходимости материнства, испытывая который они начинают приписывать представительницам своего пола «вынужденное материнство», тем самым как бы оправдывая самих себя, тогда как женщины монородители не расценивают рождение ребенка как вынужденную меру, поскольку видят в нем возможность для личностной самореализации, продолжение рода и опору в жизни.

Примечательно, что практически аналогичная тенденция наблюдалась и в приписывании материнству функции укрепления семьи, а также придания ей статуса «полноценная». Убежденность в этой стереотипной и во многом не соответствующей реальной действительности версии демонстрировали как испытуемые, воспитывающие детей / ребенка в полной семье, так и бездетные женщины, при-

чем если в первой группе было зафиксировано в целом относительно небольшое количество ответов (7%), то во второй группе такие ответы встречались значительно чаще (12%).

Таким образом, как показали результаты нашего исследования, содержательные аспекты каузальной атрибуции материнства характеризуются следующей спецификой: преобладанием причинно-следственной связи с природным инстинктом и обусловленным им предназначением женщины, а также страхом одиночества у матерей из полных семей, с природным инстинктом и обусловленным им предназначением женщины и личностной самореализацией у матерей монородителей и, наконец, практически одинаковое по степени выраженности доминирование среди возможных причин материнства природного инстинкта и обусловленного им предназначения женщины, а также существующих в обществе культурных стереотипов женственности с точки зрения испытуемых, не имеющих детей. Полагаем, что полученные нами факты, изложенные выше, могут служить важным маркером личного отношения разных групп испытуемых к материнской роли, которое, что вполне реально допустить, находит свое отражение на личностном благополучии самих женщин и характере их взаимодействия с детьми / ребенком.

Не менее любопытную в этом плане информацию дают нам и ответы участниц исследования на второй вопрос интервью, касающийся возможных выгод материнства, где мы находим некоторую конкретизацию и уточнение относительно ранее высказанной ими позиции. Так, прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что женщины уже ставшие матерями, независимо от своего семейного статуса, видели в материнстве преимущественно позитивные моменты, тогда как мнения женщин, не имеющих детей, оказывались достаточно противоречивыми. К примеру, с одной стороны, в подавляющем большинстве ответов наших испытуемых материнство было представлено как источник радости и счастья (38% высказываний замужних матерей, 17% у матерей монородителей и 26% у бездетных женщин), тогда как с другой, – встречались рассуждения о лишних проблемах, вызванных рождением ребенка, дополнительных нагрузках и стрессе (16% высказываний замужних матерей, 17% у матерей монородителей и 31% у бездетных женщин). Как можно заметить по полученным данным, эмоционально положительные аспекты материнства ярче всего были выражены у

женщин, воспитывающих детей / ребенка в полной семье, не исключено, что при активном участии мужа, а в наименьшей степени у незамужних матерей, как известно, обычно имеющих большие материальные трудности, дефицит временных ресурсов, воспитывающих детей / ребенка без какой-либо поддержки супруга. В то же время негативный характер восприятия материнства наблюдался в основном у испытуемых, не имеющих детей и личного опыта материнской роли, которые, судя по их ответам, на порядок чаще говорили не столько о радостях, сколько о трудностях материнства (26 и 31% высказываний, соответственно). Считаем вполне вероятным, что именно такой характер восприятия материнской роли и связанных с ней обязанностей может являться основным препятствием к желанию этих испытуемых рожать детей и становиться матерями.

Кроме того, в дополнение к сказанному отметим, что также среди женщин, не имеющих детей, причем только исключительно у них, встречалось мнение, согласно которому материнство существенно ухудшает здоровье женщины, снижает ее активность и мобильность, делая ее менее трудоспособной и к тому же зависимой от врачей и лекарств (10% от общего количества высказываний). Очевидно, что такое представление тоже свидетельствует не в пользу их психологической готовности к материнству.

Еще в числе приоритетных взглядов относительно связанных с материнством выгод оказалась версия о возможности общественного признания и получения женщиной нового социального статуса вследствие рождения ребенка. Уточним, что в подавляющем большинстве случаев такую точку зрения демонстрировали испытуемые монородители (27% ответов), чуть реже – матери из полной семьи (22% ответов) и еще несколько реже, но в целом со средне выраженной частотой – испытуемые, не имеющие детей (16% ответов). Иными словами, судя по результатам проведенного нами интервью, достаточно многие из участниц нашего исследования придерживаются типично стереотипного мнения о женщине и роли материнства в жизни женщины, отражающего доминирующие в нашем обществе умонастроения.

Несколько в меньшей степени прослеживалась связь материнства с новым жизненным опытом, переоценкой ценностей, о чем, в частности, упоминали в первую очередь женщины, воспитывающие детей (19% ответов замужних матерей и 16% ответов незамужних

матерей) и практически в два раза реже бездетные женщины (7% ответов). Вполне закономерно, что не имеющим личного опыта материнства бездетным испытуемым довольно трудно рассуждать о возможной переоценке ценностей, реальных изменениях в жизни женщины и в ее взглядах, вызванных рождением ребенка. В то же время весьма показательно, что именно последние в качестве возможных выгод материнства называли социальные льготы и отдых от профессиональных обязанностей (10% ответов), о чем ни разу не упомянули другие участницы нашего исследования.

Стоит также отметить, что материнство как уверенность в будущем рассматривали исключительно только женщины монородители (14% от общего числа ответов), что полностью согласуется с их версией о материнстве как о попытке обрести в лице ребенка жизненную опору, о чем мы уже писали ранее, тогда как отношение к материнству как к дополнительному стимулу жизни наряду с теми же матерями из неполной семьи в нескольких единичных случаях оказалось характерно и для замужних матерей (12 и 5% ответов соответственно).

В свою очередь, рассуждая над вопросом, иллюстрирующим каузальную атрибуцию отказа женщин от материнства, все наши испытуемые в целом выражали достаточно схожее мнение, суть которого, не вдаваясь в тонкости и подробности, можно определить следующим образом: в качестве наиболее типичных причин ими, как правило, назывались не столько факторы личностно-психологического (эгоизм, страх ответственности, ориентация на карьерный рост и профессиональную самореализацию), сколько преимущественно социального (экономическая нестабильность, материальные проблемы, в числе которых финансовые и жилищные трудности) и биологического (физиологические проблемы, невозможность родить ребенка) характера. Для сравнения общая доля причин личностно-психологического характера составила 22% от общего числа полученных в интервью ответов, причин социального характера – 47% и, наконец, биологических причин – 31%. При этом во всех случаях имело место примерно равное соотношение количества высказываний разных групп испытуемых с незначительным разбросом данных.

И, наконец, в завершении обратимся к версии участниц нашего исследования относительно факторов, обеспечивающих счастливое материнство.

Итак, как полагало абсолютное большинство наших испытуемых – это, прежде всего, отсутствие серьезных материальных проблем (37% высказываний замужних матерей, 33% высказываний матерей монородителей и 47% высказываний женщин, не имеющих детей), наличие полной семьи (33, 13 и 25% ответов, соответственно), а также государственная поддержка (12, 26 и 17%). Как можно видеть, необходимость государственной поддержки в первую очередь признавалась наименее социально защищенными и очень часто финансово несостоятельными женщинами монородителями, ностальгирующими по советским временам, когда у таких матерей, ссылаясь на их слова, «была уверенность в завтрашнем дне, куске хлеба и медицинской помощи». Напротив, что касается фактора полной семьи, то именно женщины, воспитывающие ребенка / детей без участия мужа, упоминали его на порядок реже, нежели другие испытуемые, что дает основание предполагать наличие у них положительного отношения к своему материнству безотносительно к факту присутствия / отсутствия супруга. Кроме того, в ряде случаев в ходе интервью звучали также указания на состояние здоровья женщины, обуславливающее внутренние ресурсы для счастливого материнства, о чем, в частности, свидетельствуют следующие данные: 15% ответов замужних матерей, 17% ответов матерей монородителей и 11% ответов женщин, не имеющих детей. И, наконец, о педагогической компетентности матери, ее умении ладить с детьми, возможности находить с ними общий язык как условия и одновременно показателе счастливого материнства говорили преимущественно только женщины, выполняющие родительские функции, причем на порядок чаще те из них, кто воспитывает ребенка в неполной семье (3% высказываний замужних матерей и 11% высказываний матерей монородителей).

Таким образом, резюмируя выше изложенные факты, можно сделать следующее заключение: испытуемые замужние матери видят счастливую мать членом полной благополучной семьи, материально обеспеченной и здоровой женщиной, испытуемые монородители связывают материнское счастье, прежде всего, с отсутствием материальных проблем, поддержкой со стороны государства и несколько в меньшей степени со здоровьем женщины, тогда как испытуемые бездетные женщины не представляют счастливое материнство без материального достатка и наличия полной семьи.

В целом, сопоставляя полученные нами данные и подводя итог выполненному исследованию, мы можем констатировать, что в условиях современного российского общества, где, с одной стороны, материнство по-прежнему признается едва ли не самой главной ипостасей женского существования, в то время как с другой, существуют объективные трудности реализации женщиной культурно одобряемых стандартов материнской роли, отмечаются весьма разнообразные, во многом противоречивые и даже взаимоисключающие представления женщин о материнстве, порождающие у них далеко неоднозначное отношение к данному феномену и в ряде случаев психологическую неготовность к рождению ребенка и принятию новой социальной роли матери. В частности, мы убедились в том, что отношение женщин к материнству является частично обусловленным господствующими в массовом сознании гендерными стереотипами, а также имеющими место в современном российском обществе проблемами, оказывающими влияние на жизнь и личный опыт женщин, равно как и самим личным опытом каждой из них. При этом нам кажется совершенно очевидным необходимость дальнейшего изучения материнства как для понимания специфики личностного развития самой женщины, так и для выявления социальных (семейных) условий развития воспитываемого ею ребенка. Наступает время нового понимания материнства как личного опыта женщины. И в этом плане накапливаемые в науке знания не только возлагают на психолога гораздо больше ответственности, но и позволяют ему лучше понять проблемы женщины как матери, предоставляя в то же время возможность для оказания адресной помощи тем из них, кто действительно в ней нуждается.

Список использованных источников

1. Варга А.А. Российская семья в эпоху перемен: социально-психологическая динамика // Психолог и общество: диалог взаимодействия. – М., 2008. – С. 10–12.
2. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
3. Карбанова О.А. Семейное психологическое консультирование – теория, практика, образование // Национальный психологический журнал. – 2010. – №1. – С. 104–107.
4. Кожина Е.В. Феномен «чайлдфри» как социально-психологическая проблема // Современные

знания – в жизнь: XII Международная научно-практическая студенческая конференция. – Минск: Частное учреждение образования «Институт современных знаний имени А. М. Широкова», 2013. – С. 51–53.

5. Селивинова Е. Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд // http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446 [дата обращения 25.12.2015].

6. Семенова Л.Э., Кожина Е.В. Нетрадиционные подходы к исследованию родительства // Вестник ВятГГУ. – 2014. – №10. – С. 188–194.

7. Хабибулин Р.Г., Дмитриченкова А.Н., Захарова Ю.Н., Пустомитенко Е.Г. История участия женщин России в воинской деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 82-88.

8. Хабибулин Р.Г., Денисюк Д.А. Девиантное поведение в женской среде // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 51-56.

Semenova L.E.

**ATTITUDES OF MODERN WOMEN
TO MATERNAL ROLE**

In the article the problem of motherhood in Russian society and attitudes toward maternal roles of modern women according to their marital status (married, unmarried) and the presence / absence of children. On specific factual material shows the presence of contradictory points about motherhood and ambiguous relationship of women to this phenomenon. The fact of influence on attitudes toward the maternal role of gender stereotypes and personal experience of the woman is stated.

Keywords: family, women, motherhood, monardella, attitudes toward maternal role.

СОВРЕМЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ ИЛИ РАССУЖДЕНИЯ У ПОДНОЖИЯ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

Авторы, с помощью метода компаративного анализа, показывают, что современная, ставшая эталонной, система ценностей демократического либерализма не соответствует целям и задачам развития классического демократического общества.

Ключевые слова: система ценностей, глобализация, мультикультурализм, демократия.

На уровне национальных элит человечество в XIX в. сформировало в мировом масштабе, а в XX в. реализовало три мощнейшие идеологии: коммунистическую (конструктивную и интернациональную), либеральную (демократическую и транснациональную) и фашистскую (национальную и агрессивную). Все эти идеологии «боролись» друг с другом на протяжении XX столетия, но итоговая победа либерализма, далёкого от идеала, в 1990-х гг. показала и доказала, что вопрос об окончательном доминировании последнего не решен (например, обладая правом голоса на выборах, человек лишь теоретически способен влиять на политическую жизнь страны). Современная западная демократия основана на беспрецедентной системе контроля и шпионажа, безответственной власти меньшинств (общемировая тенденция) цинично отвергающих общечеловеческие ценности, лишивших «простое меньшинство» власти, чтобы не было препятствий в достижении личных желаний и целей, и, как результат – «дисфункция либерального развития и маргинализация больших социальных групп, что в свою очередь приводит... к снижению доверия к управлению как социальному феномену... и заключается в расхождении декларируемых приоритетов управления и реально ею реализуемых стратегий...» [1, с. 178]; власти меньшинств, базирующейся на культе потустороннего – фрик-культуре (демонстрируемое воплощение неразумности и ущербности, вызов прежним ценностям антропоцентризма и гуманизма [2, с. 48] и, как следствие, преступлениях против материнства и детства, и философии постгуманизма, позволяющей: «обществу – избежать перспективы стать социумом машин, компьютеров и прочего, в котором нет места человеку; человеку –

избежать перспективы стать придатком механизмов, киборгом и т.п.; природе – избежать перспективы ее поглощения техносферой» [3, с. 53]; власти меньшинств, намеревающихся взять под свой контроль выгоды от глобализации. Таково практическое воплощение демократии в жизни. «Это объясняет то, почему мы перестали верить в демократию, почему либеральные демократы довели демократию до логического конца» [4, с. 30].

Россия, после распада империи, с 1918 г. на самом деле двигалась по пути победившего западничества, а после крушения СССР с 1991 г. просвещенческое западничество стало перерождаться в либерализм образца «Дикого запада» и, так называемых «Новых кочевников», независимых от национальных государств, ставящих во главу угла только интересы сверхприбыльного капиталоборота.

В 1990-е гг. казалось, Россия взяла курс на новый распад, с целью превращения себя в маленькую (чисто) европейскую страну с либерально-олигархической системой внутреннего устройства и полной потерей внешней субъектности. Именно так оценивала «новый курс» Российская Федерация и либеральная общественность, и социальные науки (политология, социология).

Однако, общие тенденции развития российского общества в 2000-х гг. показали не только общий консерватизм в отношении дальнейшей либерализации страны («достройки» – лозунг партии «Яблоко»), но и изменение до полного неприятия отношения к образу самой демократии, как политического устройства страны (слишком многие явления входили в когнитивный диссонанс с нашим пониманием этого термина).

Западная либеральная демократия принесла с собой катастрофические изменения, направленные на разрушение психологических и культурных кодов многонациональной семьи народов России. Вместе с новыми стандартами общественных отношений приходит не только индивидуализм, как право личности быть несогласным, обладать свободой выбора, развиваться и реализовываться посредством сообщества, а не наоборот, с личностно-центрированными ценностями, но и другое

понимание успешности (статус богатого иждивенца), а пришедшая новая культура потребления принесла с собой агрессивную рекламу, телевизионное насилие и распушенность (миллионы людей «отворачиваются от массовой культуры с её культом животного секса и гедонистических ценностей» [5]), все виды наркомании и девиантное поведение, включившее практически все индивидуальные и коллективные аномалии в понятие «нормы». Нормальными стали не только аномичный эгоизм, но и алчность, высокомерие и завистливая озлобленность по отношению к ближнему, а ведь для подлинного либерализма чужд утверждающийся сегодня принцип «волчьей» борьбы за «место под солнцем». Новые ценности растлевали не только детей, но и дезориентировали взрослых, заботясь о житейских наслаждениях, многие люди выбрали кратчайший путь для достижения своих интересов, оставив «за бортом» поиск идеала и установку на продуктивное действие в социальной сфере. Страна потеряла общую цель, разменяв её на олигархическую демократию и либеральные связи с общественностью (жизнь по принципу ЧЧВ – «человек человеку волк»).

Победа либерализма, как в истории-притче о Вавилонской башне, возводимой на фундаменте порочной мотивации, привела к «смешению языков», разноязычию буквальному и мировоззренческому, в виде либерализации взглядов на всё: от демократии и прав человека до извращения понятий и перепрочтения библейских заповедей и законов. Кстати, в Римской республике существовал такой мелкий божок – Либер (аналог греческого Приапа) – бог свободных самоуправляющихся городов и, очевидно, не случайно – бог разврата (фаллический бог). А толерантность и мультикультурализм как идеология и политика (одна из сторон этого явления), надстраивающая над этническими ценностями общенациональные [6], приравнивали Гёте и Пушкина не к Гомеру или Петрарке, которых нынче никто не читает, но ко всевозможным поп и рэп ЭмСи и ДиДжеям, эстрадным текстотворцам и создателям эпатажной постмодернистской, компаративистской литературы, место которых в Дантовском Инферно (восьмой, низший круг Ада: «злопазухи» для воров, лукавых советчиков, извратителей культуры, лжесвидетелей, «поддельвателей человек» и фальшивомонетчиков).

Вавилонское столпотворение современного Европейского Союза постепенно стало входить в явное противоречие с категориями культурно-национального развития стран и

народов мира, мозаик неповторимых традиций, укладов, культур, идеологий – в конечном итоге, множественной картиной мира. Глобальная либерал-демократия Запада стала противопоставлять себя идеям Симфонии народов (интернациональное содружество, примером которого являлась Российская империя и СССР – не «атомизированное» общество) и Симфонии государства (сочетание светскости и духовности в нравственном управлении страной).

Какой образ всечеловеческого единства победит в этом противостоянии?

Конфликт народов это диалектика Европейского Союза в виде глобализации самоопределения, и тому есть свои резоны, о которых упоминал ещё Ф.М. Достоевский: «Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности. Что делать? ... оказывается, что сделать братства нельзя потому что ... в природе французской, да и вообще западной, его в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка ... самоопределения в своем собственном Я, сопоставления этого Я всей природе и всем остальным людям, как самоправного отдельного начала, совершенно равного и равноценного всему тому, что есть кроме него» [7, с. 429].

Интеллектуальная тропа XX столетия, ее переход в новый век, отразилась в споре двух этнокультурных оснований, повлиявших на сегодняшний дискурс: концепции советского евразийства Л.Н. Гумилева, реальный смысл которой – имеющийся у современной России политический выбор и концепции просвещенческого западничества Д.С. Лихачева, её суть – Россия – часть Европы ввиду единой с ней культурной системы, т.е. культурного выбора у России нет [8, с. 204]. «Но даже если представить себе слияние человечества в гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют не общечеловеческие ценности, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты... Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западноевропейских норм поведения. И легче ли окажется от того, что эти системы ценностей неправомерно названы общечеловеческими...» [9, с. 189–190].

Для существования и развития настоящей большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомлен-

ность, более того – культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству. Такая культуросфера – концептосфера – яснее всего выражена в европейской, точнее в западноевропейской, культуре. <...> Европейская культура – культура общечеловеческая. И мы, принадлежащие к культуре России, должны принадлежать к общечеловеческой культуре через принадлежность именно к культуре европейской» [10, с. 359–360].

Однако современная (гибридная, т.е. традиционно-нестандартно-катастрофически-террористически-подрывная) война в новом (мультиплексном) мире сопрягается с минимальными военным и максимально экономическим и информационным противостоянием стран-субъектов. Это значит, что основная борьба происходит в сфере идеологий и нравственных решений. России брошен вызов. И вызов этот сохраняет традицию противостояния Запада и Востока – «цивилизации моря» (талассократия, Левиафан) и «цивилизации суши» (теллутократия, Бегемот), Рима и Карфагена, войны Атлантистов против «Хартленда».

Шпенглер во втором томе «Заката Европы» писал: «Религия, искусство, мышление возникли для света, а все различия между ними сводятся к тому, обращаются ли они к телесному глазу или к «глазу духа». Это позволяет вполне уяснить то различие, которое обыкновенно бывает также смазано нечеткостью понятия «сознание». Я различаю существование (Dasein) и бодрствование (Wachsein). У существования имеются такт и направление, бодрствование есть напряжение и протяжение. В существовании господствует судьба, бодрствование различает причины и следствия. Для одного всего важнее первовопросы «когда?» и «почему?», для другого – «где?» и «как?» [11, с. 9].

С другой стороны, один из ведущих историков Университета Беркли (Калифорния) М. Малия в книге «Россия в глазах Запада: от бронзового всадника до Мавзолея Ленина» (1990) пришел к выводу, что «Россия в различные времена либо демонизировалась, либо идеализировалась западным общественным мнением не столько в силу ее реальной роли в Европе, сколько в силу страхов, разочарований, надежд и устремлений, генерируемых внутри самого европейского общества из-за его внутренних проблем» [12], – т.е. дело не в России?

Мы очень долго рассматривали современность в структуре диалектики единства и

борьбы противоположных начал, затем, уверовав в эталонные демократические ценности либерализма (по лучшим западным образцам), начали судить о происходящем, как о перестройке количественных изменений в качественные. Настало время Экклезиаста – время отрицания отрицания, время нового целеполагания – идеологии национальных интересов в симфонии многополярного мира победившей нравственности и морали.

Список использованных источников

1. *Сметанкина Л.В.* Социокультурные факторы управления: монография. – Ростов н/Д.: Антей, 2011. – 220 с.
2. *Зубанова Л.Б.* Современная культура в постклассических концепциях и актуальных социокультурных трендах // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – №1(33). – С. 47–54.
3. *Сергеев В.К.* Гуманизация науки: новые философские основания // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №333. – С. 51–54.
4. Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения? 17–18 мая 2012 г. – Т.2: Материалы. – СПб: СПбГУП, 2012. – 212 с.
5. *Спирова Э.М.* Консерватизм vs либерализм // Философская мысль. – 2015. – №9 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://e-notabene.ru/fr/article_16624.html (Дата обращения: 03.02.2016).
6. *Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Платошина В.В.* Американский мультикультурализм [Электронный ресурс]. – Изд-во «Академия Естественных», 2011. Режим доступа: <http://www.rae.ru/monographs/127>.
7. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15-ти т. – Л.: «Наука», 1989. Т. 4. – 784 с.
8. *Запесоцкий А.* Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве / Запесоцкий А., Зобнин Ю. – М., 2007. – №1. – С. 203–213.
9. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: АСТ, 2005. – 607 с.
10. *Лихачев Д.С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – 416 с.
11. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер, с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – I. Космическое и микрокосм: Растение и животное / Существование и бодрствование. – 606 с.
12. «Покачать Россию»: Наша страна и санкции: кто кого? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/09/pokarat-rossiyu-nasha-strana-i-sankcii-kto-kogo.htm> **Ошибка! Закладка не определена.**
13. *Ганчар Г.М.* Национализм как научная проблема современного культурологического знания // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-

экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 49-52.

14. *Постников С.В.* «Русские» немцы и развитие национальной науки Узбекистана (по материалам исследований академика Т.Н. Кары-Ниязова) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. Актуальные проблемы социально-политических наук. – С. 73-80.

*Smetankina L.V., Shabanov L.V.,
Bibarsova G.Sh.*

A MODERN NATIONAL IDEOLOGIES CONTRA THE GLOBAL POLICY OF MULTICULTURALISM

The authors, using the method of comparative analysis, show that modern, which became the reference, the system of democratic liberalism is not consistent with the goals and objectives of development of the classical democratic society.

Keywords: *system of values, globalization, multiculturalism, democratic society.*

УДК 168.522

Сороко С.М.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Проводится идея, что социологическое и культурологическое знание сегодня нежелательно разграничивать; социокультурное пространство многомерно и может анализироваться в разных ракурсах и с разных точек зрения. Используя информационный подход для анализа социокультурного пространства, автор обосновывает научную категорию «информационный уровень» как латентно ограниченный информационными барьерами элемент информационного пространства с многомерно кодированной, но однозначно читаемой информацией.

Ключевые слова: *информация, культурный код, социокультурное пространство, информационное пространство, информационный уровень, информационный подход.*

Реальность социокультурного пространства и влияние его основных факторов на становление ценностных ориентиров личности представляют значимое проблемное поле социологического и культурологического знания. К последнему, на наш взгляд, сегодня с осторожностью следует применять дифференцированный (нацеленный на субъективные отличия и разграничения) подход, соответствующий модернистской неклассической фило-

софии и её типу мышления. Ведь современная ситуация постмодерна не просто констатирует возможность, она отражает необходимость в условиях культурной глобализации «пересекать границы, засыпать рвы» (Л. Фидлер). Сама граница, как акцентировал её постмодернистскую проблематику Ж.-Ф. Лиотар, может являться «промежуточным результатом»; «границы становятся незыблемыми, если они прекращают быть ставкой в игре» [7, с. 50], точнее, в «языковой игре» и ставкой языковых стратегий.

В трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, П. Бурдьё, Л. Уайта и многих других выдающихся мыслителей 2-й пол. XIX–XX в. культурные и социальные процессы не противопоставлялись, а изначально рассматривались в единстве. Выделяя среди ранних социологических исследований работы российского социолога Е. Де-Роберти, П. Сорокин разделял его утверждение, что «реальные исторические события и социокультурные явления всегда представляют собой смесь физических, биологических и надорганизмических явлений» [13, с. 122]. Они все взаимосвязаны. А надорганизмическая, отождествляемая с сознанием в период «досоциологического»

(П. Сорокин) знания о человеке, как раз и есть *социокультурное пространство*, которое исследуют все социальные и гуманитарные дисциплины, поскольку они «имеют дело с надорганическим миром» [13, с. 125].

Если следовать социологической концепции П. Сорокина, то область надорганики (включает язык, науку и философию, религию, искусство, право и этику, нравы и манеры, технические изобретения и процессы, орудия труда и машины, возделывание полей и садов, дрессировку животных и т.д., а также социальные институты) объединяет взаимодействующих людей и продукты их сознательного взаимодействия в социокультурной динамике. Многообразие и многогранность социокультурного пространства обеспечивают различные результаты основных аспектов действительности, полученные под специфическими углами зрения и с разных исследовательских позиций [13, с. 122–141]. Для нас очевидно, что, акцентируя внимание на трех главных школах социологии сер. XX в. (механической; психологической; социологической или социокультурной), Сорокин не ограничивал ими социально-гуманитарную сферу научного знания. Следовательно, мобильное социокультурное пространство не имеет строгого числа predetermined подходов, аксиом и методик анализа, они могут только фиксироваться – принимать конкретные формы – в различных актуализированных точках пространственно-временных координат «надорганического мира» (системного и концептуального знания).

В своих исследованиях мы рассматриваем социокультурное пространство под информационным углом зрения; считаем, что информация выступает актуальным аспектом нашей действительности, а в различных научных направлениях она может восприниматься и трактоваться по-разному. Один из первых разработчиков информационного подхода К.К. Колин отметил, что подход предоставляет нам сегодня возможность увидеть, казалось бы, уже хорошо изученные объекты, процессы и явления в ином свете – в информационном ракурсе, значимом «для решения многих глобальных проблем современности»; он открывает исследователю информационную картину мироздания, качественным образом отличающуюся от традиционной [6, с. 20–21]. В предложенном нами алгоритме информационного подхода в культурологическом исследовании [14] информационный аспект охватывает объект и предмет анализа, категориальный аппарат; информационные процессы, потоки, тече-

ния анализируются как непрерывно генерирующие симметричную/асимметричную информацию на различных уровнях и в разных социокультурных системах, формируя собственные информационные пространства и их структуру в динамике.

Проблематика функционирования информационного пространства достаточно широко и многомерно с кон. XX в. освещается в постсоветской науке. Отметим, например, имена некоторых учёных, с исследованиями которых мы знакомы: О.В. Кедровский, С.А. Проскурин, Г.М. Ниязова, А.И. Каптерев, Т.Ф. Берестова, П.К. Киричёр, А.И. Ненашев и многие другие. Не вызывает сомнения, что своё информационное пространство есть не только у автоматизированных и компьютеризированных информационных систем, сетей, но и у человека, группы, социума – у всех субъектов культуры. Оно есть у библиотеки [1] и города, у этноса и полиэтнического региона [9], у культуры в целом и белорусской культуры в частности [12], у России [5], у Содружества Независимых Государств [10] и т.д. Именно в информационную эпоху с помощью созданных человеком технологий многомерное социокультурное пространство стало восприниматься и исследоваться как информационное, не исключая сфер экономики, политики, религии и других.

Парадоксально, но вездесущая интернет-информация, не взирая на географические расстояния, сегодня формирует свои информационные пространства в экономике, политике и т.д. таким образом, что границы между различными социокультурными сферами и функциональные связи между традиционными социальными институтами незаметно трансформируются. Идет необратимый процесс, в котором национальные социальные структуры постепенно заменяются глобальными информационно-коммуникационными структурами; сетевые информационные потоки формируют пространство новой экономики – медиаэкономики – с медиарынками, медиаканалами, медиатоварами, медиауслугами [2]. И этот информационный процесс, уже очевидно, охватывает как экономику, так и всю социокультурную деятельность людей, включая науку, образование, культуру.

Сама идея независимости социального пространства от геометрического пространства была положена в основу концепции социальной мобильности и стратификации населения Земли П.А. Сорокиным. Он подчеркивал значимость «точек отсчета» и всех видов соци-

альных связей между людьми для измерения социального пространства («вселенной»); его многомерность, «поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т.п.)» [13, с. 233]. Это показатели разного порядка. Каждый может быть переменным параметром, рассматриваться как точка отсчета либо ось, формирующая собственное пространство с уникальной структурой. Чем больше численность параметров – тем сложнее дифференцировано население социокультурной системы. Мы не ставим здесь задачу подробно анализировать концепцию Соркина, для нашей темы значимы его принципиальные постулаты: любая организованная социальная общность всегда стратифицирована; чем существеннее различия между людьми, тем больше их социальная дистанция; социальная стратификация может анализироваться количественно и качественно [13, с. 230–239].

Используя информационный подход, предлагаем рассматривать конкретно существующую или существовавшую когда-либо в истории социокультурную систему как информационную, обладающую уникальной многоуровневой гиперструктурой. (Пример: нелинейной гиперструктурой обладает поисковая система сети интернет, формирующая гипертекст; в его информационном пространстве читатель сам выбирает последовательность чтения, здесь мышление включается и структурирует информационный процесс.) В информационном пространстве любой социокультурной системы всегда фиксируется на доступных носителях информация, функционирующая по каналам коммуникации. К каналам и средствам приобретения, использования, хранения и передачи информации в обществе, «слишком большом для прямого контакта между его членами», Н. Винер в сер. XX в. относил прессу (книги и газеты), а также «радио, телефонную связь, телеграф, почту, театр, кино, школы и церковь» [3, с. 198–199]. Сегодня мы можем их характеризовать как традиционные каналы и средства, в отличие от новационных, вошедших в нашу жизнь благодаря современным информационным технологиям.

С научной точки зрения будет некорректно считать информационное пространство *ча-*

стью социокультурного пространства. Часть предполагает наличие других равноправных частей, в то время как социокультурная деятельность вне информационных процессов немислима. Для нас важно, что такие концептуальные понятия как «социальное пространство», «экономическое пространство», «коммуникационное пространство», «информационное пространство» и многие другие могут анализироваться только в рамках своей конкретной научной системы знаний. За её пределами они становятся лишь абстрактными понятиями, не сопоставимыми друг с другом ни количественно, ни качественно; сугубо функциональными «проекциями» наших представлений о пространстве.

При анализе социокультурных систем исследователи часто используют понятие «уровень». Оно не имеет строгой научной дефиниции, но всегда обладает субъективными качественными характеристиками, позволяющими выделять, группировать, классифицировать равнозначные элементы одного порядка в системе. Как правило, уровни помогают оформлять структуру объекта анализа. Кроме акцента на низком/высоком культурном или же образовательном уровне, любая социальная группа может иметь свой политический, этический, эстетический, информационный уровень и другие. Сама же политическая система, например, может дифференцироваться по направлениям количественно, анализироваться качественно с культурной, этической, социальной или другой точки зрения. Здесь нет игры слов. Мы акцентируем, что в многомерном социокультурном пространстве важно не подменять понятия, а различать: 1) какая система рассматривается (объект); 2) какие процессы исследуются (предмет); 3) с какой позиции и на каком уровне проводится анализ (метод и точка отсчета исследователя). На наш взгляд, универсальное понятие «уровень» имеет непосредственное отношение к методологической проблематике и может рассматриваться в одном ряду с такими категориями как система, структура.

В работах В.И. Корогодина, И.В. Мелик-Гайказян и некоторых других учёных, исследующих информационную проблематику в различных аспектах, встречается лексическая синтагма «информационный уровень»; она используется как не требующая научного обоснования универсалия. При информационном подходе к социокультурным явлениям мы рассматриваем «информационный уровень» как

научную категорию. На то, что «коммуникация – это всегда межуровневая передача информации» [11, с. 31], обращал внимание Г.Г. Почепцов, называя коммуникатора – профессией будущего. В данном контексте важно не столько то, что люди разговаривают на разных языках в прямом смысле, сколько то, что, разговаривая на одном языке, мы перестаём понимать друг друга. Нам нужен посредник – коммуникатор, способный «адаптировать» (перекодировать) информацию одного уровня – к другому. Дифференциация научного знания, к сожалению, только увеличивает межуровневую дистанцию, создает «пропасть» между естественными и гуманитарными науками, или же между «двумя культурами» (И.В. Мелик-Гайказян [8, с. 7]).

Возможность людей понимать друг друга – это действительно информационно-коммуникативная проблематика. Но она же и значимая культурологическая проблема, сформулированная О. Шпенглером как *феномен* множества органических форм культур, явления которых «разговаривают» на разных языках, поскольку каждой культуре свойственен строго индивидуальный способ видеть и познавать природу [15]. Для культуры одного народа (этноса, нации) именно взаимопонимание и возможность лёгкого приспособления к культурным кодам в силу традиционных условий совместной жизнедеятельности людей создают латентное информационное пространство культуры. Субъекты конкретной культуры его не «ощущают», они находятся на одном культурном уровне, между ними отсутствует дистанция – *установлено единство* – при генерации и передаче жизненно важной информации.

Вся информация, функционирующая на одном информационном уровне, не требует перекодировки, она понятна всем субъектам и сразу, т.е. функционирует симметрично и трактуется однозначно (идеальная модель). Информационная асимметрия (искажение) возникает, когда информационные процессы охватывают субъектов разных культур, что более соответствует нашей реальности; и даже одна социокультурная общность может дифференцироваться на множество группировок (это показал П.А. Сорокин) с разными информационными уровнями. Тем не менее, если коды культуры действительно складываются исторически, естественным путём, то это значит, что должен формироваться *естественным путём* единый информационный уровень хотя бы на основе культурной идентичности. Каж-

дый человек в многомерном пространстве культуры осознанно делает свой выбор: он русский, белорус, украинец, еврей или араб ... Здесь национальное имя – это не столько идея (хотя и это важно!), сколько «маркер», позволяющий человеку определить свой социокультурный статус; это аттрактор, притягивающий людей одного информационного уровня к созидаанию – к формированию своего культурного пространства.

Информационный уровень – это латентно ограниченное информационное пространство агента информационного процесса (субъекта культуры) с многомерно кодированной, но однозначно читаемой информацией. Данный конструкт выступает как пространство информационного бытия условно изолированной социокультурной системы, функционирующей самостоятельно, но являющейся составной частью (подсистемой) более сложного системного формирования. Информационное единство здесь формируется только на основе той или иной информационной причины – идеи, выступающей системообразующим фактором. Главным условием существования единого информационного уровня мы считаем отсутствие «чуждых кодов» (понятие Д.И. Дубровского [4]) как непонятной или недоступной для восприятия информации. Поскольку информация всегда кодированная, а код не связан подобием с содержанием, то информация в форме «чуждого кода» (непонятная) требует от субъектов информационных процессов дополнительных операций перекодирования, преодоления информационных барьеров, разграничивающих различные информационные уровни. На одном информационном уровне это не требуется, а сам механизм кодирования здесь не имеет принципиального значения. В результате своеобразного перекодирования наблюдается процесс постепенного «приспособления» человека к внешнему миру, к новому информационному уровню.

Многомерные коды – культурные и субкультурные, этнические, политические, религиозные, этические, эстетические, языковые и т.д. – играют важную роль при формировании информационных уровней и барьеров в социокультурном пространстве. В любом социуме формируется гиперструктура информационных уровней, жёстко не изолированных между собой, фрагментарно взаимодействующих в нелинейных вероятностных информационных процессах. Появление новых информационных уровней мы объясняем информационной причинностью – той или иной новой идеей, котор-

рая в действительности становится системообразующим фактором единства групп, творческих коллективов, социальных структур, общностей, партий, международных сообществ и т.п.

Список использованных источников

1. Берестова Т.Ф. Информационное пространство библиотеки: науч.-метод. пособие / Т.Ф. Берестова. – М.: Либерея–Бибинформ, 2007. – 240 с.

2. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие / Е.Л. Вартанова. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 334 с. – [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibli-otek_Buks/Gurn/Vart/index.php. – Дата доступа: 11.04.2015.

3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в живом и машине / Н. Винер. – М.: Советское радио, 1958. – 215 с.

4. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект / Д.И. Дубровский. – М.: ИД Стратегия-Центр, 2007. – 272 с.

5. Кедровский О.В. Информационное пространство России / О.В. Кедровский // Информационные ресурсы России. – 1994. – №4. – С. 2–3.

6. Колин К.К. Информационный подход как фундаментальный метод научного познания / К.К. Колин. – М.: Рос. акад. естествен. наук; Институт фундамент. и прикладной информатики, 1998. – 22 с.

7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

8. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность / И.В. Мелик-Гайказян. – М.: Наука. Физматлит, 1998. – 192 с.

9. Ниязова Г.М. Современное информационное пространство полиэтнического региона: этнолингвофункциональный подход: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.19 / Г.М. Ниязова; Тюмен. гос. ун-т. – Краснодар, 2008. – 44 с.

10. О Концепции формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств: Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств, 18 окт. 1996 г. – [Электронный ресурс]. – 1996. – Режим доступа: <http://www.spravka-jurist.com>. – Дата доступа 11.06.2015.

11. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефлбук, К.: Ваклер, 2000. – 352 с.

12. Сарака С.М. Архітэктоніка інфармацыйнай прасторы беларускай культуры XIX – пач. XX ст.: [манаграфія] / С.М. Сарака. – Наваполацк : ПДУ, 2012. – 292 с.

13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

14. Сороко С.М. Алгоритм информационного подхода в культурологическом исследовании / С.М. Сороко // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. Е. – 2014. – № 15. – С. 94–98.

15. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер. – М.: Академ. проект, 2009. – Т. 1: Образ и действительность. – 648 с. – [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/blog/2009/01/13/>. / – Дата доступа: 04.04.2015.

16. Ефремов В.Я. Синергетика и познание исторической правды (некоторые заметки в осмыслении проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 62-70.

17. Радионенко А.Г. Историческое сознание – неотъемлемая часть духовности современной армии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 64-67.

Soroko S.M.

**INFORMATION LEVEL
OF SOCIOCULTURAL SPACE**

The basic idea is put forward, that nowadays sociological and culturological knowledge don't need to be differentiated; sociocultural space is multidimensional field; it is possible to analyze it from different points of view and perspective. There are the «information level» is introduced as a scientific term with information approach assistance in the article. The information level is an element of information space latently limited by information barriers and has multifariously coded but monosemanticly readable information.

Keywords: *information, cultural code, sociocultural space, information space, information level, information approach.*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье раскрываются вопросы ведения информационной войны против России и ее истории. Цели и задачи информационной войны по изменению исторического самосознания народов России, изменения нравственных и моральных устоев завязанных на историю государства.

Ключевые слова: информационная война, пропаганда, идеология, исторический опыт.

Современная политика имеет только одно, но весьма существенное, отличие от политики прошлого: раньше уничтожали страны и экономики-конкуренты военным путем. Сейчас хаос сначала сеют в головах людей, а уже после он приходит на улицы. Основное оружие сегодня не танки и не ракеты, а «независимые журналисты» и СМИ. События на Украине наглядно показали, как можно изменить сознание обычных людей, если два десятилетия вести целенаправленную пропагандистскую работу.

Но США и их огромная пропагандистская машина на этом не остановятся. Им нужен весь мир, они хотят контролировать все и вся. А значит, им необходимо посеять разруху в голове каждого, заполнить ее лживыми ценностями, высмеять важное, создать нужную иллюзию.

Информационная война идет не переставая. Ее цель – каждый из нас.

Как просто и ясно можно выразить суть мировой геополитики в одном предложении. Испытания, выпавшие на долю России в XX в., не случайны. Россия – это 40% мирового запаса полезных ископаемых, это одна шестая часть суши и всего лишь 2% населения Земли. Кому из конкурентов на мировой арене понравится такое господство.

Как только Россия вышла на международную геополитическую сцену, она тут же привлекла внимание давно застолбивших себе место на карте мира стран. С определенной периодичностью стали появляться труды в духе «Записок о Московии» австрийского посла С. Герберштейна. Конечно, тогда у лидирующих стран Европы была вполне конкретная задача – «цивилизовать» «дремучую» Россию, обратив ее в католичество. Разного рода «мастера» пера старались так упорно, что образ России

как страны, где медведи на улицах столицы зимы напролет играют на балалайках и пьют водку, сохраняется в сознании западного обывателя и по сей день.

Исторический опыт показал нашим геополитическим конкурентам, что атакой, как говорится, «в лоб» Россию не победить. Куда как выгоднее одурманить народ, а еще лучше – власть имущую элиту, которая при должном уровне морального нигилизма сама с радостью может с потрохами продать все, что только возможно.

Мы потерпели поражение в холодной войне. Не в последнюю очередь благодаря предателям национальных интересов, вставшим у властных рычагов управления страной после убийства Сталина. Это привело к тому, что в итоге процесса деградации государства, известного под названием «перестройка», наша страна капитулировала, потеряв не только большую часть накопленного потенциала, но и территориальную целостность. Более того, утратив суверенитет, мы стали идеологическими рабами чуждых нам идеалов. В результате под информационный удар попало целое поколение, которое в современном мире принято называть «поколением Pepsi».

В последние несколько лет ситуация в обществе заметно изменилась. Причиной тому стала очередная фаза информационной войны против России, с которой наши геополитические конкуренты сильно переборщили. Да и государство вновь возымело силу говорить о национальной идее, шаг за шагом отвоевывая право на политический суверенитет. Поэтому есть вера в то, что наша страна возродится и потери русской цивилизационной идентичности удастся избежать.

Среди ваших знакомых наверняка есть люди, чьи взгляды на место и роль России в современном мире сформированы на основе исторических мифов, западных (и некоторых наших) кинофильмов, компьютерных игр и отрывочной информации из Интернета. Такая опасная, даже гремучая смесь мифологизированного мировоззрения часто является причиной того, что человек «стыдится своей Родины» и мечтает о жизни «где-нибудь в другой стране». Это и есть типичная жертва информационной войны. Человек, который не по своей

вине стал презирать себя за то, что он русский.

Первый признак воздействия извне – полный хаос в голове. Ведь мифы в большинстве своем действуют на эмоции, сбивая человека с толку, уводя в сторону от реальных фактов, не давая увидеть реальное полотно истории. Конечно, это не исключает того, что разные люди придерживаются различных взглядов. Но когда у человека нет системы ценностей, базы знаний, он намного проще принимает любую информацию на веру.

В XX в. на долю России выпало множество испытаний – несколько революций, мировых и локальных войн, целых три государственных строя. Естественно, все это усилило старые и породило новые расколы в обществе. И прежде всего на этих расколах играют наши геополитические конкуренты, внося смуту в происходящее.

Монархическая Россия осталась где-то в прошлом. Память о ней живет в сердцах миллионов граждан, в Русской православной церкви. Однако некоторые люди чересчур идеализируют так называемую историческую Россию. Да, в ней было много хорошего, чего уже не вернешь, но было и то, что привело, при помощи внешних сил, к уничтожению страны. Советский Союз, после того как очистился от пятой колонны, смог ценой колоссальных человеческих жертв за 10 лет стать сильнейшей мировой державой, одержавшей Победу над нацистской Германией. Однако после смерти Сталина и прихода к власти Хрущева, власть от народных Советов перешла в руки партийного аппарата. В итоге за пару десятков лет государство загнило и стало дурно пахнуть.

Взращенные по плану Лиоте агенты влияния пришли к власти в Советском Союзе и вместо реальных действий по улучшению ситуации в стране просто уничтожили ее. В итоге огромное государство было разделено на множество частей, над которыми установился протекторат Соединенных Штатов Америки. Началось беспрецедентное разграбление страны.

И сегодня, прожив пятнадцать лет в XXI в., мы наблюдаем, как страна восстанавливается из руин. Да, существует множество социальных болезней, тянущихся из прошлого. Но одно ясно точно: нельзя изменить страну, заменив одного чиновника «более продвинутым» другим. Устойчивого развития можно добиться только путем укрепления идеологии. Не поэтому ли согласно ч. 2 ст. 13, написанной при помощи американских советников, Конституции любая идеология в нашей стране запрещена?

Многие из нас часто слышат слово – идеология, но далеко не всегда понимают, что оно означает. По большому счету это происходит из-за того, что при потерянной в прошлом веке идеологии советская государственная машина пыталась его, так сказать, привить. Перестарались. И только последнее время в стране стала возрождаться и продвигаться идеология не связанная с политическими направлениями и воззрениями, это идеология патриотизма.

Так что же такое патриотизм? Говоря простым языком, это любовь к Родине. Но любовь для каждого человека индивидуальна, хотя общее представление о ней, в общем, является схожим.

Широта кругозора всегда привносит объективность в раскрытие любого вопроса, поэтому обратимся к нескольким источникам для определения понятия «патриота».

Словарь Ушакова: «ПАТРИОТ, патриота, м. (греч. patriotes – земляк) – человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины».

Почивший святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II: «Патриотизм, несомненно, актуален. Это чувство, которое делает народ и каждого человека ответственным за жизнь страны. Без патриотизма нет такой ответственности. Если я не думаю о своем народе, то у меня нет дома, нет корней. Потому что дом – это не только комфорт, это еще и ответственность за порядок в нем, это ответственность за детей, которые живут в этом доме. Человек без патриотизма, по сути, не имеет своей страны. А «человек мира» – это то же самое, что бездомный человек».

Можно привести еще дюжину цитат, но этого достаточно, чтобы понять суть сказанного.

Патриотизм – это любовь к Родине, которая основа на знании ее подлинной истории. Подлинная не значит хорошая или плохая. Где-то какие-то моменты скрыты от глаз, а какие-то приукрашены. Подлинная – значит, такая, какой она была. Максимально достоверная.

Историю творят люди. Изучая историю нашей страны, мы всегда проникаемся сопереживанием к людским судьбам. Мы должны уметь прощать исторические ошибки и брать на вооружение лучший опыт того, что было в истории России.

П.А. Столыпин был абсолютно прав, говоря следующие слова: «Народ, не имеющий национального самосознания, – есть навоз, на котором произрастают другие народы».

Пора прекратить оплевывать прошлое своей страны, как это делали сначала большевики, а потом либералы ельцинского покроя. В любом случае в прошлое нам уже никогда не вернуться.

Сегодня крайне важным является воспитание молодежи. Если у человека формируются неправильные нравственные ценности, то изменить их после уже сложно.

Несмотря на то что история хранит много тайн, уже давно известно, что, сдавая большевикам власть, председатель Временного правительства А.Ф. Керенский уехал из Петрограда на машине американского консула и остаток жизни провел в США, а один из «отцов революции» Л.Д. Троцкий приплыл на пароходе из тех же США с группой людей, которые потом быстро заняли ключевые посты в постреволюционном правительстве.

Говорить о том, что к столь значимым переменам в жизни страны в нужный момент не прикладывали руку во имя собственных корыстных интересов извечные геополитические соперники нашего государства, так же глупо, как и утверждать, что только они являлись инициаторами этих перемен.

Историю нужно знать. Историю просто необходимо знать по причине того, что это единственная возможность извлекать уроки из прошлого, чтобы правильно поступать в будущем. Что значит «поступать правильно»? Это значит не совершать тех ошибок, которые зачастую приводят к трагическим последствиям для последующих поколений. Кем бы вы ни были, важно всегда помнить, что от ваших решений в жизни почти всегда зависят другие люди. Для принятия верных решений требуется широкий кругозор. И получить его, бесспорно, можно, только изучая историю.

Но на пути интересующегося историей своей Родины сегодня есть множество подводных камней. Различные «благодетели» нашей страны (наподобие того же Сороса или финансируемых Западом НКО) навывускали учебников по истории, в которых битве под Сталинградом посвящены скудные абзацы, зато высадке «союзников» в Нормандии – целые главы.

Для чего это делается? История показала, что уничтожить Россию можно, только стерев историческую память нашего народа. Сегодня мы наблюдаем опасные плоды этого квазиисторического посева – выросло целое поколение так называемых хипстеров, которым глубоко безразлична история собственной страны, зато куда как важнее поскорее уехать жить за рубеж.

Можно констатировать, что благодаря закону о прозрачности финансирования НКО и сворачиванию работы основных американских фондов, которые спонсировали русофобскую деятельность в России, ситуация в обществе за последний год значительно улучшилась. Люди стали больше интересоваться политикой, осознавать, что происходит в мире. Соответственно, чем больше интерес, тем шире спектр знаний, тем более полная картина мира формируется у человека. Когда кроме дня сегодняшнего человек увлекается историей страны, многие проблемы современности становятся более ясными благодаря историческим параллелям, а пути их решения – очевидными.

Россия – это не просто самая большая в мире страна. Россия – это уникальная многонациональная цивилизация. Поэтому в широком плане понятие русскости является даже не национальным, а цивилизационным. И на примере многих веков российской истории, ее территориального роста мы можем видеть, как Россия принимала в себя все новые и новые народы, бережно сохраняя их этнос и культуру и в то же время приумножая богатство принятых в русскую семью народов общерусскими культурными кодами. В отличие от западных стран, которые всегда поработали и зачищали, в прямом и переносном смысле, свои колонии.

Русский народ всегда был государствообразующим. С нас всегда брали пример. Знали, на кого можно равняться. На кого можно положиться в трудной ситуации.

Однако пелена уничижительных мифов о собственной стране затмила сознание многих в XX в. И это сильно повлияло на судьбу нашей страны. Поэтому в условиях непрекращающейся информационной агрессии по отношению к России мы сегодня должны как никогда дорожить своей историей, верой и культурой. Лишь таким образом мы сможем не только оставаться самими собой, но и стать альтернативой всему западному миру, который неизбежно катится в пучину сугубо материальных, а не духовных благ и ценностей.

Совершенно неправильно после каждого социально-экономического потрясения стараться полностью отказаться от предшествующей истории страны. В любом историческом периоде государственности можно найти и хорошее, и плохое. Не нужно видеть только положительное или только отрицательное. Радикальные взгляды всегда ведут в никуда. Мы обязаны знать и уважать наше прошлое, наши победы и успехи, брать пример с наших предков, передавать память о них из поколения в

поколение. И вот тогда каждый будет гордиться тем, что он русский. Тогда каждый человек, основываясь на примерах истории собственной страны, сможет ясно ответить, почему быть русским почетно.

Мир, в котором мы живем сегодня, является непосредственным продолжением мира вчерашнего. Мы должны не просто оглядываться назад, чтобы знать, что нас ждет впереди. Нам необходимо просеять песок истории нашей страны сквозь собственные пальцы. Отделить факты от вымысла, зерна от плевел. Если таковой еще нет, возвести внутри своего сознания систему ценностей и взглядов, основывающихся на тысячелетней истории нашей страны. Настроить призму внутреннего зрения так, чтобы видеть причины всего того, что происходит вокруг. И тогда информационная безопасность прежде всего нас самих будет обеспечена. А вместе с тем – наших родных и близких.

Список использованных источников

1. *Беляев Д.П.* Разруха в головах. Информационная война против России. – СПб.: Питер, 2015.
2. *Красильников Р.С.* ЦРУ и «перестройка». – М.: Эксмо, 2011.
3. *Хомяков А.* Русское гражданское единство. – М., 2015.
4. *Макаркин Н.П., Фомин Н.Е., Рункова М.К.* Фактор государственной безопасности // Научный, информационно-аналитический журнал «Образование и общество». – 2002. – № 1.
5. *Радионенко А.Г.* Историческое сознание – неотъемлемая часть духовности современной армии //

Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 64-67.

6. *Радионенко А.Г.* Ложь и правда о 22 июня 1941 года // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 68-70.

Tretyak A.N.

THE INFORMATION WAR AGAINST RUSSIA'S HISTORY

In the article the questions of information warfare against Russia and its history. Goals and objectives of the information war to change the historical consciousness of the peoples of Russia, change-governmental character and moral values tied to the history of the State.

Keywords: *information warfare, propaganda, ideology, historical experience.*

УДК 355:122/129

Труханов В.А.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

В статье говорится об эволюции понятия «национальная безопасность» в российской политической науке и практике. Так же автор дает свое понимание этого понятия.

Ключевые слова: *понятийный аппарат, безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, национальное бытие.*

Понятие «безопасность» привлекало внимание исследователей с древних времен как исключительно важное явление общественной

жизни. В различные исторические периоды и эпохи по-разному рассматривалась безопасность людей. На ранних стадиях существования человека безопасность сводилась главным образом к обеспечению его защиты от опасных воздействий природных явлений, от окружающего животного мира. По мере развития и институционализации человеческих сообществ потребовалась защита человека не только от естественных опасностей, но и от создаваемых им самим. Вместе с этим претерпевало эволюцию и сущностное содержание понятия безо-

пасности, дискуссии по которому идут до сих пор. Но автору представляется, что за основу необходимо взять определение философа Платона, который предлагал рассматривать состояние безопасности как «предотвращение вреда» [1, с. 112].

В Российской империи понятие «безопасность» стало употребляться с 80-х гг. XIX в. и имело весьма специфическую направленность. В основном упор делался на «охранение общественной безопасности», как деятельности, направленной на борьбу с государственными преступлениями. В «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. употреблен термин «государственная безопасность» как однопорядковый с термином «общественная безопасность» [2, с. 25].

Важная исходная позиция для определения сущности безопасности в середине XIX в. была высказана В.И. Далем. В его словаре понятие «безопасность» определено как отсутствие опасности, сохранность, надежность [3, с. 67]. В словаре С.И. Ожегова дается следующее определение: «безопасность – это состояние, при котором не угрожает опасность» [4, с. 47].

Кроме этого, для нас определенным научным интересом представляет формулировка, которую дал А. Уолферс, характеризующий безопасность, в объективном плане, как отсутствие угроз приобретенным ценностям, в субъективном – отсутствие страха в отношении того, что этим ценностям будет нанесен ущерб. Из данного определения вытекает, что безопасность – это условие существования государства, общества и личности, которое позволяет сохранить накопленные ценности.

В СССР «безопасность» фактически отождествлялась с государственной безопасностью. В советский период термин «государственная безопасность» был введен в нашей стране в апреле 1934 г. при образовании в составе НКВД Главного управления государственной безопасности.

В кон. XX в. в российской науке возникли дискуссии о сущности понятий «безопасность», «национальная безопасность». В частности профессор В.И. Митрохин под безопасностью предлагал понимать меру защищенности среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом [5,23].

Свое понимание безопасности дал коллектив ученых во главе с профессором В.В. Серебрянниковым, где «безопасность есть дея-

тельность людей, общества, государства, мирового сообщества, народов по выявлению (изучению), предупреждению, ослаблению, устранению (ликвидации) и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития» [6, с. 23]. Но здесь, на наш взгляд, речь, скорее всего, идет не о самой безопасности, а об определении процесса ее обеспечения. Ведь безопасность – это, прежде всего состояние, имеющее определенные параметры и характеристики, а деятельность лишь направлена на достижение и поддержание этого состояния. Следует отметить, что это состояние не статичное, а находящееся в динамике.

Опираясь на приведенные толкования, учитывая реалии нашего времени, можно согласиться, что безопасность означает отсутствие опасности, защищенность объекта, системы от действий деструктивных сил, ее способность противостоять им.

В российской политической практике в концептуальном плане официальная попытка определения понятия безопасности была предпринята в Законе Российской Федерации «О безопасности», введенном в действие Постановлением Верховного Совета 5 марта 1992 г. Ст. 1 этого закона определяла безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [7].

Данный подход в определении сущности безопасности позволил отойти от узкой трактовки советского периода в изучении и функционировании безопасности, под которой понималась исключительно государственная безопасность. Термин «национальная безопасность» впервые в постсоветской России был использован в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» от 1995 г. Свое дальнейшее развитие понятие «национальная безопасность» получило в «Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» «Россия, за которую мы в ответе» от 13 июня 1996 г. В нем, в частности, отмечается: «...Безопасность личности, безопасность семьи, национальная безопасность, состыкованные с региональной и всеобщей коллективной безопасностью, – вот путь развития России в XXI в. При этом национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспе-

чивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства [8,8].

Применительно к России термин «национальная безопасность» охватывает всю совокупность входящих в нее наций и национальных групп. Что было закреплено законодательно в Концепции национальной безопасности РФ: «национальная безопасность Российской Федерации это безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [9].

Таким образом, в Законе, а затем в Концепции и Стратегии национальной безопасности был закреплен принципиально новый для нашей страны качественный скачок в подходе к проблеме безопасности, что проявилось в приоритете, прежде всего интересов личности и общества. По своему содержанию понятие «безопасность», описанное в Стратегии, более соответствует принятому в мировой практике термину «национальная безопасность». В настоящее время данное понятие приобрело следующее выражение: «национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [10].

Но некоторые современные российские исследователи данной проблемы считают принципиально важным, чтобы при формировании и проведении в жизнь политики и стратегии национальной безопасности, приоритет отдавался не защите, а последовательной, твердой и эффективной реализации ценностей и интересов в обстановке различных опасностей и угроз [11, с. 40]. Данное положение важно также и тем, что приоритет функций реализации национальных интересов перед их защитой позволяет придать политике и стратегии национальной безопасности активность, наступательность, а значит и результативность.

Исходя из вышесказанного, автор предлагает рассматривать национальную безопасность как *защиту национального бытия через реализацию интересов, ценностей и целей* [12, с. 101].

Данное определение национальной безопасности было дано автором в диссертационном исследовании в 2003 г. Прошло более де-

сяти лет и вот в Стратегии национальной безопасности России мы находим осознание того факта, что национальное бытие стало объектом разрушения и его действительно необходимо защищать, в том числе и через продвижение национальных интересов России. В Стратегии появился целый раздел «Культура», где говорится, что «стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются: сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны» [10, с. 76].

Кроме того, отмечаются угрозы национальной безопасности в области культуры: «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посяательства на объекты культуры» [10, с. 79].

Таким образом, можно заключить, что понятия «безопасность», «национальная безопасность» в российской политической науке прошли достаточно сложный путь, еще не до конца оформившийся. Что вполне закономерно, так как в разные исторические эпохи выявляются различные, все более качественные угрозы, требующие адекватного теоретического обоснования функционирования системы национальной безопасности, в структуре которой важное место занимает понятийный аппарат.

Список использованных источников

1. Платон. Сочинения. В 3 т. – М., 1971; Т.3. ч. I. – С. 112.
2. Общая теория национальной безопасности: Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева. – М.: Изд-во РАГС. 2005. – С. 25.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2-х т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 67.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990. – С. 47.

5. Митрохин В.И. Концептуальные основы стратегии национальной безопасности России // Социально-политический журнал. – 1995. – №6. – С. 23.

6. Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И. Безопасность России и армия. – М.: РАН, 1995. – С. 63.

7. Закон РФ от 5 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности»//Российская газет 1992 г. 2 мая, ст. 1. (признан не действующим Федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности»).

8. Послание Президента РФ по национальной безопасности Федеральному Собранию. – М., 1996. – С. 8.

9. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. – 2000. – №1(174). – 14–20 января.

10. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683 // <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 30 января 2016 г.)

11. Манилов В.Л. Национальная безопасность: ценности, интересы и цели // Военная мысль. – 1995. – №6. – С. 40.

12. Труханов В.А. Система национальной безопасности: влияние социального фактора (на примере казачества): дисс. ... д-ра полит. наук. – Саратов: СГУ, 2003. – С. 101.

13. Ганчар Г.М. Национализм как научная проблема современного культурологического знания // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-

экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 49-52.

14. Ефремов В.Я. Синергетика и познание исторической правды (некоторые заметки в осмыслении проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 62-70.

Trukhanov V.A.

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «NATIONAL SECURITY»

The article talks about the evolution of the concept of «national security» in Russian political science and practice. Also the author gives his understanding of this concept.

Keywords: *the conceptual framework, safety, national security, state security, national Genesis.*

УДК 316.752

Узакова С.А.

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ В ПАРАДИГМЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

В настоящей статье рассматриваются ценности современной семьи с позиций социального конструктивизма, раскрывается логика движения от моностилистической к полистилистической культуре, выявляются некоторые механизмы конструирования системы ценностей общества.

Ключевые слова: *семья, ценности, культура, социальный конструктивизм, дискурс, семейная политика.*

Социоструктурные и социокультурные системы государств постсоветского блока, в том числе России и Казахстана сегодня меня-

ются, меняются устоявшиеся на протяжении многих лет ценности, традиции, установки, идеологии, жизненные стили и семейные формы. Распад прежней системы ценностей и, казалось бы, спонтанное формирование новых смысловых и ценностных кодов на самом деле имеет свою логику. В данной статье мы попытаемся раскрыть эту логику, понимаемую как движение от моностилистической к полистилистической культуре, выявить некоторые механизмы и алгоритмы конструирования системы ценностей общества, в том числе семейных ценностей.

Рамочной моделью для раскрытия этих задач является социальный конструкционизм, предложенный П. Бергером, Т. Лукманом. Авторы концепции обращались к семиотике и обращали особое внимание на язык (в нашем понимании дискурсе) как важнейшую знаковую систему общества. Посредством языка, официальных и традиционных дискурсов смыслы создаются и транслируются. Дискурсы и язык формируют значения, мнения, семантические поля и смысловые зоны. В русле теории конструктивизма наш опыт следует понимать как нечто, что объективируется, опривычивается и передается из поколения в поколение как общественный запас знаний и ценностей. В этом контексте анализ системы семейных ценностей выглядит как исследование языковых репрезентаций относительно семьи, семейных ролей и ценностей. Важно понять и исследовать какие образы нормальной/не нормальной, идеальной/проблемной семьи преобладают в обыденном и официальном дискурсе. Этот подход предполагает выявление того, какие семейные ценности и формы семейных отношений конструируются в социуме с помощью СМИ, официальной и бытовой риторики.

Социальный конструкционизм развивает субъективное толкование семейных ценностей и акцентирует внимание на социальном или договорном происхождении ценностей в пространстве публичного дискурса. С одной стороны семейные формы и ценности легитимизированные обществом имеют договорной характер, с другой стороны они хабиутализируются и передаются из поколения в поколение, определяя процесс социализации. В этой связи неизбежно возникает дилемма о первичности – внешней (объективной, социальной) или внутренней (субъективной, личностной) обусловленности процесса формирования семейных ценностей и норм семейных отношений. Вообще проблема внешних и внутренних детерминант развития семейных ценностей является одним из основных вопросов философии, а затем и социологии. Диалектический материализм серьезно рассматривает соотношение внутренних и внешних факторов формирования смыслов, действий, социальных фактов и конструктов. Следует отметить, что изучение внешних факторов связано с процессом социализации и усвоения норм, правил, смыслов и ценностей окружающей (социальной) среды, тогда как анализ внутренних факторов включает феноменологические объяснения и опе-

рирует понятиями личность, личностный выбор, человеческие особенности. На первый взгляд, деление факторов социального конструирования семейных норм и ценностей на внешние (социальные) и внутренние (личностные) оправданно и продуктивно, поскольку объединяет разновидности ресурсов и условий формирования норм и ценностей. Вместе с тем, при более глубоком анализе данной типологии мы наблюдаем взаимовлияние и целостность связи внутренних и внешних факторов конструирования правил и порядков в системе семейных отношений. Так, социальные установки и ожидания от семьи, ценностные ориентации в семейной сфере, внутри личностные ожидания от мужа/жены и прочее – это, несомненно, внутренние факторы и паттерны личности. Однако эти установки и ценностные ориентации являются структурно обусловленными и сформированными в процессе воспитания, социализации личности и социальной адаптации личности. В итоге внешние факторы (влияния социальной среды) воздействуют на внутренние факторы (личностные паттерны и особенности) и обуславливают структуру семейных ролей, ожиданий и ценностей. Таким образом, мы полагаем, что первичны и доминируют внешние факторы конструирования системы семейных форм, норм, ролей и ценностей.

О роли внешних, социально-средовых факторов рассуждали еще древние мыслители. Высоко оценивая роль социальной среды мыслители древности и средних веков (Гельвеций, Дидро), приходя к заключению, что изменить человека, можно лишь изменив среду. Британские мыслители Р. Оуэн и Д. Локк, указывая на решающее влияние среды, как чего-то неизменного, фатально предопределяющего судьбу человека, при этом рассматривали самого индивида как подвергающегося влиянию. О социальной обусловленности деятельности человека много написано в социально-педагогической и социально-психологической литературе (Л.С. Выготский [1], А. Макаренко, В. Сухомлинский). Однако социум состоит из людей, хотя и не сводится к сумме личностей, следовательно, чтобы изменить общество и его системы норм и ценностей, необходимо изменить индивидов. Согласно теории конструктивизма человек отнюдь не пассивный продукт среды, он активный агент ее изменений и источник конструирования новых норм, смыслов и ценностей. Изменяя среду и формируя новые ценностно-нормативные поля индивид тем са-

мым изменяет самого себя. Люди формируют дискурсы, посредством которых конструируются новые понимания, отношения и смыслы.

Дискурсом принято называть способ организации или конструирования знания о каком-нибудь предмете или явлении, иными словами это набор идей, образов и практик, которые задают форму знанию о чем-либо, конструируются способы обсуждения и рассуждения о чем-либо, формируется образ нормы и отклонения от нормы.

О доминирующем значении общественных дискурсов в жизни социума писал Э. Дюркгейм, более того классик понимал общество как совокупность идей, убеждений, а, следовательно, способов представления о явлениях предметах, то есть дискурсов. Дюркгейм утверждал, что духовная жизнь как неотъемлемая составляющая общественной жизни основывается на коллективных представлениях, которые превосходят наше индивидуальное сознание. Соответственно, общественные дискурсы по Дюркгейму, это часть коллективных представлений. Однако эти конструкты совершенно объективны и существуют независимо от индивидуального сознания. Дюркгейм писал: «Для нас совершенно очевидно, что материя социальной жизни не может объясняться чисто психологическими факторами, то есть состояниями индивидуального сознания. Действительно, коллективные представления выражают способ, которым группа осмысливает себя в своих отношениях с объектами, которые на нее влияют» [2, с.390]. Таким образом социальные конструкты (в частности дискурсы как их элемент) являются определяющими в саморефлексии индивида как члена социума.

Обоснование теоретических основ влияния общественного дискурса на формирование системы семейных ценностей требует от нас обращения к понятию солидарности, также обоснованном в работах Э. Дюркгейма [3, с.14]. Именно солидарность, согласно классике, создает систему общих ценностей и представлений, формирует коллективное сознание. Форма солидарности определяется структурой общества. Механическая солидарность существует в архаичных и традиционных обществах, где интересы целого, коллективного, общественного доминируют над интересам и ценностям отдельной личности. Органическая солидарность характерна для более сложных и современных обществ, в которых высшая

ценность приписывается индивиду, личности, утверждается социальная справедливость и равное гражданство. Очевидно, что недискриминационные и поликультурные дискурсы семьи и семейных норм могут конструироваться в условиях сформированности органической солидарности. В этом случае провозглашаемая и разделяемая членами общества ценность отдельной личности, ее предпочтений и особенностей формирует в общественном мнении позитивные установки относительно вариативности семейных форм, ценностей и норм. Современное общество давно перестало быть обществом механической солидарности, однако сегодня мы можем наблюдать возрождение традиционализма в форме конструирования преобладания общественного над личным, социально необходимого и одобряемого над индивидуальным выбором и предпочтениями личности. Речь идет о дискурсах, формирующих стереотипы вокруг полиэтнических, нетрадиционных, ассиметричных по возрасту форм семьи и брака. Применительно к нашим задачам исследования это положение подтверждает мощное влияние общественного дискурса на систему ценностей индивида, в т.ч. систему ценностных установок и представлений о семье и браке.

Таким образом, общественный дискурс семьи и семейных ценностей связан с процессом социального конструирования реальности, то есть укоренных в социокультурных практиках способов восприятия семейных форм и ценностных ориентаций. По мнению ученых (П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой), изучающих область конструирования социальных проблем «эти практики исторически возникают в культуре, повседневности, однако, постепенно, с возникновением и развитием государства всеобщего благосостояния, переформируются во властные дискурсы государства и регулирующих институтов, направляют характер стигматизации (наклеивания «ярлыков» инаковости и неполноценности), нормирования и оценивания» [4, с. 6].

Итак, дискурс о семье и семейных ценностях является составной и неотъемлемой частью семейной политики государства. Это своего рода стратегия влияния государства на индивидуальное поведение людей в интимно-семейной сфере, стратегия управления человеческими ресурсами с целью решения коллективных, государственных задач. Указанные

стратегии реализуются путем конструирования идеологии, которая находит отражение в масс-медийном и широком, общественном дискурсе. Данные дискурсы в значительной степени определяют представления о семейных нормах, приоритетных ценностях внутри семьи, формируют идеальных образ семьи и брака. Зачастую эти сформированные представления не вписываются в логику поликультурного общества, а скорее находятся в поле традиционализма и патриархатной системы ценностей.

СМИ играют огромную роль в конструировании эталонов и образов, в продвижении их на масс-медийном рынке. Сегодня именно средства массовой информации стали каналом в значительной степени конструирующим социальные, в том числе семейные ценности. Образ семьи, транслируемый в СМИ, во многом задает актуальные модели семейного поведения, формирует моду и образы-эталон семьи и семейных ролей. Люди, идентифицируя себя с медийными персонажами подсознательно подражают эталонам семьи, рекламируемым СМИ. Созданные образы семьи выполняют социальные функции ценностной ориентации.

Список использованных источников

1. *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры / под ред. М.Г. Ярошевского. – М., 1996.
2. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. – М., 1993.
3. *Дюркгейм Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995.
4. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. – Саратов, 2006.

Uzakova S.A.

MODERN FAMILY VALUES IN THE PARADIGM OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM

In the present article is considered the values of a modern family from positions of social constructivism and is showed the logic of the movement from monostylistic to polystylistic culture, is observed some systemic designing mechanisms of society's values.

Keywords: family, values, culture, social constructivism, discourse, family policy.

УДК 355:271.2

Хабибулин Р.Г., Никитина Ю.Е.

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ И ВОИНСКОМУ ДОЛГУ

В данной статье рассматривается отношение Русской Православной Церкви к военной службе и воинскому долгу. Во все времена Русская Православная Церковь рассматривала защиту отечества как священный долг каждого христианина и благословляла своих чад на ратный подвиг.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, военная служба, воинский долг, священник, воин.

Отношение Церкви к войне и к воинскому служению прошло сложный путь развития: от отрицания самой возможности военной службы для христианина в I–III вв. по Р.Х. до провозглашения защиты Отечества священным делом каждого верующего.

Союз служителей веры и армии начал формироваться с первых веков христианства на Руси. Ведь русское воинство понимали не иначе как святую доблестную рать, называя его «христоролюбивым». В церковном языке слово «воин» имеет особое значение. Об уважении Православной Церкви к воинству свидетельствует и то, что, когда за богослужением поминаются живые и усопшие, из всех мирян только к именам военнослужащих прилагается их звание – воин. За каждым своим богослужением Русская Православная Церковь молится о властях и воинстве своей державы. Смысл такого литургического внимания к защитникам Отечества и властям предрержащим состоит в

том, что от них в большей степени, чем от кого-либо другого, зависит судьба народа и государства, судьба людей, наконец, сам священный и драгоценный дар - человеческая жизнь. Церковь ежедневно возносит молитвы об упокоении душ всех на поле брани живот свой положивших.

Среди святых, почитаемых Православной Церковью, целый сонм воинов. Среди них Феодор Стратилат, Димитрий Солунский, небесный покровитель русского воинства Георгий Победоносец, великие русские полководцы святые благоверные князя Александр Невский и Димитрий Донской, святые князя страстотерпцы Борис и Глеб, князя Михаил и Глеб Черниговские и др.

Церковная жизнь близка армейскому укладу жизни. Их роднит строгая иерархическая подчиненность, деятельность Церкви и армии регулируется уставом. Церковное служение это служение Богу, служение армии – защита Отечества. И то и другое служение жертвенное и высшее проявление этого жертвенного служения в армии и церкви называется подвигом.

Как же в действительности смотрит христианство на вопрос службы в армии? По своему происхождению война является следствием уклонения от общения с Богом. Согласно Ветхому завету, войны начались с братоубийством Каина. И пока каиновы чувства в сердцах людей не исчезли, считает Православная Церковь, пока будет существовать и господствовать на земле грех, пока живут и действуют в свободном человеке его страсти, будут и войны. Обосновывая неизбежность войн, Церковь, разумеется, опиралась на Библию: «Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть» (Мк. 13: 7). Причем, когда перед концом мира грех достигнет наивысшего развития, войны будут очень велики: «Зрите не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти. Восстанет бо народ на народ и царство на царство» (Мф. 14: 6–7). А раз войны неизбежны, государству необходимо к ним готовиться: создавать армию, производить и запасать оружие, строить крепости и т.д. Только военная сила и постоянная готовность к отпору агрессора позволяют государству жить в мире. Известный богослов середины XIX в. митрополит Московский Филарет (Дроздов) учил: «Бог любит добродушный мир, и Бог благословляет праведную войну. На земле всегда есть немирные люди, посему нельзя наслаждаться миром без помощи военной». Христос, проповедуя мир и любовь, терпение, послушание властям и перенесение

личных обид, не отвергал возмездие за причиненное зло, в т.ч. и с использованием военной силы, «ибо все, взявшие меч, мечем погибнут» (Мф. 26: 52). Прежде всего, эти слова, сказанные им апостолу Петру, обозначают предостережение всякому, поднимающему меч на другого. Известный русский православный философ И.А. Ильин, посвятивший этой проблеме ряд работ («О сопротивлении злу силою», «Основное нравственное противоречие войны», «О христолобивом воинстве»), считал, что «сопротивление злу силою и мечом не является грехом всюду, где оно объективно необходимо или, что то же, где оно оказывается единственным или наименее несправедливым исходом». Воин получает от государства, от народа или от царя великую честь – защищать Родину. Он получает право ношения и использования оружия, почет и особые привилегии. Он защищает государственный порядок, установленный не людьми, а Самим Богом, «ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению... Начальник есть Божий слуга, тебе на добро... отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13: 1–4). И, таким образом, воинское служение становится исполнением Божественной воли, а долг служения – священным долгом. И за исполнение или неисполнение своего воинского долга воин получает воздаяние от Бога – вечную жизнь или вечную смерть. Опираясь на Новый Завет, Церковь разъясняла, что христианин может быть воином и участвовать в войнах и это не противоречит учению Христа. В Библии нет ни одного осуждения Христом солдат, подобно тому, которое он изрек в отношении торгующих на территории храма (Ин. 2: 16). Напротив, когда воины пришли к Иоанну Крестителю за советом, то он сказал им: «Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк. 3: 14). То есть он не повелел им оставить армию, а дал понять, что они должны зарабатывать себе на пропитание ратным трудом, но без жалоб и претензий. Вместе с тем он призвал их к покаянию и запретил использовать оружие и власть в личных целях, например для вымогательства – практики, обычной для римских легионеров того времени [6].

Апостол Павел писал об основных христианских добродетелях, сравнивая верующего именно с воином: «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню

праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6. 14–17). Именно так поступало русское воинство в критические моменты истории. Война сопряжена с гибелью и страданиями людей, поэтому должны быть испробованы все мирные способы разрешения конфликта. Во время ведения войны христианская гуманность требует милосердия к пленным и раненым.

Русская православная церковь всегда рассматривала защиту Отечества как священный долг. При этом в качестве аргумента чаще других приводятся известные слова Христа: «ет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Православные священники и монахи «с мечом шли на рать» в исключительных случаях, защищая свое Отечество от вероломного врага. Средневековая летопись сохранила немало подобных примеров. Так, поп Иванко Леген, дружинник новгородского воеводы Ядрея, был убит в бою на Югре в 1193 г. [2, с. 41]. В 1234 г. храбрый поп Петрило принял участие в отражении набега литвинов и погиб под стенами Старой Русы [2, с. 73].

Подступы к городам от вражеских набегов защищали и монастыри. Русские дружины шли в бой с благословения Церкви, под святыми знаменами и заступничеством чудотворных икон. Вера для них имела огромное значение. Она вселяла уверенность в победе, в правоте своего дела. История сохранила немало тому примеров. Наиболее яркий из них – Куликовская битва, которая произошла в день праздника Рождества Богородицы.

В «Сказании о Мамаевом побоище», повествующем о Куликовской битве, дается следующее описание. Князь Дмитрий Иванович приезжает в Троицкий монастырь к своему духовному отцу старцу Сергию. «Князь же великий сказал: «Дай мне, отче, двух воинов из своей братии – Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябу, тем ты и сам нам поможешь». Старец же преподобный велел тем обоим быстро сготовиться идти с великим князем, ибо были известными в сражениях ратниками, не одно нападение встретили. Они же тотчас послушались преподобного старца и не отказались от его повеления. ...И передал [он] их в руки великого князя, и сказал: «Вот тебе мои воины, а твои избранныки», – и сказал

им: «Мир вам, братья мои, твердо сражайтесь, как славные воины за веру Христову и за все православное христианство с погаными полковцами» [4, с. 147].

«Войско готово. Иди, и ты победишь», – молвил отец Сергей и вручил Димитрию икону Божией Матери. (Памятуя историю, перед вводом 8-го гвардейского корпуса в Чечню генерал Лев Рохлин принял крещение в Казанском соборе Волгограда у отца Алексия. Примеру командира последовали многие офицеры и солдаты, как известно этот корпус при штурме Грозного понес наименьшие потери).

По совету Сергия Радонежского Димитрий Донской постановил ежегодно совершать поминовение погибших воинов в первую субботу после 26 октября. День этот стали называть Димитриевой субботой. Так возник прекрасный обычай совершать в этот день особый чин поминовения «о православных воинах и обо всех, за веру и Отечество на поле брани убиенных».

Другие памятники литературы второй половины XVI в. свидетельствуют, что во время Ливонской войны и осады поляками Пскова в 1581 г. активное участие в обороне города приняли монахи Печерского и Снетогорского монастырей [4, с. 447–449].

Поистине, религиозность народов России была одним из факторов бесстрашия и побед ее армии. «Воины, вот пришел час, который решит судьбу Отечества, – обращался к своему войску Петр I накануне Полтавской битвы. – Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за Православную нашу веру и Церковь». Император хорошо понимал значение состояния духа. Поэтому, наряду с созданием регулярного войска, в нач. XVIII в. монаршей волей была сформирована основа института военного духовенства. Как известно, своего покровителя в лице святого угодника имел каждый полк. Знамя считалось полковой святыней, как образ, который нужно защищать до смерти. Священной для воина была и присяга. Ритуал ее принятия – на Евангелии – носил религиозный характер. Нарушение присяги считалось большим грехом перед Богом и перед людьми: «Суровый закон, стоящий на страже интересов, покарает клятвопреступника, как негодного гражданина; гнева Божия не минует он за Иудино лобзание Креста и Евангелия» [3].

В марте 1854 г. священник Иоанн Пятибиков во время штурма задунайских тульчинских укреплений после гибели офицеров принял на себя командование подразделением. Священ-

ник Гавриил Судковский 22 сентября 1854 г. воодушевлял артиллеристов, а после гибели расчета сам заряжал орудия, за что был награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. Из 200 священников – участников Крымской войны более двух третей были награждены [1]. Подобные примеры можно продолжить.

Многим известно имя командира крейсера «Варяг» капитана I ранга В.Ф. Руднева, но мало кто знает его однофамильца – корабельного священника отца Михаила Руднева. И если командир управлял боем из бронированной рубки, то Руднев-священник бестрепетно ходил под огнем по залитой кровью палубе, напутствуя умирающих и воодушевляя сражающихся. Так же действовал корабельный священник крейсера «Аскольд» иеромонах Порфирий во время боя 28 июля 1904 г.

Отец Алексей Оконечников был священником на крейсере «Рюрик». В бою корабль получил тяжелые повреждения. Иеромонах оказывал медицинскую помощь военным морякам и исповедовал раненых, отпевал павших, а когда все, оставшиеся в живых, кроме командира, покинули крейсер, готовый вот-вот пойти ко дну, он спустился в боевую рубку, омыл раны командира, помог офицеру добраться до борта и последним бросился в воду [3].

Связь церкви и армии была органичной. Русский публицист и философ С.Н. Булгаков писал: «Русское войско держалось двумя силами: железной дисциплиной, без которой не может существовать никакая армия, да верой. Верой, которая давала ему возможность воевать не за страх, а за совесть. Содержание солдатской веры известно в трех словах: за Веру, Царя и Отечество. Но все эти три идеи нераздельно были для него связаны: вера Православная, Царь Православный, Отечество тоже Православное...» [3].

Церковное право (лат. *jus sacrum*), как известно, признает прецедент как особый вид обычая [5, с. 34]. Очевидно, приведенные примеры и представляют собой этот особый вид обычая – в исключительных случаях защищать Отечество с оружием в руках, несмотря на духовное звание. Однако еще раз оговоримся: таково частное мнение автора этих строк.

Православие традиционно истолковывало военную службу как особый вид христианского служения. В нач. XX в. архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) выразил отношение Церкви к воинскому труду в двух коротких, но емких фразах: «Доколь не водво-

рятся на земле правда и истина, дотоль необходимы вооруженные защитники Церкви и Отечества» и «Звание воина, по самому существу своему, весьма близко к самой высокой степени совершенства христианского». Характеризуя личные качества христолюбивых воинов, он писал, что их отличает «правота побуждений, чистота намерений и прямога действий». Они, «смело поражая врагов веры, царя и Отечества, обязываются не проливать крови понапрасну, не производить разрушения без цели и пользы; не нарушать уважение к тому, пред чем должны равно преклоняться и друзья и враги; быть кроткими к мирным жителям и великодушными к побежденным». Они должны «переносить труды и лишения без ропота, исправлять дело своего звания без лжи и неправды, воодушевляясь при сем не столько чаянием наград земных и отличий временных, сколько упованием венца небесного». Для них важно «уметь отражать не одних врагов Отечества видимых, но и врагов своего спасения невидимых, кои суть наши злые пожелания и страсти; хранить в сердце веру в Царя Небесного и верность Царю земному; послушание к начальникам и любовь ко всем». Воин, любящий Христа, должен быть «кротким, воздержанным, богобоязненным и правдолюбивым. Быть первым в трудах и последним у награды, подвизаться, где можно и за других, но выставляя по окончании подвига не себя, а других». Он «не подвергает себя опасности и смерти без видимой нужды, по единой неразумной отваге или столь же непростительной беспечности, а сражается и умирает по-христиански, переходит на брани в другой мир с чувством смирения и покаяния» [6].

Особенно сильно зазвучал голос Церкви в годы Великой Отечественной войны. Митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), развивая идеи своих предшественников о священном долге защиты Отечества, в обращении к пастве в первые дни Великой Отечественной войны говорил: «Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жаждою грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие неба за кровь и бедствие своих и чужих. Но война – священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу». За два

военных года только Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) обратился с 23 посланиями, в том числе со специальными посланиями к верующим, находящимся на временно занятых противником территориях. В них митрополит Сергей всячески подчеркивал, что всем верующим надо помнить «не о личных опасностях, а о священном долге перед Родиной и верой». Православный воин идет не захватывать имущество или земли и не убивать, но защищать Отечество, не щадя своей жизни ради великой любви к людям, потому что, по слову апостола Иоанна, нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15: 13). Солдаты и офицеры шли на войну и совершали подвиги не во имя личных интересов, не ради почестей, но памятуя о христианском служении, которое понималось как долг перед национальным целым. Русское войско состояло не из наемников, а из граждан, защищавших Отечество. Соответствующее отношение к воинской службе воспитывалось с детства всем настроением окружающей среды [6].

Примечателен в этом плане случай, о котором поведал на страницах газеты «Комсомольская правда» бывший «афганец», назвавшийся просто Анатолием. Однажды, выбив из кишлака банду, его подразделение прочесывало дворы. В одном из них была обнаружена маленькая девочка, которая была крайне истощена и, чуть шевеля губами, просила есть. А у Анатолия ничего не было, чтобы дать ей поесть. Он побежал к товарищам, нашел немного хлеба, горсть изюма и кинулся обратно. Но девочка была уже мертва. Анатолий считает, что если бы он дал хлеба сразу, как ее увидел, то она бы продержалась, не умерла. После случая с девочкой он стал брать с собой на ликвидацию очередной банды, кроме запасов патронов, гранат и кучи других тяжелых и нужных в бою вещей, еще и хлеб. И никогда его назад не привозил. Вот так близко к сердцу воспринимает наш российский солдат чужую беду и старается помочь при первой возможности.

Известно множество случаев, когда воины рисковали жизнью, но не отступали от нравственных норм. Вот один из них. ...Грузовик с мирными афганцами был объят пламенем – подожгли душманы. На помощь попавшим в беду пришли российские воины. Из горящей кабины доносились стоны. Машина могла взорваться в любую минуту, но это не остановило рядового А. Белова. Он бросился к кабине и вытащил из нее раненого водителя. Когда сол-

дат оттащил его на безопасное расстояние, раздался взрыв. Сейчас по-разному оцениваются в обществе и характер этой войны, и ее последствия. Но никому не дано перечеркнуть отвагу и мужество наших воинов, достойно выполнивших на афганской земле свой воинский долг. Они и сегодня продолжают славные боевые традиции русского воинства, Советской Армии, постоянно демонстрируя пламенный патриотизм, высокие морально-боевые и психологические качества. Проходят годы и десятилетия. Одно поколение российских воинов сменяет другое. Меняются оружие и боевая техника, неизменными остаются любовь и преданность вооруженных защитников своему Отечеству, их верность воинскому долгу, честность и достоинство. Верующий в Бога, воспитанный с детства в таком духе, идет служить, отнюдь не рассчитывая на памятник со стороны государства, а, уповая на слова Господа, что ни один волос с головы просто так не упадет. Если надо защищать нашу землю с оружием в руках, значит, нужно эту мужественную профессию освоить без малодушия, без трусости.

Молодые люди, не осознавшие этой вечной проблемы жизни и смерти, не получившие духовного воспитания, идут в армию не подготовленными ни морально, ни нравственно. Вскормленные дешевой пищей массовой культуры, живущие в беспечности, в удовольствиях, в комфорте, в стяжании того, что навязывается в качестве обязательных атрибутов преуспеяния наш мир, они, казалось бы, не имеют корней и задатков мужества. Но, оказавшись в «горячих» точках, очень быстро мужают. И вот те, кто недавно еще готов был уклониться от службы, вкусив суровый хлеб военного братства, увидев армейскую жизнь изнутри, в которой много пота и крови, очень быстро совершают переоценку жизненных ценностей. Те, кто еще недавно ходил с плеером и с очками на затылке по улице, кто потягивал пиво в кафе и барах, мужественно идут на смерть. Оказавшись там, увидев правду жизни, мужают и, если надо, уходят в вечную жизнь с честью [6].

Свое отношение к военной службе и к взаимодействию с Вооруженными силами РПЦ изложила в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (раздел VIII «Война и мир»). Данный документ принят Архиерейским Собором РПЦ в августе 2000 г. и отражает официальную позицию Московского патриархата по важнейшим вопросам общественной и государственной жизни.

В результате более чем тысячелетнего благотворного воздействия православия в нашем народе, в том числе и среди воинства, сформировались высокие моральные принципы беззаветного служения и подвижничества во имя Веры и Отечества, не истребленное и поныне чувство государственно-патриотического и воинского долга перед Родиной.

Даже в годы государственного атеизма и богоборчества наши соотечественники, иногда и неосознанно, поступали в соответствии с православной моралью, которая считает воинское служение, защиту Отечества святым делом. Причем такое отношение было присуще и мусульманам, и представителям других религий и народов России, веками плечом к плечу вместе с русским народом и православными воинами строившим и защищавшим наше общее Отечество. Российское воинство на протяжении всей своей истории было сильно не только боевым искусством, но и одухотворенностью, моральной стойкостью, любовью к Отечеству, верностью воинскому долгу, доблестью, честью и мужеством. Истоком этих прекрасных и высоких морально-боевых качеств является православие. Замечательно сказал об этом Иван Александрович Ильин: «...Православное учение о бессмертии личной души, о повиновении высшим властям за совесть, о христианском терпении и об отдаче жизни «за други своя» дало русской армии все источники ее рыцарственного, лично-бесстрашного, беззаветно послушного и все преодолевающего духа, развернутого в ее исторических войнах...» [7].

И в наши дни боевое братство, готовность жертвовать собой за товарища остаются отличительной особенностью воинов России. Десантники 6-й роты сознательно жертвовали собой «за други своя», сражаясь с двухтысячной бандой озверелых профессиональных боевиков. Изучая историю России, деяния ее устроителей и защитников, мы убеждаемся не только в духовной и нравственной силе православия, но и в его огромном объединяющем и организующем значении для становления российской государственности, формирования и воспитания важнейших государственных институтов и в первую очередь Вооруженных сил.

Список использованных источников

1. Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории. – СПб., 2004 // http://www.krotov.info/history/18/bednov/kotkov_1.htm.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л., 1950.
3. Отношение Церкви к воинскому долгу. Священное писание об этом. Примеры из Истории России. Доклад диакона Павла Филиппенко на встрече с представителями правоохранительных органов 6 марта 2013 г.
4. Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV. Вступ. статья Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М., Художественная литература, 1981.
5. Цыпин В.А., протоиерей. Церковное право. – М.: Изд-во МФТИ, 1994.
6. Денисов М., протоиерей. Православное понимание воинского долга. 25.06.2014 г.
7. Черкасов А. Духовная основа воинской культуры // Красная Звезда. – 2011. – 29 января.
8. Хабibuлин Р.Г., Макаева С.А. Исторические аспекты проблемы взаимоотношений Русской Православной Церкви и Российской армии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 57-62.

Habibulin R.G., Nikitina J.E.

THE ATTITUDE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH TO MILITARY SERVICE AND MILITARY DUTY

This article discusses the attitude of the Russian Orthodox Church to military service and military duty. At all times the Russian Orthodox Church considered the defense of the Fatherland as a sacred duty of every Christian and blessed their children on feat.

Keywords: Russian Orthodox Church, military service, military duty, priest, warrior.

КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ СОВРЕМЕННОСТИ И РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В НЕЙ

Одним из интеллектуальных вызовов XXI в. будет решение вопроса стать на позиции правды с акцептацией ее многосторонних форм и источников. Понять, кем или чем мы стали нужно для того, чтобы дать правдивую картину состояния общества, его трансформации. Здесь проходит борьба человека, который хочет быть субъектом своей жизни, а не только человеческим капиталом, или объектом товарных интересов. Неолиберальный капитализм исчерпан, но всё-таки он имеет ещё свою силу и своё место во многих странах мира. Кризис капиталистических стран продолжается. Какие есть решения, альтернативы развития мирового общества? Каждая страна ищет свой путь к социальной справедливости. Какая роль интеллигенции, интеллектуалов в критической рефлексии стабильности и устойчивости жизни современного этапа общества?

Ключевые слова: неолиберальный капитализм, роль интеллигенции.

Основным принципом капиталистической мировой экономики является бесконечное накопление капитала. Все её институты вынуждены добиваться этой цели (в зависимости от этого они соответствующим образом вознаграждены – по крайней мере формой выживания, или наказаны – в случае банкротства). Эта система хозяйства функционировала на определенной культурной и интеллектуальной основе, которая состояла из: 1. универсалистских норм, имеющих связи и с расистской практикой, 2. геополитической культуры, где господствует центристский либерализм и 3. структуры знаний, установленной на так называемом эпистемологическом разделении двух культур. Было достигнуто необыкновенное богатство внедрением развитых технологий, но за счет более резкой поляризации (экономической, политической, социальной и культурной) мировой системы (между верхним слоём /20%/ и нижним слоём /80%/ человечества).

В кон. XX в. после 2-й мировой войны начался формировать новый империализм, свидетелями которого мы являемся сегодня. Капиталистический империализм отличается тем, что экономические последствия высоко преобладают над прямым политическим и военным воздействием. Он, реализуя свои империальные функции, пользуется чисто экономиче-

скими средствами мирового рынка, используя мимозэкономические средства – административные и принудительные в форме угрозы применения санкций или применения военных технических средств для удержания своей позиции в глобальной системе государств и мирового порядка.

Империальное превосходство в мире глобального капитализма означает и контроль над экономикой других государств-конкурентов в Европе, Азии, Африки и Америки, а военное превосходство является необходимым для удержания критического равновесия на мировой сцене. Цель американской экономики – удержать военно-промышленный комплекс, который является её основой. Всё это делается в контексте концепции так называемой бесконечной войны и в борьбе против терроризма (Bush a Blair).

Однако в последнее время мы стали свидетелями продолжающегося структурного кризиса (возникшего в 1968-м г.) капиталистической системы (в мире не хватает прибыли – благодаря растущей стоимости производства и снижению цен продуктов на рынке, что угрожает дальнейшему накоплению капитала). Какова связь между структурным кризисом мировой системы и когнитивными структурами, различными мировыми университетскими системами и научным универсализмом? Структуры знаний не изолированы от основ действия современной мировой системы. Они являются неотъемлемой составляющей работы и легитимизации политических, экономических и социальных структур системы [2, с. 30].

Структуры знаний исторически развивались в таких формах, которые лучше всего подходили для поддержания нашей мировой системы. В познавательных структурах современной мировой системы можно выделить современную университетскую систему, так называемое эпистемологическое расхождение двух культур и специфическую роль общественных наук.

Выпускник университета, современный интеллектуал, много времени уделяет аналитическому пониманию реальности. В его поиске находим три уровня: в поисках истины выступает в качестве аналитика, в поисках добра и красоты выступает как нравственная

личность и в попытке подключения истины, добра и красоты выступает в качестве политического лица. Но интеллектуалам рекомендовали ограничиваться интеллектуальным анализом, чтобы отдельно рассматривать выше перечисленные виды деятельности (примером этого эссе М. Вебера «Политика как профессия и Наука как профессия»), в которых автор боролся с этими ограничениями и рационализировал свою политическую деятельность так, чтобы не была несовместимой с его намерениями построить нестранную социологию [1, с. 76].

В течение последних трёх десятилетий произошли изменения в мировой системе из-за растущего структурного кризиса. Ослабленное влияние имеет концепция двух культур на структуру знаний, таким образом, снижается давление интеллектуальной поддержки на сегрегацию поиска истины, добра и красоты. Мы живём в эпохе преобразований, которая выявляет настоятельную необходимость принятия определенных фундаментальных решений/выбора действий и когда растёт значимость индивидуального вклада участия человека (может это только в рамках процессов демократизации общества?) для коллективного выбора. Таким образом интеллектуалы смогут сыграть важную роль в трансформации мира, в котором мы живем в той мере, в какой они смогут избавиться от ложных ограничений так называемого нейтралитета в оценках процессов современной мировой системы.

От учёных, интеллектуалов, специалистов в области социальных наук требуется не только рефлексия текущего состояния социального мира/мировой системы, но и активное участие в их развитии и функционировании. Эксперты в области социальных наук не имеют достаточного авторитета среди широких слоёв общества, даже среди носителей власти. Их духовное производство является для них морально и политически (и экономически?) малополезным.

Мы просто находимся в разгаре рефлексии конкретной единицы анализа – современной мировой системы, а также и в каком-то моменте исторической системы с её структурным кризисом, во времени её перемен. Этот факт помогает объяснить настоящее и указывает пределы наших возможностей на будущее. В этом наиболее заинтересованы не только те, кто находится у власти, но и их противники, а также более широкие массы, которые живут так, как могут.

Очевидно, что если интеллектуалы в университетах будут рассматривать вопросы, поднятые на данном этапе великих цивилизационных изменений в процессе глобализации, не станут обязательно очень популярными [3, с. 24–25].

Сегодня преобладает в Европе и в мире в целом политическая и интеллектуальная гегемония неолиберальных правых, которая воплощает своё представление о строении мира, об условиях нашего участия в нём, о смысле нашей борьбы за стабильную жизнь на нашей планете, за социальное правовое государство и демократию в нашем обществе. Многие либералы утверждают, что капитализм и демократия естественные компоненты западного общества. Но мы также являемся свидетелями того, что на рабочих местах, на предприятиях и наднациональных корпорациях демократические процедуры отсутствуют. Свобода и демократия кончаются перед воротами фабрик и предприятий. Необходимо расширение демократии в экономической области.

Каждая страна мира имеет своих интеллигентных людей, интеллектуалов, к которым нужно прислушиваться (как напр. Václav Havel, Adam Michnik, Timothy Snyder, Jan Keller, Roman Michelko, Slavoj Žižek, Michael Hauser, Václav Bělohradský). Между ними есть и такие критические мысли, высказывания о текущем времени и современном этапе развития общества, которые привлекают внимание многих граждан, интеллигентных личностей, студентов и тех, кого привлекает критическая мысль социального левого направления.

К таким интеллектуалам относится Аврам Ноам Хомский (*Avram Noam Chomsky*) – американский лингвист, политический публицист, философ и теоретик. Сегодня он один из самых известных левых деятелей особенно среди учёных и студентов университетов Словакии. А.Н. Хомский часто путешествует по США, Европе и другим странам.

Он является последовательным критиком правительств США и их политики, указывает две причины своего особого внимания к США. Во-первых, это его страна и его правительство, поэтому работа по изучению и критике именно их будет иметь больший эффект. Во-вторых, США являются единственной на текущей момент сверхдержавой и поэтому ведут агрессивную политику [5, с. 9–17].

Одним из ключевых устремлений сверхдержав, по утверждению А.Н. Хомского, является организация и реорганизация окружаю-

щего мира в собственных интересах с использованием военных и экономических средств. Так, США вступили во Вьетнамскую войну и включающий её Индокитайский конфликт из-за того, что Вьетнам, или, точнее, его часть, вышла из американской экономической системы. А.Н. Хомский также критиковал вмешательство США в дела центрально- и южноамериканских стран и военную поддержку Израиля, Саудовской Аравии и Турции.

А.Н. Хомский постоянно акцентирует внимание на своей теории, согласно которой большая часть американской внешней политики базируется на «угрозе хорошего примера» (что он считает другим названием теории домино). «Угроза хорошего примера» заключается в том, что какая-либо страна могла бы успешно развиваться вне сферы влияния США, таким образом предоставляя ещё одну работающую модель для других стран, в том числе тех, в которых США сильно заинтересованы экономически. Это, по утверждению А.Н. Хомского, неоднократно побуждало США к интервенции для подавления «независимого развития, невзирая на идеологию» даже в регионах мира, где у США нет значительных экономических, или связанных с национальной безопасностью, интересов. В одной из своих наиболее известных работ «Чего действительно хочет Дядя Сэм» А.Н. Хомский использовал именно эту теорию для объяснения вторжений США в Гватемалу, Лаос, Никарагуа и Гренаду [6, с. 30–48].

Он считает, что политика США времён «Холодной войны» объяснялась не только антисоветской паранойей, но в большей мере желанием сохранить идеологическое и экономическое доминирование в мире.

В ответ на объявление США войны с терроризмом в 1980-х и 2000-х гг., А.Н. Хомский утверждает, что основными источниками международного терроризма являются США. Он использует определение терроризма, используемое в руководствах армии США, описывающего терроризм как «преднамеренное использование насилия или угрозы насилия для достижения политических или религиозных идеологических целей через запугивание или принуждение». Поэтому он считает терроризм объективным описанием определённых действий, без учёта мотивов. А.Н. Хомский отмечает: Беспричинное убийство невиновных гражданских лиц – это терроризм, а не война с терроризмом [4, с. 15–50].

Борьба против терроризма продолжается. Ранее президент США Дж. Буш появился с но-

вой военной доктриной, которая объявляет провозглашение бесконечной войны (якобы против терроризма и всем остальным). США имеют право первой превентивной военной инициативы против всех и без явной причины. И сегодня (январь 2016) президент США Barack Obama также провозгласил, что приоритетом политики является защита американских граждан от Al-Káida и ISIL-ИСИЛ (Исламского государства). Это состояние бесконечной войны, кроме всего прочего, ведёт к появлению новых политических и идеологических инициатив, начиная в области ограничения гражданских свобод и кончая физической ликвидацией врагов и предателей интересов США и НАТО.

В массовых информационных средствах создаётся образ единственно правильно поступающего субъекта – США и НАТО. Ведётся информационная война в их пользу. Все остальные для них враги. А где найти правду о геополитическом и военном состязании на мировой капиталистической сцене? Кто прав в своих военных действиях, в своей справедливой войне? Какие этические и моральные принципы существуют в современной справедливой войне? Какое соотношение империалистического капитализма и военных действий США и НАТО?

Имеет ли гражданин того или иного государства право на получение правдивой информации о реализации своих действий, деятельности в области защиты окружающей среды, народных экономических интересов, в области бедности, миграции, военных конфликтов?

Возможно, что интеллигенция / интеллектуалы смогут в этом деле сыграть ключевую роль [8, 9]. Так что мы все – интеллигенция, преподаватели вузов и исследователи в университетах в XXI в., стоим перед трудной задачей – настойчиво продолжать анализ нашей мировой системы, процессов глобализации, интеграции и дезинтеграционных процессов и изменений (экономических, геополитических и политических, социальных, культурных, экологических, или моральных), чтобы объяснить альтернативы, имеющиеся в трансформации нашего общества, а также подтвердить адекватные нравственные решения для возможного принятия правильных политических дорог.

Список использованных источников

1. *Wallerstein I. Evropský univerzalizmus, Rétorika moci. – Praha: SLON, 2008. – ISBN: 978-80-86429-81-6 / European Universalism. The Rhetoric of Power. – New York-London: The New Press, 2006.*

2. Červená K. Čo prináša 21. storočie? In: Acta Iuridica Cassoviensia č. 26, Košice: Univerzita P.J. Šafárika v Košiciach – Právnická fakulta 2009, s. 35–39.

3. Герасимов О.В. История модернизации России: концептуальные основания изучения и особенности фиксации в социальной памяти // Творчество. Культура. Наука. Выпуск V: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бизнес, наука, образование в контексте модернизации: спор философов и экономистов», г. Самара, 6–7 июня 2013 г. / Отв. ред. О.В. Герасимов. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2013. – 254 с.

4. Chomsky Noam: Moc a teror. Praha: Mezera 2007. – ISBN: 978-80-9032259-0-6 / Power and Terror, Post – 9/11 Talks and Interviews Noam Chomsky. – New-York: Seven Stories Press, USA, 2003.

5. Chomsky Noam: Imperiálne ambície. Rozhovory o svete po 11. septembri. – Bratislava, 2008. – ISBN: 978-80-8061-297-9 / Noam Chomsky and David Barsamian: Imperial Ambitions. – New-York: Metropolitan Books, 2005.

6. Chomsky Noam: Čo povieme to platí. Rozhovory o americkej moci v meniacom sa svete. – Bratislava, 2009. – ISBN: 978-80-8061-385-3 / Chomsky Noam: What we say goes: conversation on U.S. power in a changing world. – New-York: Metropolitan Books, 2007.

7. Meiksinová Woodová Ellen: Impérium kapitálu. – Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, spol. s r.o., 2014. – ISBN: 978-80-8061-813-1 / Ellen Meiksins Wood: Empir of Capital. Verso, London, United Kingdom. New-York, U.S.A, 2003, 2005.

8. Príspevok je výstupom z čiastkového riešenia výskumnej úlohy VEGA č. 1/0939/16.

9. Intelektuál ve dvacátém století. Rozhovor Timothyho Snydera s Tonym Judtem. – Praha: Prostor 2013. – ISBN: 978-80-7260-289-6 / Thinking the Twentieth Century. Tony Judt with Timothy Snyder. – New-York: The Penguin Press, 2012.

Ján Čipkár, Karolína Červená

THE CRITICAL REFLECTION OF THE PRESENT AND THE ROLE OF THE INTELLECTUAL IN IT

One of the intellectual challenges of the 21st century is to pick the side of the truth and at the same time accept the multiplicity of its forms and sources. To understand who (or, rather, what) we have become is necessary not only to explain the state of society, but also to identify the starting point for our efforts. This is about the struggle of man to become the subject of their own life, not to be reduced to just human capital or an object of market interests. Neoliberal capitalism has used itself up, but still it exercises considerable power. And so the crisis continues without any solution in the logical framework of capitalism. Are there any real alternatives of interest for future development? Every country must find its own way to social justice. Where exactly lies the role and responsibility of intellectuals in the critical reflection of sustainable existence in today's times?

Keywords: neoliberal capitalism, role of the intellectual, role of the intelligentsia.

УДК 93/94

Чуракова О.В.

РЕСУРСЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

В статье анализируются проблемы и перспективы истории эмоций – актуального направления культурно-исторической антропологии (в том числе военно-исторической антропологии) и междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: методология, культурно-историческая антропология, военно-историческая антропология, история эмоций.

Нач. XXI в. в гуманитарном знании ознаменовано расширением исследовательского

поля и появлением новых ракурсов научных изысканий. Одним из таких новых трендов является история эмоций. Как правило, это междисциплинарные исследования, выполненные на грани психологии, социологии, политологии, истории.

Психологи обратились к изучению эмоций на столетие раньше, нежели историки. В 1884 г. американский философ и психолог У. Джеймс опубликовал статью «Что такое эмоция?», положив тем самым начало научному

осмыслению проблемы. В XIX в. данную тему наиболее успешно разрабатывал датский медик и анатом К.Г. Ланге, в XX – нач. XXI в. – профессор психологии кафедры психиатрии медицинского факультета Калифорнийского университета в Сан-Франциско П. Экман. Кстати, имя П. Экмана находится в списке 100 самых выдающихся психологов XX в., что свидетельствует об актуальности данного направления исследований в психологии.

Труды психологов заслуживают внимания историков, как и междисциплинарные исследования. Примером последних могут служить: книга профессора истории и культурной антропологии Дьюкского университета У. Редди «Навигация эмоций» (2001), издание канадского психолога и писателя К. Отли «Краткая история эмоций» (2004), труд профессора Калифорнийского университета Д. Гросса «Секретная история эмоций» (2006), изыскания норвежских историков Л. Сведена, Х. Сваре, А.Ю. Ветлесена (скандинавские ученые анализируют эмоции и чувства людей в философском дискурсе) [2; 17; 18]. Среди работ отечественных ученых следует отметить исследование А.С. Сувалко (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики) «Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств» [20], выполненное на грани социологии и истории. Автор работы пытается привлечь внимание к эмоциональной составляющей общества в прошлом и настоящем.

Что касается непосредственно исторических работ, следует заметить, что на необходимости выделения изучения эмоций в самостоятельную отрасль гуманитарного знания настаивал еще Л. Февр [20, с. 27]. Однако, лишь в 80-х гг. XX в. американские историки Питер и Кэрл Стренс для «измерения эмоциональной температуры» общества учредили науку «эмоциологию». Их последователи в научных кругах Европы, Америки и Канады в кон. XX – нач. XXI в. опубликовали множество работ на подобную тематику, что позволяет современным историкам сделать вывод о происходящем «эмоциональном повороте» (и даже «перевороте») в гуманитарном знании.

В Германии в Институте человеческого развития Общества Макса Планка существует Центр по изучению эмоций, в том числе и в истории. Директор Центра У. Фревет в работе «Потерянные и обретенные эмоции в истории» (2011) предпринял попытку реконструировать судьбу «возникающих» и «исчезающих» эмоций в истории. Научный сотрудник Центра по изучению эмоций Ян Плампер подготовил раз-

дел в журнале «Slavic Review» «Эмоциональный переворот? Чувства в русской истории и культуре». Название раздела свидетельствует о том, что российское прошлое, полное драматических коллизий, представляет собой, по мнению зарубежных ученых, превосходный материал для научных изысканий в русле истории эмоций. В России в начале нынешнего столетия также издано немало трудов, анализирующих судьбу отечества через призму эмоциональной составляющей картины прошлого [3; 7; 16].

Свою лепту в разработку данной тематики, вне сомнения, призвана внести и военно-историческая антропология, анализирующая страсти военного времени методами истории, психологии и смежных дисциплин. Прежде всего, историки и психологи интегрируют свои усилия в попытке выявления причин возникновения военных конфликтов. Современная военная антропология объясняет природу человеческой агрессивности с точки зрения различных подходов: биогенетического, этологического, психоаналитического, экологического и социального, а историческая психология выдвигает биоционную, антропоционную, цивилизационную, группоционно-пассионарную и межгруппоционную, формационную и другие концепции воинственности [14, с. 39–41].

Интересно, что даже среди политологов и геополитиков, склонных выводить причины возникновения войн между государствами, исходя из политических, экономических и социальных факторов, есть исключения. Например, американский политолог профессор Колумбийского университета Кеннет Нил Уолтц ставит на первое место среди причин возникновения военных конфликтов природу и поведение человека (эгоизм, глупость и пр.), и лишь на второе – политическую систему государства.

Традиции отечественного философско-религиозного осознания феномена войны предписывают осмысление природы войны с учетом человеческих страстей. Представители философской антропологии XX в. (В. Соловьев, Н. Бердяев, И. Ильин, В. Розанов, С. Булгаков и др.) были убеждены, что доминирующей причиной развязывания войн является несовершенство нравственности человека: «Зло войны есть знак внутренней болезни человечества» (Н. Бердяев) [15, с. 287]. О войне как потере социального равновесия писал в своих трудах по полемологии (polemology – наука о войне) Г. Бутуль. «Человеческое измерение» войн и вооруженных конфликтов предпринимают также социологи, философы, культуро-

логи, лингвисты. Ими рассмотрены аспекты истории военного времени, демонстрирующие проявление чувств и эмоций, такие как: настроение общества в различные периоды войн, проявление военного пафоса или пацифизма в конкретных социальных группах: «война как культурный шок», психопатологического состояния русской армии в войнах. Интересно, что проявление патриотизма «замешано» на сложном спектре чувств и эмоций: от любви (к Родине, семье, близким) до ненависти (к врагу, зачастую усиленной жадой мести). Современные ученые полагают, что невозможно понять суть войн без анализа психологической атмосферы в армии и обществе, общественных настроений, реконструкции восприятия жизни и смерти, изучения различных сторон проявления отваги и трусости на поле брани, страха и доблести, мотивации совершения подвигов и феноменов дезертирства.

Война, как пороговое, маргинальное состояние выявляет в человеке возможно «дремавшие» дотолы черты: и худшие, и лучшие. В дискурсе истории эмоций могут быть выявлены сущности категорий «страх», «насилие», «ненависть», «агрессия». Особенно если это касается проявления массовых форм страха, поведенческих стереотипов в ситуациях на грани жизни и смерти. Чтобы понять психическое и психологическое состояние воина – завоевателя и его жертв, не обойтись без обращения к наработкам психологов, культурологов, философов. Например, труды М. Хайдеггера, К. Ясперса, Л. Андреас-Саломе, К.Г. Юнга дают методологическую основу для анализа, эмоций и самоощущений человека, проявления архетипов насилия и жестокости, что важно для понимания мотивов поведения индивида в экстремальной ситуации. Основной принцип изысканий военно-исторической антропологии в дискурсе эмоциологии – попытка психологического вживания исследователя во внутренний мир исторического субъекта (в Дильтеевском понимании «вживания»).

Плюсы интеграции антропологии и психологии – возможность всестороннего анализа проблемы неврозов и психотравматизма военного времени, столь актуальной сегодня. Длительное время щекотливая тема «телесности» (контузии, психозы, проблемы страдания раненых и инвалидов и пр.) старательно избегалась военными историками. А ведь именно война в жестком противоборстве духовного и материального, порождает напряженность психологическую и физическую, приводит к психологическим и социальным стрессам.

В русле данного дискурса с точки зрения военно-исторической антропологии и психологии могут быть проанализированы страдания не только телесные, но и душевные, в том числе последствия, наносимые новыми видами оружия и средствами ведения войны в XX веке человеческой психике.

Таким образом, использование антропологических подходов в реконструкции прошлого открывает перспективу существенного обновления и расширения проблематики изучения феномена «Homo belli» (человека войны). Особенно остро звучат исследования, связанные с проблемой беженцев (страдания вынужденных скитальцев) [11], эмоциональной составляющей повседневной жизни «детей войны». [22, с. 485–494.], «человеческим измерением» военных и тыловых будней женщин и девушек. Тема «женщины и война» достаточно полно освещена в работах П.П. Щербинина, Е.С. Сенявской, Ю.Н. Ивановой, Н.Л. Матвеевой, Ю.В. Кудриной и др. В год 70-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне данная тема получила дополнительное освещение и следует отметить, что большинство работ юбилейного года эмоционально окрашены [6]. Не случайно и то, что лауреатом Нобелевской премии по литературе за 2015 г. с формулировкой «за многоголосое звучание прозы и увековечивание страдания и мужества» стала писательница С.А. Алексиевич, автор книг о гендерных ипостасях войн. Еще более пронзительны по силе представленных чувств и эмоций материалы, связанные с историей жизни блокадного Ленинграда [19, с. 84–87].

Еще одна антропологическая (следовательно, наполненная чувствами, переживаниями и эмоциями) проблема – «свои» и «чужие» – может быть прочитана на материалах периода Первой и Второй мировой войн, а также современных локальных конфликтов. Учеными уже разобраны многие аспекты данной темы: восприятие союзника, противника, механизмы формирования образа врага, отношение к военнопленным и особенности жизни российских военнопленных. Но нуждаются в дальнейшем осмыслении особенности проявления ненависти и феномены появления жалости и любви к бывшим врагам (особенно со стороны женщин), специфика этноконфессиональных коммуникативных практик россиян и их союзников и противников и многие другие темы.

Важно, что за последние десятилетия в научный оборот введен значительный источниковый ресурс, позволяющий взглянуть на историю военного времени глазами ее носителей. Прежде всего, изданы документы личного происхождения: переписка, записки, мемуары, дневники участников событий. Все они составляют блестящую источниковедческую базу для проведения военно-антропологических исследований в дискурсе истории эмоций.

Эмоциональное измерение войны невозможно без привлечения литературных художественных текстов и фольклорных источников, так как именно в былинах, эпосе, народных песнях, частушках мы видим проявление и «человеческого лица», и личины войны. В неофициальном, народном видении войны речь идет о чувствах и эмоциях, вызываемых реалиями военного времени. Социолингвистика помогает изучить язык человека войны, журналов, плаката, писем, дневников, проявления эмоций человека через вербализацию [9]. Подобными же методами и подходами пользуются и социологи, и культурологи и историки-антропологи, политологи [10]. По мнению ученых, «эти науки исследуют сознание и психологию индивидов и групп, их представления, чувства, эмоции, настроения, во многом определяющие поведение, пронизывающие и наделяющие смыслом каждое социальное действие». [12; 13, с. 8]. Следовательно, главный плюс междисциплинарных исследований, каким является история эмоций – методологический плюрализм и возможность использовать методики различных обществоведческих наук, что помогает военной истории отойти от описательной традиции показа прошлого. История эмоций, как часть культурно-исторической антропологии, использует междисциплинарные подходы для выявления психологической матрицы эпохи и призвана способствовать выявлению особенностей мировосприятия и культурно-поведенческих норм, духовного строя различных исторических, в том числе военных, эпох и периодов.

Список использованных источников

1. Бердяев Н. Мысли о природе войны. Русские философы о войне. – М.: Кучково поле, 2005.
2. Ветлесен А.Ю. Философия боли / пер. с норв. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 240 с.
3. Винницкий И. Заговор чувств или русская история на эмоциональном повороте. (Обзор работ по истории эмоций) // НЛЮ. – 2012. – № 117. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo-117-2012/16567-zagovor-chuvstv-ili-russkaya-istoriya-na-emocionalnom-povorote->

[obzor-rabot-po-istorii-emociy.html](#) Дата обращения [4.10.2015].

4. Война и общество: материалы Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов. 25 февраля 1999 г. Тамбов. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – 171 с.

5. Гамаюнова Ю.И. Историко-этимологическое исследование названий эмоций в русском языке XI–XVII вв. (семантический и лингвистический аспекты): Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 18 с.

6. Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне): [Текст]: материалы Восьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 8–11 октября 2015 года, г. Старый Оскол. – М. – Старый Оскол: ИЭА РАН, СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. Т. 1. – 230 с.

7. Зорин А. История эмоций. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2004/06/18/zorin> Дата обращения [1.10.2015].

8. Караяни А.Г. Психология войны: постановка проблемы с позиций военно-психологической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. – М., 2002.

9. Костеневич Е.В. К вопросу о лексикографическом описании эмоций // М.В. Ломоносов и полиязыковое информационно-образовательное пространство: в 2 ч.: материалы междунауч. конф. – Ч.1 / сост. и отв. ред. А.М. Поликарпов, И.М. Нетунаева; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. – 300 с.

10. Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. – М.: РОССПЭН, 2010. – 344 с.

11. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. – М.: Вече, 2014. – 468 с.

12. Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 246 с.

13. Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 250 с.

14. Предмет, задачи, перспективы развития / Отв.ред. и сост. Е.С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 2002. – 400 с.

15. Ремизов А.А. Природа и определение войны. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://filosofia.ru/category/filosofiya-tvorchestva/> Дата обращения [14.10.2015].

16. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей. – М.: Новое обозрение, 2010. – 512 с.

17. Сваре Х. Философия дружбы / пер. с норв. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 256 с. и др.

18. Свендсен Л. Философия страха. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.

19. Синова И.В. Повседневная жизнь детей в условиях блокады Ленинграда (с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 г.) // Судьба Родины: сборник

материалов международной науч.-практ. конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 21 апреля 2015 года. г. Архангельск. – Архангельск: Институт управления, 2015. – 119 с.

20. Сувалко А.С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств. – М.: Национальный университет «Высшая школа экономики», 2013. – 48 с

21. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. – 448с.

22. Ханипова И.И. Детство и война: адресная помощь несовершеннолетним // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: сборник статей / отв. ред. А.Ш. Кабировва. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 696 с.

23. Ефремов В.Я. Цивилизационный подход к изучению истории: менталитет и ментальность как фундаментальные понятия // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. Актуальные проблемы социально-политических наук. – С. 40-50.

24. Ефремов В.Я. Синергетика и познание исторической правды (некоторые заметки в осмыслении проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 1. – С. 62-70.

Churakova O.V.

RESOURCES OF MILITARY-HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND RESEARCHERS' DISCOURSE ON HISTORY OF EMOTIONS

The article analyzes current problems and future possible applications of history of emotion as important sections of historical –cultural anthropology, interdisciplinary research.

Keywords: *research methodology, cultural-historical anthropology, history of emotion.*

УДК 355.01

Шакирова Е.Ю., Герасимов Н.Н.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ВОЙНА: КОНТУРЫ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ

В статье анализируется взаимосвязь таких понятий, как «риск» и «война». Постулируется, что риск является феноменом, имманентно присущим всем без исключения социальным процессам. В современном обществе риск становится универсальным, глобальным, институализируется и порождает все новые риски. Авторы обращают внимание на то, что мир не стал стабильнее, безопаснее и надежнее, напротив, он стал еще более уязвимым, непредсказуемым и подвержен рискам, среди которых особое место занимает немотивированное применение военной силы. Военные риски современного общества прогрессируют, порождая новые опасности и угрозы.

Ключевые слова: *риск, война, современность, социокультурное пространство, общество, глобализация.*

Рискогенность современного социокультурного пространства

Современный мир привычно характеризуется такими эпитетами как неустойчивый, кризисный. Они без сомнения являются справедливыми, но в большей степени ему подходят такие характеристики как сложный, непостоянный, динамичный, рискогенный. Опасности, угрожающие существованию мира, увеличиваются в геометрической прогрессии; риски, порождаемые данными опасностями, не существуют отдельно друг от друга, а имеют тенденцию накладываться друг на друга, усиливать друг друга. Риск – социальный феномен, имманентно присущий всем без исключения

социальным процессам. Игнорировать его воздействие на социальные явления настоящего и на будущность социума в современных условиях просто невозможно. Риски, сопровождающие разные виды деятельности имеют свою специфику и свои характерные особенности. Объективность риска, по мнению А.П. Альгина, проявляется в том, что он отражает реально существующие в общественной жизни явления и процессы, а величина риска – это форма качественно-количественного выражения реально существующей неопределенности [1, с. 26]. В современном обществе «профиль риска» (Э. Гидденс) выражен, видимо, сильнее, чем когда-либо ранее. Риск становится универсальным, глобальным, институализируется и становится интроспективным, то есть риски интенсифицируются в качестве непреднамеренных побочных результатов человеческих действий (своего рода «эффект бумеранга»).

Общество уже не может существовать без рискологической составляющей, развитие общества подразумевает компонент риска. «Практически любое движение в социальном организме включает в себе риск» [2, с. 199].

В современном социокультурном пространстве риск является не только характеристикой поведения человека, а также и атрибутивным свойством самого пространства. Риск становится всепроникающим, а общество развивается в определенной степени благодаря рискам, вплетающимся в социокультурность. Недаром в философской литературе появилось определение современного общества как «общества риска» (У. Бек), современное общество – сложное образование, практически любое принимаемое решение и любая деятельность в таком обществе связано с выбором альтернатив, рискогенными последствиями, которые делают неопределенность, случайность нормой жизни. «Мы живем в опасности неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь чувство умеренной надежды», – отмечают И. Пригожин и И. Стенгерс [3, с. 276].

Современность отличается быстрым обновлением всей системы социокультурных отношений. Данный процесс связан с введением инноваций во всех сферах социальной жизни. Инновации по определению несут в себе неопределенность и риски. Риски инноваций в современный период приобретают комплексный характер в нелинейном, неравновесном обществе. Степень рисков зависит от остроты

и масштаба противоречий, возникающих в социуме и, следовательно, как проекция, в социокультурном пространстве.

Затяжной характер нестабильности, углубление противоречий и неопределенность конечной цели преобразований вызывают эскалацию социальных рисков, что приводит к обострению рискогенности социокультурного пространства. Рискогенность социокультурного пространства – *качественное состояние*, обусловленное, с одной стороны, рискованным поведением социальных акторов, а, с другой стороны, выражается в рассогласовании связей между социокультурными элементами. Рискогенность имплозирует, меняет первоначальный смысл аксиосемантических единиц социокультурности. Вследствие имплозии рискогенности может произойти социокультурная эксплозия, разрушающая социокультурное пространство и его аксиологические основания [4].

Распространение рискогенности (как качественного свойства) в социокультурном пространстве – процесс, постоянно разворачивающийся в геометрической прогрессии, то есть определенной последовательности, подразумевающей увеличение показателей последующих членов (=элементов). В случае имплозии рискогенности риск заполняет все плоскости социокультурного пространства.

Общество риска прогрессирует. Исследованию свойств общества риска в отечественной гуманитарной науке посвящены многие работы. В общем, их объединяет негативная оценка общества риска, в частности О. Яницкий полагает, что «общество всеобщего риска... не способно к развитию. Оно лишь деградирует, превращаясь в нагромождение защитных систем» [5, с. 31], с чем позволим себе в корне не согласиться. Общество риска имеет иную структуру, иное основание. Общество риска – общество постсовременности, развивающееся нелинейно, не имеющего четко обозначенного основания. Базисная платформа общества риска – трансформированное аксиососнование. Мозаичные связи социокультурных элементов не являются прочными. Результатом внешнего воздействия на социокультурное пространство может быть быстрая перегруппировка элементов и образование нового порядка. Предположение о том, что общество риска – деградирующее общество, на наш взгляд, не совсем верно. Конечно, общество риска имеет своей целью создание и формирование защитных механизмов для минимизации

рисковых влияний, но, с другой стороны, подобные механизмы есть более совершенные способы и пути разрешения насущных проблем по сравнению с существовавшими ранее.

Заслуживает внимания еще одно определение общества риска, данное Ю.А. Зубок: «Общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношения людей в условиях переходного состояния от определенности к неопределенности (или наоборот), когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска» [6, с. 163]. В переходный период, по мнению Ю.А. Зубок, основой является деформация или разрушение механизма воспроизводства. Данное определение, на наш взгляд, также не является точным и полным. Сделанный в определении акцент на случайный, вероятностный характер воспроизводства жизненных условий не является характерной чертой общества риска. Если воспроизводство жизненных условий случайно, то в таком обществе отсутствует управление, а процессы самоорганизации сведены к минимуму. Следовательно, такое общество находится в состоянии хаоса, деструкции. Хотя хаос трактуется в современной науке как творческое, созидательное начало, дающее толчок новому, в данном случае хаос разрушителен, являет собой результат перманентного нахождения общества в транзитивном периоде, в переходе от состояния неопределенности к состоянию определенности, то есть это «зависание», что подразумевает застой, отсутствие развития, отсутствие целей, неясность отношений и связей между элементами. Деформация или разрушение механизма воспроизводства жизненных средств социального образования свидетельствует о глубоком социокультурном кризисе, что не равно рискам в нашем понимании. Социальное образование может существовать вне кризиса, но не может существовать вообще без рисков.

Тем не менее, нам чужд пессимистический взгляд на современное общество, иными словами, нет существенных оснований называть современное общество обществом всеобщего риска, это общество, развивающееся в рискованном социокультурном пространстве. Так, мы под обществом риска понимаем такое социальное образование, которое формируется в рискованном социокультурном пространстве и

функционирует под его воздействием, следовательно, для описания современного общества логичнее было бы применить именно атрибут «рискогенное», то есть имманентно содержащее в себе потенциалы риска [4]. Позволим себе в большей степени согласиться с определением У. Бека, который полагал, что «Там, где заканчивается традиция, то есть когда ни в одной из сфер невозможно рассчитывать на определенность, начинается общество риска» [7, р. 10]. Традиция подразумевает определенную предсказуемость поведения социальных акторов. Там, где нет предсказуемости, мы не можем говорить о повсеместном действии традиции; там уже риск включается в основание социокультурной организации, становится важнейшим компонентом процесса социокультурной динамики. Риск выступает как способ бытия в мире, сферы свободы, неопределенности, выражает «фундаментальную неопределенность и всеобщую рискованность бытия» [8, с. 23].

Конечно, концептуальный образ современной социокультурности в философии лишен внутреннего единства и парадигмальной завершенности, открыт для последующего конструирования, выяснения терминологических неточностей, в нем ярко выражены многовариантность, метафоричность, альтернативность. Наше понимание общества риска и рискогенности – вклад в понимание образа социокультурного пространства современности. «... Риск в редуцированном виде представляет собой комплексный феномен бытия, который стирает пространственные границы внутреннего и внешнего, размывает временные рамки настоящего и будущего, трансцендирует стереотипы строго научного разделения между фактами и ценностями» [9, с. 15]. С этих позиций (то есть с феноменологических и конструктивистских), риск рассматривается как элемент мира потенциальных возможностей, как феномен, имеющий место в будущем [9, с. 15] или, по словам Н. Лумана, «временная контингенция» [10, с. 26]. Риск – образ возможных, еще не реализованных последствий в будущем, выражающий соответствие между актуальным настоящим и неопределенным будущим, социокультурный смысл которого определяется внутренней сложностью настоящей социокультурности.

«Риск можно рассматривать как особую реляционную взаимосвязь между модальностями времени (прошедшим, настоящим и будущим), модальностями ценностных ориентаций (желательное, нежелательное), модально-

стями социального действия (ресурсы, цели, средства)» [9, с. 17], то есть риск – это связь модальностей времени с другими модальностями в контексте деятельности человека как социокультурного субъекта. Риск – социокультурный феномен, лишенный реальности в настоящем, с одной стороны, но, с другой стороны, обусловленный реальными социальными действиями людей, результат которых наблюдается в изменении и перестройке аксиосферы социокультурного пространства. В этом, на наш взгляд, проявляется бинарность риска как социального феномена: его неясность, нечеткая выраженность в настоящем, потенциальность в будущем и обусловленность настоящим.

Риск связан как со временем, так и с пространством, его многомерностью, комплексностью и многоплоскостностью. В пространственном измерении риск – это сопряженность нескольких смысловых плоскостей, включающих представления о возможных событиях будущего, что создает поле конфликтов, противодействий, избежать которых невозможно без корректировки ценностных параметров пространства [9, с. 17].

Риски нужно рассматривать как индикаторы мультилинейного процесса распространения социокультурного пространства и его адаптация (=ответ) на внешние вызовы и внутренние метаморфозы. Риск бинарен по своему содержанию, что отмечалось нами выше, однако бинарность риска можно рассматривать и с других позиций: с одной стороны, риск – это характеристика социокультурного пространства, его метрика, координатная плоскость, вдоль которой происходит растекание, распространение современной социокультурности. С другой стороны, риск – это фактор, конституирующий социокультурную ситуацию, модифицирующий социокультурное пространство, приводящий его к метаморфозам. «Жить в эпоху поздней современности, значит жить в мире случайности и риска», – полагает Э. Гидденс [11, с. 85].

Метаморфозы социокультурного пространства таковы, что они формируют особое, уникальное, не имеющее ранее аналогов бытие-в-риске или рискогенное бытие. Подобное бытие становится нормой и уже не рассматривается как случайное, выходящее за пределы социокультурного дискурса. Сформированный в гуманитарной науке в последние десятилетия дискурс рискогенности становится ведущим, в его рамках анализируется и социум, и отдель-

ные сферы социокультуности, и в целом социокультуность.

Война как высшая степень повышения социальной рискогенности

Война как социальное явление не является изолированным и не возникает внезапно без связи с предшествующей жизнедеятельностью социума. Рискогенность социума – важнейшее условие, стимулирующее развитие таких социально-экономических, социально-политических и социокультурных отношений, которые способны привести к деструкции существующих структурных социальных связей и отношений и нивелировать внешние зависимости.

К сожалению современность демонстрирует следующее: риски уже не являются прерогативой того или иного социума, они приобретают глобальный характер, оказывают существенное влияние на развитие всего человечества. Военные риски не являются исключением: прогрессируя, они порождают угрозу Третьей мировой войны. Однако, «Крупномасштабная война с применением обычных вооружений... пожалуй, действительно изживает себя; однако сама война, война как таковая – жива, активна» [12, с. 20].

Мир не стал стабильнее, безопаснее и надежнее, напротив, он стал еще более уязвимым, непредсказуемым и подвержен рискам, среди которых особое место занимает немотивированное применение военной силы.

Примечательно, что именно в XX в. стали появляться различного рода концепции, которые так или иначе определяли потенциальную конфликтность сложившегося миропорядка. К числу таких концепции относятся теоретико-философские построения С. Хантингтона – «столкновение цивилизаций» [13], согласно которой наступает эра столкновения культур. Связывая специфику современной войны с изменением роли культурного фактора в политике, С. Хантингтон полагает, что на смену идеологически мотивированным военным столкновениям государств приходят детерминированные культурой (религией, традициями) военные столкновения цивилизаций. С. Хантингтон представляет будущее в пессимистических красках. Американский ученый отмечает, что неудачные попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую, и нежелание определенных цивилизационных обществ признать монистическую ценность культуры Запада могут привести к взаимной

отчужденности огромных людских масс, поэтому основными причинами цивилизационных конфликтов в современном мире станут не экономические и идеологические причины, а именно культурные.

Концепция американского ученого была воспринята в философских кругах критически. В частности, Б.И. Каверин отмечает, что согласно точке зрения С. Хантингтона войн между государствами и их коалициями не существует, так как они включены в войны между цивилизациями. Кроме того, Б.И. Каверин отмечает достаточно вольное обращение с такими понятиями, как «культура», «цивилизация», «война», «военный конфликт» [14, с. 106].

Именно теоретические построения С. Хантингтона инициировали сдвиг в понимании войны XX столетия. Важнейшей особенностью современной войны является взаимообусловленность политического и технологического факторов. На смену «кровавым» войнам приходят «бескровные», «неболевые», «цивилизационные» войны, в которых цели достигаются не в результате прямого вооруженного насилия, а путем применения альтернативных форм насилия: экономического, психологического, политического, информационного. Новые войны кон. XX – нач. XIX столетия несут новые риски для общества. Насилие, осуществляемое во всех сферах общественной жизни, сказывается неоднозначно на населении, на ценностных приоритетах современного общества.

Современность порождает новых субъектов войны – наднациональные организации, цель которых заключается в осуществлении некой общей цели (ООН, НАТО). Рискогенность данного процесса заключается в том, что эти организации начали осуществлять контроль над различными международными сферами, а также легитимировать вооруженное насилие в случае необходимости. Появилась новая форма войны – миротворческая, которая подразумевает военную деятельность по установлению и поддержанию мира в районе конфликта от имени ООН. Появление надгосударственных субъектов войны обусловлено в первую очередь глобальными процессами современного мира. Их суть состоит в переходе от государственно-центричного порядка, где национальное государство полностью контролирует свою территорию, к порядку, где территориально обособленные государства постепенно растворяются в новом транстерриториальном образовании.

Создание ядерного оружия значительно увеличивает военные риски. «... ядерное оружие создавалось для того, чтобы обеспечить военных и их политических руководителей беспрецедентным по своей мощи средством, позволяющим успешно вести и выигрывать войны» [12, с. 31]. Следствием создания ядерного оружия стала «холодная война». Специфика «холодной войны» заключается в том, что она, с одной стороны, осуществлялась без прямой вооруженной борьбы между главными участниками противостояния, что привело к созданию и использованию невоенных средств для достижения определенных политических целей. С другой стороны, ядерное оружие может вообще положить войне как социальному явлению конец. Действительно, после 1945 г. сверхдержавы не вели традиционных войн между собой. Как отмечает М. ванн Кревельд, «практически во всех случаях малейшая угроза развязывания такой войны... была бы сущей нелепицей» [12, с. 40]. В конечном итоге, применение вооруженных сил с целью захвата территории было признано незаконным в международном праве. Все признаки свидетельствуют о том, что, сталкиваясь с государствами, имеющими ядерное оружие, государства стали осторожнее и осмотрительнее. Однако риски военного характера с появлением ядерного оружия не уменьшились, а лишь приобрели более расширенные черты, поскольку войны перешла на другие уровни – информационный, экономический, психологический.

«Холодная война», на наш взгляд, стимулировала появление международных сетевых террористических организаций, построенных по принципу интернациональности и экстерриториальности, которые используют для достижения своих целей любые способы – политические убийства, захват заложников, взрывы общественного транспорта и жилых домов и т.д. Так, в нач. XXI в. возникает еще одна форма войны – террористическая. Х. Хофмайстер рассматривает ее как войну нового типа – «ассиметричную». «Ассиметрия» понимается как действие, способ организации или тип мышления, отличный от действия или мышления противника. «Ассиметричный характер» террористической войны выражается в том, что это противоборство неполитического субъекта с политикой национального государства [15]. Это наименее предсказуемая форма войны в условиях глобализации создает новые угрозы, новые риски и ощущение перманентной опасности для людей.

Вместо заключения

Мы живем в противоречивом мире, где все связано и все взаимосвязано. Возрастающая сложность социокультурных процессов, глобализация, рискогенность и кризисность социокультурного пространства, обострение отношений между государствами и их переход в открытые военные столкновения диктуют необходимость тщательного социально-философского анализа сложившейся к нач. XXI столетия ситуации. Разрешение противоречий современности невозможно в одночасье. Нарастание социальной напряженности, увеличение численности локальных конфликтов приводит к тому, что наиболее значимые столкновения между некоторыми государствами выходят на авансцену всей планеты, повышая рискогенность современной социокультурности. Решение глобальных военных проблем, снижение военных рисков напрямую зависит от политических лидеров и их умения вести диалог, находить компромиссное решение. Только время покажет, сможет ли человечество выйти на относительно безрисковый путь развития, снизив в первую очередь риски развязывания все новых и новых военных конфликтов.

Список использованных источников

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, 1989.
2. Филимонова О.Ф. Область риска как предпосылка социального действия // Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире: Сб. науч. трудов. Материалы шестых Аскинских чтений. – Саратов: Изд-во «КУБиК», 2012.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Шакирова Е.Ю. Рискогенность современного социокультурного пространства в контексте его морфологического строения // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ, 2013. – С. 77–80.
5. Россия: риски и опасности переходного общества. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
6. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. – М.: Мысль, 2007.
7. Beck U. Politics of Risk Society // The Politics of Risk Society. Ed. By Jane Franklin. Polity Press. 1998.
8. Bennet J. Risiko und Freiheit – Das Wagnis der Verwirklichung. Chalice, 2004.

9. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. Под ред. д.ф.н., проф. В.Б. Устьянцева. – Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», 2006.

10. Luman N. Soziologie des Risikos. Berlin. – New-York, 1991.

11. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. – 1994. – Вып. 5.

12. Кревельд М. ванн. Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015.

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

14. Каверин Б.И. Цивилизационная концепция войны и армия // Военно-философский вестник. – 2008. – № 1.

15. Хофмайстер Х. Теория террористической войны // Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Серия «Мыслители», выпуск 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 439–452.

16. Ефремов В.Я. Цивилизационный подход к изучению истории: менталитет и ментальность как фундаментальные понятия // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 1. Актуальные проблемы отечественной истории и историографии. Актуальные проблемы социально-политических наук. – С. 40–50.

Shakirova E.Y., Gerasimov N.N.

**SOCIAL RISKS AND WAR:
OUTLINES CROSSING DEFINITIONS**

The article analyzes the relationship of concepts such as "risk" and "war". It is postulated that the risk of a phenomenon, immanent to all without exception social processes. In modern society, the risk becomes universal, global, institutionalized and gives rise to new risks. The authors draw attention to the fact that the world has not become more stable, secure and reliable, on the contrary, it has become even more vulnerable, unpredictable and subject to risks, among which occupies a special place unmotivated use of military force. War risks of modern society progresses, creating new dangers and threats.

Keywords: risk, war, modernity, socio-cultural space, society, globalization.

ДИАЛЕКТИКА ВОЙНЫ: ПРОГРЕСС И ЛЮБОВЬ

В данной статье показана неоднозначность войны как явления, ведь именно война позволяет соединить воедино и страдание, и возможность движения вперед – прогресса, и любовь.

Ключевые слова: война, развитие, прогресс, любовь, диалектика.

Рассматривая войну как важнейшую силу, двигающую прогресс, мы приходим к парадоксальной идее – война вводит человека в состояние дискомфорта, заставляющее пре-возмозгать, творить, изменять. Гармония, к которой мы все так стремимся, есть характеристика финишного состояния, прогресс же не может возникнуть из гармоничного состояния, которое ведет к стагнации, для прогресса необходима напряженность, для прогресса нужно противостояние.

Война как двигатель прогресса. Противоречие заключается уже в том, что прогресс имеет позитивную направленность при негативном, по сути, двигателе, ведь именно война, вызывающая сильное психологическое эмоциональное ощущение является существенной движущей силой, которая побуждает личность и общество в целом к развитию, эволюции и социальному прогрессу [4].

Получается, что основное противоречие социального прогресса заключается в том, что одним из его основных двигателей социального прогресса являются противоречия, т.е. нечто негативное. А если человек счастлив, его никто не трогает, ему есть где жить и чем питаться, у него пропадает потребность двигаться и развиваться.

Рассматривая явление войны в социальном аспекте, следует отметить, что война усиливает социальные связи, выступает объединяющим фактором групп людей, что свидетельствует о социальном прогрессе. Особый отпечаток война накладывает на важнейшую социальную характеристику – любовь.

Исследуя данную тему, стоит использовать не только современное понятие любви как влечения и страсти, а то самое, о чем говорилось ранее, о чем пишет Э. Фромм в своей книге «Искусство любви»: «...любовь – это черта характера, она должна обязательно при-

существовать не только в отношениях к своей семье и друзьям, но также и к тем, с кем человек вступает в контакт на работе, в делах, в своей профессиональной деятельности. Здесь нет «разделения труда» между любовью к своим и любовью к чужим. Напротив, условием существования первой является существование второй» [3]. Аналогично, на войне есть и любовь матери к сыну, жены и мужа, любовь к родине, любовь к ближнему, к человеку и человеческой сущности, в конце концов, любовь к себе. Место любви в войне есть, причем, она играет скорее главную роль. Ведь люди отчаянно защищают любимых родителей, любимых друзей, любимый город, а когда всё уничтожено, любимый – тот, который люб сердцу и душе – народ и любимую родину. Кроме того, война объединяет и в каком-то смысле помогает любовь найти. Война, и её последствия помогают осознать ценность человеческой жизни, а наступающие после окончания военных действий взрывы нездорового пацифизма – пропагандируют любовь к человеку и его сущности.

Но война диктует свои правила, человеку приходится, преступая собственные принципы и убеждения, убивать: убивать одного человека, защищая другого, защищая отчизну или жертвовать собой с теми же целями.

Виды любви во время войны. Отправляя сына на войну, мать понимает, что в первую очередь отправляет его на смерть. Она будет ждать, верить и надеяться, что он вернется живым и невредимым, но нужно ведь осознавать реальность положения. Некоторые родители даже пытались найти хоть какие-то способы уберечь своё дитя от войны. А почему люди шли на войну? Биологически человек не может убивать себе подобного, это противоестественно, и многие исследования показывают, что в основном **именно войну** делают психопаты, люди с больной психикой – они без проблем истребляют десятки противников. Например, анализ ВВС показал, что более 50% сбитых американскими летчиками самолетов противника приходилось на 1% летчиков. И выяснилось, что в видах ближнего боя, где человек воспринимается как личность, армия неэффективна. Люди боятся убить себе подобное жи-

вое существо, и 98% не способны это сделать, и практически весь урон, причиняемый составу противника, наносится лишь 2% личного состава. По сути, им без разницы, кого убивать, а война – зелёных свет для совершения данных действий... Тем более неестественно убивать женщине – она же сама дает жизнь, а тут надо ее забрать.

Тем не менее, уходят и женщины, и мужчины, молодые, старые, здоровые и даже калеки. Зачем? А затем, чтобы защитить свой дом и свою семью, это тоже инстинкты. В человеке просыпается чувство долга перед отчизной, в коллективе просыпается и боевой дух.

Психология поведения человека в данных условиях такова, что любовь к человеку и человечеству разделяется, человек начинает делить общество на «своих» и «чужих». К тому же, видя страдания «своего», легче причинить вред «чужому». Также, люди убивают за жизнь – мирное существование своих родных и близких. И за это же жертвуют собой. Спокойная жизнь своих соотечественников, их защита (именно защита) от врага являются вполне весомыми поводами, движимыми человеком, существом достаточно самовлюбленным, который фактически добровольно прощается с жизнью. Например, бросаясь под танк или кидаясь на мины и т.д.

От чего же, вы спросите, любовь к родине необузданная? Да все, все типы любви между собой взаимосвязаны: любовь к родине от того, что на этой земле твой дом, дом в котором ты родился, твои родители и родня, любимый человек и несчастный твой народ, который не можешь не защитить. Человек, как бы там ни было, чувствует свои корни, издревле повелось так, что люди сосуществуют в стае, и привязанность между ее членами особо велика, что индивид без особых промедлений пойдет на риск ради своей стаи, если оное потребуется [1]. В общем, инстинкт защиты стаи.

Любовь между мужчиной и женщиной. Для начала – вообще, какова роль женщины на фронте? Она одновременно мать, подруга, медсестра, напарник (но это мы опустим) – она олицетворяет уют, ласку, добро, и даже цель того, за что люди борются. Женщина на войне на вес золота, ведь в этом, животном смысле, мужчинам необходимо было удовлетворять свои потребности, снять напряжение, отвлекаться. Обстоятельства таковы, что долго взвешивать и обдумывать подобное не приходится, ведь людьми во многом движет страх. Кто знает? Может вообще не удастся проснуться, и ведь хочется напоследок ощутить тепло чело-

веческого тела. А вспыхивающее чувство – любовь, а не страсть, как правило, сильнее и чище, ибо обстоятельство войны сближает людей духовно, сплачивает.

Так же, в условиях постоянного истребления особей своего вида у человека возникает острая необходимость продолжить род, что он, собственно, и осуществляет при выдавшейся возможности. Ранее я упомянула о том, что в подсознании индивида происходит деление общества на союзников и противников, но это не до конца так. Во время ВОВ есть немало случаев возникновения чувств между представителями воюющих сторон. И люди не в силах этому препятствовать, потому что в принципе не в силах противостоять силам любви. Они прочнее установок и твёрже принципов.

Естественно, были случаи захвата мирного населения, к примеру, деревней оккупантами. Что происходило в данном случае. Если говорить о Второй мировой войне, то помимо зверских издевательств фашистов, присутствовало насильственное изнасилование женщин, что к эросу относится скорее как к животному влечению [2], удовлетворению потребностей (хотя во многом это было просто-напросто унижением и издевательством). А женщины отдавались по простым причинам:

а) не могут постоять за себя, т.к. фашист всё же мужчина, он сильнее;

б) страх, ведь так же, немало было случаев, когда в оккупированном селе, городе – неважно – немцы сохраняли жизнь женщинам, с которыми имели любовные отношения.

Нередко, кстати говоря, на этой почве возникал психологический феномен, по современному называемый Стокгольмский синдром, описывающий одностороннее или взаимное явление симпатии жертвы к агрессору в процессе захвата и т.п.

Таким образом, война заключает в себя диалектический каузализм: она связывает воедино, в один поток непрерывности и страдания, и возможность движения вперед – прогресса, и любовь. Именно война, вызывающая сильное психологическое эмоциональное ощущение является существенной движущей силой, которая побуждает личность и общество в целом к развитию, эволюции и социальному прогрессу.

Список используемых источников

1. *Афанасьев Г.* Легко ли убить человека // Русское агентство новостей, 12.01.2014.
2. *Подольный Р.Г.* Мир и Эрос. – М., 1991.
3. *Фромм Э.* Искусство любви. – Минск, 2000.

4. Шестакова И.Г. Человек и социум в новой реальности инфокоммуникационного мира. – СПб.: Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», 2015. – 133 с.

5. Лубяной В.И. Философские аспекты формирования геополитических и военно-политических интересов России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 16-19.

6. Лубяной В.И. Философия и практика воинской деятельности и военной службы // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Восьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2014. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 6-10.

7. Лубяной В.И., Куприков А.А., Айрапетян А.В. Эволюция философских представлений о войне и мире в отечественной философии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 65-70.

8. Лубяной В.И., Косолапов А.Д. Отечественная философия о проблемах воинской чести и воинского

долга // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной заочной научно-практической конференции. В 4 ч. / Под ред. канд. тех. наук, профессора генерал-майора М. М. Горбунова. – Саратов–Вольск: ООО Изд-во «Наука», ВФВАМТО, 2013. – Ч. 4. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук: В 2 кн. – Кн. 2. – С. 14-17.

9. Лубяной В.И., Кодермятов С.А., Игнатьев А.Ю. Сущность и классификация войн: содержание и анализ проблемы в современных условиях // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / Под ред. канд. техн. наук, профессора генерал-майора М.М. Горбунова. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2015. – Ч. 5. Актуальные проблемы военно-гуманитарных наук. – Кн. 1 (История, культурология, социология, политология, философия о войне и армии). – С. 71-77.

Shestakova I.G., Buldysko A.D.

DIALECTICS OF WAR: PROGRESS AND LOVE

This article illustrates the ambiguity of the war as a phenomenon, because it allows you to combine the war and suffering, and the possibility of progress – progress and love.

Keywords: war, development, progress, love, dialectic.

УДК 070.19

Морозова К.И., Ерёмин М.А.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА

В статье рассматривается своеобразие типа научно-популярного журнала на современном этапе развития, характеризуются различные способы популяризации научного знания. Особое внимание уделяется анализу просветительских и развлекательных функций жанра статьи в журнале «Кот Шрёдингера».

Ключевые слова: научно-популярный журнал, инфографика, просветительство, игровой контент, жанр, статья, кот Шрёдингера.

Российское медиапространство, несмотря на многочисленные кризисные явления, продолжает пополняться новыми изданиями, в частности, научно-популярными, которые, как отмечают специалисты, между прочим, призваны предотвратить деградацию науки.

«Современное состояние российской науки по целому ряду объективных показателей может быть охарактеризовано как катастрофическое», – говорится в докладе Российской ассо-

циации содействия науки за 2012 год [10, с. 35]. Исследователи объясняют это несовершенством нормативно-правовой базы, отсутствием внятной государственной стратегии в научно-технической сфере. Общее финансирование научной деятельности значительно уступает тому, что было в СССР, и не соответствует современному уровню финансового обеспечения во многих развитых и развивающихся странах [10, с. 5–6].

Представляется, что научно-популярные журналы, освещая работу учёных, их достижения, способны привлечь инвестиции в научную сферу и существенно изменить ситуацию в лучшую сторону. Подача сложной информации в увлекательной форме, несомненно, повышает интерес аудитории к разным отраслям знаний, обеспечивает приток в науку молодых кадров.

Генетически научно-популярные журналы тесно связаны с сугубо научными периодическими изданиями. У них общий объект описания – жизнь науки [34, с. 14], схожая жанровая система [там же, с. 15]. Можно предположить, что научно-популярная периодика, появившись в России в XVIII в., возникла как реакция общественной среды на бурное развитие научных коммуникаций. Ведь основная читательская аудитория сугубо научных журналов – учёные, т.е. небольшая, замкнутая социальная группа, «свои», те, для кого понятен сложный, специализированный научный язык. Ср.: «Твёрдый бромнитробензол легко переходит в газообразный. 28 гр. его были растворены в 430 гр. спирта в 95% к смеси прибавлено 50 гр. обыкновенного КНО...» [16, с. 57].

В то же время для научно-популярных журналов характерно обращение к широкой читающей публике. Авторы подобных изданий «переводят» научное знание на массовый, общедоступный уровень и, следовательно, могут позволить себе отказаться от сложной терминологии и языкового пуританства. Ср.: «Обыкновенно думают, что только судьба детей зависит от родителей, но не наоборот. Между тем, на самом деле судьбы родителей тесно связаны с судьбой детей: родительское счастье, полнота жизни и сумма глубоких стимулов, возвышающих и укрепляющих человека, даётся существованием детей, их совместной жизнью с родителями под одним кровом, у общего семейного очага» [24, с. 1].

На рубеже 70–80-х гг. XX в. в СССР выходило более 40 научно-популярных журналов [12, с. 3]. Их типологический спектр был достаточно широк: от детских – «Юный натуралист» (1928), «Юный техник» (1956), «Моделист-конструктор» (1962), «Квант» (1970) – до

изданий общего интереса – «Наука и жизнь» (1934), «В мире науки» (1983), «Вокруг света» (1861), и др.

Занятие наукой считалось в Советском Союзе весьма престижным. К началу перестройки количество учёных составляло ок. 4% от всех занятых в народном хозяйстве [5, с. 175]. Популяризация научно-технических знаний тогда «приобрела всеохватывающий массовый характер. Этот феномен был вплетён в культурную политику, идеологическую работу и систему профессиональной ориентации» [1, с. 1], направленную на воспитание нового типа человека. Так, девиз журнала «Наука и жизнь»: «О науке – доступно, о жизни – серьёзно» полностью отвечал подобным просветительно-педагогическим задачам. Журнал был предназначен для семейного прочтения, его аудитория не ограничивалась возрастными или профессиональными рамками. На страницах издания сочетались публикации по астрофизике, космонавтике, истории, биологии, химии, медицине с кроссвордами, лингвистическими задачами и советами по домашнему хозяйству.

Положение научно-популярных журналов в современном российском медиапространстве определяется несколькими факторами, ведущими из которых являются социально-экономические и политические изменения в стране [30, с. 72], а также общее состояние культурной среды.

Научно-технический прогресс парадоксальным образом проявил себя на фоне кризиса общей культуры. В 2000-е гг. наблюдалось резкое падение интереса к науке со стороны общества при одновременном росте количества научных проектов, открытий, изобретений. Это противоречие можно объяснить формированием нового типа мышления – «клипового». Именно оно порождает «окултные эзотерические учения и новые религиозные движения» [14, с. 86], замещающие потребность в новых ценностях. Псевдонаучное, альтернативное знание в условиях постиндустриального общества начинает конкурировать с классической наукой, из-за чего последняя вынуждена стремительно меняться» [14, с. 86], искать новые точки роста.

Представляется, что научно-популярная журналистика способствует решению данной задачи, а возможности традиционного научно-популярного журнала становятся весьма востребованными читательской аудиторией.

Композиционно-графическая модель современного журнала формируется с учётом технологических решений, которые используются в других СМИ.

Так, безусловными преимуществами интернет-ресурсов перед иными формами распространения знаний являются «интерактивность, мультимедийность, глобальность, оперативность, гипертекстуальность» [17, с. 7]. Для достижения намеченных целей сегодня научно-популярный журнал вынужден уподобляться сайтам: он не просто преподносит читателю информацию в качестве «доступного рассказа о достижениях науки, её истории и перспективах развития» [30, с. 72], а старается сделать это так, как принято на интернет-страницах.

В первую очередь это достигается с помощью визуализации данных. Действительно, современный научно-популярный текст отличается «насыщенностью невербальными знаками, имеющими несловесную форму (фотографии, рисунки, цвет, шрифт и т.д.)» [38, с. 3].

Вообще, в зависимости от особенностей оформления современные научно-популярные издания можно разделить на три основные группы:

- издания, сохранившие традиционную композиционно-графическую модель («Наука и жизнь», выходит с 1890 г.);

- журналы, имеющие трансформированную традиционную композиционно-графическую модель (*Popular Mechanics*, издаётся с 1902 г.; «Популярная механика», выходит с 2002 г.);

- абсолютно новые журналы с оригинальным «научно-популярным» дизайном («Кот Шрёдингера», выходит с 2014 г.).

Для традиционной композиционно-графической модели характерна строгость и сдержанность в оформлении, шрифтовых и цветовых выделениях, её иллюстративный ряд достаточно скромен – в основном это фотографии и простая инфографика (например, таблицы, диаграммы, графики и т.д.).

Издания третьей группы, наоборот, отличаются насыщенной цветовой гаммой: журнальные полосы изобилуют красочными иллюстрациями (богатый фоторяд, разнообразные рисунки и оригинальная инфографика) и широким набором шрифтов и маркеров.

Богатый фоторяд добавляет научной информации наглядности и достоверности, ту же самую цель преследует и использование инфографики» [27, с. 219]. Как самостоятельный жанр она достаточно активно фигурирует в Интернете [там же], но и печатные издания в настоящее время стремительно приспособливают инфографику под свой формат. Инфографика делает текст «более точным, аргументированным и глубоким» [там же], к тому же

она позволяет читателям сокращать время ознакомления с материалом и лучше усваивать новую информацию.

В научно-популярных журналах инфографику чаще всего используют, если необходимо «показать устройство или алгоритм работы чего-либо, соотношение предметов и фактов во времени и пространстве; продемонстрировать тенденцию; показать конструкцию предмета; реконструировать событие или организовать большие объёмы информации» [33, с. 76].

Разнообразная инфографика представлена и в журнале «Популярная механика». Там можно увидеть немало иллюстраций, демонстрирующих принцип работы или устройства каких-либо приборов. Это объясняется содержательно-тематической моделью журнала, ориентированной преимущественно на новости в мире техники.

Стоит отметить, что иллюстрации в научно-популярных журналах чаще всего «показывают либо ключевые шаги, которые проходит процесс, в виде изображенного на картинке сюжета, либо структуру явления в виде визуальной метафоры. По сути, это аналог графика, диаграммы или неформальной блок-схемы» [6].

Например, изображение «прыгателя внутреннего сгорания» – «автономного робота, напечатанного на 3D принтере, который перемещается прыжками» [25, с. 20] – отображает основные составляющие его части: «управляющий модуль, защитная конструкция, пневматические (надувные) опоры и взрывной движитель» [25, с. 20]. Иллюстрация сопровождается небольшой схемой, демонстрирующей технику перемещения робота прыжками.

А в материале «О секундах с высока» [21, с. 52–54] информацию о цезиевом эталоне частоты дополняет «неформализованная блок-схема» [6], разъясняющая принцип его действия. Схема такого типа состоит из блоков, связанных друг с другом стрелками.

Вообще, в научно-популярном журнале тот или иной объект чаще всего выглядит не так, как в действительности. Из картинki «исключаются детали, несущественные для передаваемого смысла, используется нехарактерный для объекта цвет, его важные части изображаются крупнее и точнее по сравнению с другими» [38, с. 10].

Наравне с нестандартной инфографикой в журналах в качестве популяризаторского приёма используют традиционные схемы («Схема работы псевдослучайной перестройки рабочей частоты (ППРЧ)» [20, с. 98] или

схема сбора воздушного змея по японскому стандарту [37, с. 116]), диаграммы циклического процесса («Развитие любой системы как набор циклов Бойда» [37, с. 98]). Выбор того или иногда вида инфографики зависит от характера и темы материала.

Журнал «Наука и жизнь» придерживается строгости и лаконичности в оформлении. Текстовые материалы в основном дополняются графиками (например, отражающими динамику городского населения в мире [8, с. 6], мирового промышленного производства [8, с. 6] и мирового производства хлорфторуглеродов [8, с. 7], «рост численности населения и варианты его взаимодействия с потенциальной ёмкостью Земли» [8, с. 10]), диаграммами циклического процесса (диаграмма зависимости нищеты от численности населения и, наоборот [8, с. 11]), картами (фотографические и схематические карты звёздного неба [23, с. 23]), таблицами (например, «Фазы луны» [23, с. 28]), схемами («электрическая схема приёмника радиоволн» [19, с. 91], «схема двузначного решения уравнения Дирака» [19, с. 110]). Достаточно сдержанная графическая модель объясняется информационной политикой издания, ориентированной, в первую очередь, на освещение новостей мира науки.

На фоне тенденции снижения интереса у молодого поколения к науке весьма актуальным представляется концепция журнала «Кот Шрёдингера». Издание позиционирует себя как «живой научно-популярный журнал» [22].

Вообще, «кот Шрёдингера» – мысленный эксперимент австрийского физика Эрвина Шрёдингера, доказывающий, что «законы макромира не действуют в микромире и наоборот» [39, с. 7–8]. Гипотетически, если кота поместить в ящик, где имеется механизм с радиоактивным атомным ядром и ёмкостью с ядовитым газом и подобрать параметры так, чтобы «вероятность распада ядра за 1 час составляла 50%» [39, с. 8], то он погибнет. Это связано с тем, что при распаде ядра, открывается ёмкость с газом. Однако если распад ядра не происходит, то кот будет жив. Получается, что он наполовину жив, а наполовину мёртв [39, с. 8].

Образ кота Шрёдингера, который, таким образом, является сквозным персонажем издания (вымышленные, сквозные персонажи, появившиеся в газете из номера в номер, впервые были использованы в качестве приёма привлечения внимания широкой читательской аудитории в американской журналистике нач. XX в. [9, с. 36]), можно рассматривать в качестве узлового компонента общей концепции

популяризации научных знаний. Вместе с ним в журнале применяются и другие способы вывода той или иной узкоспециализированной информации в широкое медиaprостранство, для того чтобы «наука вызывала по меньшей мере интерес, а лучше – азарт» [9, с. 36].

В связи с этим, можно говорить о смешении функций научно-популярного и развлекательного типов журнального издания.

На развлечение ориентирована, например, психологическая игра «Цветное настроение» [31, с. 114–115], которая позволит понять не только свои эмоции, но и эмоциональное состояние окружающих. Играть лучше компанией. Игра предполагает реквизит, который необходимо сделать самостоятельно с помощью цветного картона, ножниц и фломастеров. Использование такого приёма нацелено на «компенсацию информационной перегрузки» [28, с. 30].

Оригинальный подход к игровому контенту, применяемый почти в каждом номере «Кота Шрёдингера», отличает его от других журналов данной типологической ниши. Так, «Наука и жизнь» на протяжении многих лет размещала на последних страницах кроссворд. Этот тип развлекательно-познавательного текста отличается политематичностью и предполагает активную роль читателя в процессе решения поставленных в кроссворде задач. (Ср.: « $0,40951241 \text{ кг} = 1/40 \text{ пуда} = 32 \text{ лотам} = 96 \text{ золотникам} = 9216 \text{ долям}$ » [26, с. 130]). Игры научного характера в журнале «Кот Шрёдингера» рассчитаны на интерактивный тип взаимодействия авторов и читательской аудитории. Это сближает модель традиционного печатного издания с сайтом.

В эпоху онлайн-общения абсолютно закономерным процессом выглядит стремление редакции научно-популярного издания «оживить» и журнальные полосы. Сквозной персонаж – кот – не только привлекает внимание потенциального потребителя информации, но и разговаривает с ним привычным, бытовым, ненаучным языком.

Например: «Мяу, пожалуй».

Сегодня хороший день: журналу имени меня исполнился ровно год. Год назад я скептически отнёсся к предложению курировать это издание. Рад сообщить, что я ошибся: журнальчик получился бодрый, редакторы уже не кажутся мне бессовестными дураками, а издатели своей верой в лучшее будущее сохранили дух и букву науки для читателей».

Также большинство материалов журнала сопровождаются комментариями этого персонажа. («Забавно, что человек сумел получить температуру более высокую, чем в любой из -

точек Солнечной системы» [36, с. 79]). Традиционной альтернативой подобному «интерактивному» общению служит обратная связь, организованная в других научно-популярных журналах с помощью писем.

Самая распространённая схема построения текста научно-популярного характера – привлечение внимания к материалу с помощью яркого заголовка, затем раскрытие темы в лиде и последовательное развёртывание содержания, то есть движение от известного (то, с чем читатель был когда-то знаком) к неизвестному (дополнительной информации).

Привлечение внимания к заголовку, в основном, осуществляется с помощью введения в его структуру элемента прецедентности. Прецедент как «трансформация формы устойчивого выражения или слова, способствующая рождению новых смыслов» [18, с. 60–61], в изданиях данного типа чаще всего имеет популяризаторское значение. (Ср.: «Прыгатель внутреннего сгорания» [25, с. 20], «Всё дело в яйцах» [2, с. 112], «Бойцовые змеи» [37, с. 114], «Убить паразита» [11, с. 12], «Разделяй и юзай» [32, с. 35], «Свет в конце прогресса» [15, с. 40] и т.д.).

Вообще процесс популяризации научных знаний в журналах протекает как минимум в двух направлениях: просветительском и развлекательном.

Концепция традиционной, просветительской модели научно-популярных изданий определяется редакционным кредо журнала «Наука и жизнь»: «О науке – доступно, о жизни – серьёзно». Просветительство как форма распространения и популяризации информации предполагает в данном случае определённую назидательность, отводит аудитории в ходе научной коммуникации только ведомую роль.

Науку как развлечение представляют журналы другой модели. Они вовлекают читателя в своеобразную интерактивную игру, результат которой зависит, в том числе, от отношения аудитории к представленной информации.

Игровой способ популяризации науки предопределяет трансформацию устойчивых жанровых форм публицистического текста.

Типичный пример подобной трансформации можно найти в творчестве главного редактора журнала «Кот Шрёдингера» Г. Тарасевича. Как публицист Г. Тарасевич редко пишет статьи в «чистом виде». Его публикации представляют собой межжанровые образования, совмещающие черты разных типов текста. Например, материал «Где в России запинда?», [35, с. 15] посвящённый специфике региональной лексики, вобрал в себя черты научной ста-

ти, эссе, комментария и экспертного интервью. В публикации рассматриваются комментарии и короткие истории жителей разных регионов России и зарубежья о трудностях общения с представителями других областей, вызванных использованием в речи слов, характерных для этих территорий. Цель статьи – показать богатство русского языка, его постоянное развитие и многообразие.

Композиционно текст состоит из восьми частей. Первая часть – лид, который выполняет роль своеобразной экспозиции. Автор поясняет читателю, почему тема статьи актуальна и чем интересна. Вторая часть «В поисках редких слов» является некой предысторией, послужившей поводом к своеобразному лингвистическому исследованию. В третьей части «Низкая лингвистика» эксперт-филолог рассказывает о феномене регионализмов в лексике и фразеологии. Четвёртая часть «Не замечая свой язык» представляет собой своеобразное вступление к историям об особенностях употребления региональных слов, выделенных в условную отдельную часть. Пятая, шестая и седьмая части («Любовь и тютюна», «Пока во Владимире косяются, в Омске шишлятся», «Запинда, тыдловка и прочая тмутаракань») – те самые истории и их анализ.

Восьмая часть «Из материалов проекта «Русский язык – 24» отличается от предыдущего текста статьи. Она, в свою очередь, состоит из 13 самостоятельных главок-историй, связанных региональными словами.

Названия каждой части статьи Г. Тарасевича являются паратекстуальными компонентами «ориентированными внутрь основного текста» [40, с. 52]. А два информационных блока (справка о проекте «Русский язык – 24» и о В. Беликове) – «эпитексты» [40, с. 52], то есть паратексты, «ориентированные вовне» [40, с. 52] основного текста статьи. Также в материале использованы невербальные паратексты – пять рисунков, напоминающих фрагменты азбуки. Все элементы паратекстуальности выполняют информационную функцию [13, с. 151] и дополняют основное содержание статьи.

Жанровая структура любого текста во многом зависит от «определённого образа человека, «жанрового человека» [29, с. 128]. «Этот тип личности есть определённый тип структуры произведения, которая как бы просвечивает и сквозь всю конкретику жанрового бытия, и сквозь все уровни художественной индивидуализации» [29, с. 128].

Большинство публикаций Г. Тарасевича имеют две отличительные особенности. Во-

первых, они не укладываются в традиционные жанровые каноны научно-популярной статьи. Во-вторых, формы выражения авторского сознания в них нарочито дилетантские. Г. Тарасевич чаще всего играет роль некоего рассказчика, является своеобразным связующим звеном между большой наукой и любопытным читателем. Второй план повествования формируется благодаря экспертам, специалистам, учёным и т.п. В материале «Где в России заплата?» им выступает доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН В. Беликов.

Таким образом, в научно-популярных статьях проявляют себя два автора, то есть формируется «гибридная конструкция» [4, с. 118] статьи – грамматические и композиционные признаки принадлежат одному говорящему, но в действительности в ней «смешаны два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два «языка», два смысловых и ценностных кругозора» [4, с. 118]. Единственное, что объединяет двух этих авторов – адресат, которым является «менее дифференцированная публика» [2, с. 276], то есть не коллектив специалистов в какой-то научной области, а неподготовленная к сложной научной информации аудитория. И авторы находятся в разных отношениях с ней. Так, Г. Тарасевич имеет тот же уровень подготовки, что и читатель, вместе с ним он пытается разобраться в научных явлениях и закономерностях, а В. Беликов – наоборот, объясняет суть этих феноменов, просвещает читателей.

«Гибридная конструкция» материалов в сочетании с историями и комментариями представителей разных регионов России и зарубежья определяет новый формат научно-популярных публикаций. Смена жанровых ориентиров позволяет не только «расширить диапазон репрезентации научного знания» [7, с. 39], но и придать тексту динамики за счёт чередования сугубо научного стиля и неформального диалога с использованием элементов разговорности.

Список использованных источников

1. *Абрамов Р.* Популяризация науки в СССР как элемент культурной политики // *Время, вперед! Культурная политика в СССР.* – М., 2013.
2. *Апресов С.* Всё дело в яйцах // *Популярная механика.* – 2015. – №10.
3. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Эстетика словесного творчества.* – М., 1979.
4. *Бахтин М.М.* Слово в романе // *Вопросы литературы и эстетики.* – М., 1975.
5. *Ваганов А.Г.* Жанр, который мы потеряли. Очерки истории отечественной научно-популярной литературы. – М., 2012.
6. *Ветров Ю.* Визуализация данных. Наглядный и компактный способ отображения информации. [Электронный ресурс] URL: www.jvetrau.com (дата посещения 3.11.2015 г.).
7. *Воронцова Т.А.* Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) // *Вестник Челябинского государственного университета.* – 2014. – №6.
8. *Данилов-Данильян В., Рейф И.* За пределами роста // *Наука и жизнь.* – 2015. – №10.
9. *Дмитриева Д.Г.* Феномен американского супергероя в контексте визуальной культуры XX века. – М., 2014.
10. Доклад о состоянии науки в Российской Федерации. – М., 2012.
11. *Клещенко Е.* Убить паразита // *Кот Шрёдингера.* – 2015. – №11.
12. *Комарова Е.В.* Журнал «Вокруг света»: история и функционирование на современном этапе. Автореф. дис. ... к. фил. н. – Челябинск, 2014.
13. *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М., 2004.
14. *Лахина М.В.* Проблема формирования целостной научной картины мира в культуре современного общества // *Современные наукоёмкие технологии.* – 2010. – №9.
15. *Лесняк А.* Свет в конце прогресса // *Кот Шрёдингера.* – 2015. – №11.
16. *Лисенко К.* О бромнитробензоле // *Журнал русского физико-химического общества.* – 1869.
17. *Макарова Е.Е.* Научно-популярные сайты в системе СМИ. – М., 2013.
18. *Малецкая М.С., Толкачёва Ю.Г.* Особенности прецедентных заголовков современных печатных СМИ // *Журналистский ежегодник.* – 2013. – №2.
19. *Мамаев О.* Когерер – зёрнышко, из которого выросла радиосвязь // *Наука и жизнь.* – 2015. – №10.
20. *Мамонтов Д.* И молнии, зажатые в кулаки // *Популярная механика.* – 2015. – №10.
21. *Мамонтов Д.* О секундах свысока // *Популярная механика.* – 2015. – №10.
22. Официальный сайт журнала «Кот Шрёдингера» [Электронный ресурс] URL: www.kot.sh (дата посещения 30.10.2015 г.).
23. *Пахомов А.* Небо в ноябре-декабре 2015 года // *Наука и жизнь.* – 2015. – №10.
24. *Покровский Е.А.* Обязанности родителей перед потомством // *Вестник воспитания.* – М., 1890.
25. Прыгатель внутреннего сгорания // *Популярная механика.* – 2015. – №10.
26. *Пухначёва Н.* Кроссворд с фрагментами // *Наука и жизнь.* – 2015. – №10.
27. *Рева Е.К.* Особенности инфографики в журналах «Русский репортёр» и «Эксперт» // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского.* – 2011. – №23.
28. *Розанова Е.Г.* Игровые сценарии в педагогической практике // *Социологические исследования.* – 1995. – №10.

29. *Рымарь Н.Т., Скобелев В.П.* Теория автора и проблема художественной деятельности. – Воронеж, 1994.

30. *Серебренникова Д.Г.* Проблема научной популяризации в России // Журналист. – 2013. – №4.

31. *Скарлош С.* Цветное настроение // Кот Шрёдингера. – 2015. – №10.

32. *Соколова С.* Разделяй и юзай // Кот Шрёдингера. – 2015. – №11.

33. *Соловьёва Т.В.* Инфографика в учебном и медийных текстах // Вестник Новгородского государственного университета. – 2010. – №57.

34. *Суворова А.П.* Журналистика научная и научно-популярная: особенности предметной области, функций, задач // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2009. – №6.

35. *Тарасевич Г.* Где в России запинда? // Кот Шрёдингера. – 2015. – №9.

36. *Фея О.* Горячие штучки Вселенной // Кот Шрёдингера. – 2015. – №11.

37. *Фишман Р.* Бойцовые змеи // Популярная механика. – 2015. – №10.

38. *Христофорова Н.И.* Корреляции вербального и невербального в немецком научно-популярном тексте. Автореф. дисс. ... к. фил. н. – М., 2007.

39. *Шилова О.А., Кручинина И.Ю.* Золь-гель технология микро- и наночастиц и нанокompозитов. – СПб., 2012.

40. *Шильникова О.Г.* К проблеме типологии текстов СМИ: паратексты как структурно-содержательный компонент «толстого» журнала // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2011. – №1.

Morozowa K.I., Eryomin M.A.

MODERN TRENDS DEVELOPMENT OF A POPULAR SCIENCE MAGAZINE

This article considers the originality of the popular science magazine at the present stage of development, characterised different ways of popularizing scientific knowledge. Special attention is paid to the analysis of educational and entertainment features of the genre article in the journal Shroedinger `s cat.

Keywords: *popular science magazine, infographics, enlightenment, game content, genre, article, Shroedinger `s cat.*

**Организации, представители которых приняли участие
в X международной научно-практической конференции
«Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук» в 2016 г.:**

Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп (Российская Федерация)

Акмолинский колледж Казахской академии
транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева,
г. Астана (Республика Казахстан)

Балтийского федерального университета им.
И. Канта, г. Калининград (Российская Федерация)

Белорусский государственный аграрный техни-
ческий университет, г. Минск (Республика Беларусь)

Белорусский государственный педагогический
университет им. Максима Танка, г. Минск (Респуб-
лика Беларусь)

Белорусский государственный университет,
г. Минск (Республика Беларусь)

Белорусский государственный экономический
университет, г. Минск (Республика Беларусь)

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир (Россий-
ская Федерация)

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск
(Республика Беларусь)

Военная академия связи им. Маршала Совет-
ского Союза С.М. Буденного, г. Санкт-Петербург
(Российская Федерация)

Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва (Российская Фе-
дерация)

Военный учебно-научный центр ВВС Военно-
Воздушной Академии им. проф. Н.Е. Жуковского и
Ю.А. Гагарина, г. Воронеж (Российская Федерация)

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград (Российская Федерация)

Волжский государственный университет вод-
ного транспорта, г. Нижний Новгород (Российская
Федерация)

Вольский военный институт материального
обеспечения (филиал) Военной академии матери-
ально-технического обеспечения, г. Вольск Сара-
товской обл. (Российская Федерация)

Вооруженные силы Министерства обороны
Кубы (Куба)

Вооруженных сил Министерства обороны Рес-
публики Казахстан, (Республика Казахстан)

Государственный пограничный комитет Рес-
публики Беларусь, г. Минск (Республика Беларусь)

Гродненский государственный университет им.
Янки Купалы, г. Гродно (Республика Беларусь)

Гуманитарный университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург (Российская Федерация)

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток (Российская Федерация)

Институт международных отношений и миро-
вой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Ниж-
ний Новгород (Российская Федерация)

Институт психологии им. Г.С. Костюка, г. Киев
(Украина)

Институт социально-гуманитарных и полити-
ческих наук Северного (Арктического) федераль-
ного университета им. М.В. Ломоносова, г. Архан-
гельск (Российская Федерация)

Институт управления г. Архангельска (Россий-
ская Федерация)

Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук, г. Екатеринбург (Рос-
сийская Федерация)

Казанский национальный исследовательский
технологический университет, г. Казань (Россий-
ская Федерация)

Казанское высшее военное командное Краснозна-
менное училище, г. Казань (Российская Федерация)

Казахский агротехнический университет им.
С. Сейфуллина, г. Астана (Республика Казахстан)

Казахстанский университет инновационных и
телекоммуникационных систем, г. Уральск (Рес-
публика Казахстан)

Каракалпакский государственный университет
им. Бердаха, г. Нукус (Республика Узбекистан)

Минский государственный лингвистический
университет, г. Минск (Республика Беларусь)

НИИ истории и культуры Ульяновской обла-
сти, г. Ульяновск (Российская Федерация)

Национальный минерально-сырьевой универ-
ситет «Горный», г. Санкт-Петербург (Российская
Федерация)

Нижегородский государственный архитектур-
но-строительный университет, г. Нижний Новгород
(Российская Федерация)

Нижегородский государственный педагогиче-
ский университет им. Козьмы Минина (Мининский
университет), г. Нижний Новгород (Российская
Федерация)

Объединенный институт машиностроения Нацио-
нальной Академии Республики Беларусь, г. Минск
(Республика Беларусь)

Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург (Российская Федерация)

Поволжский государственный университет те-
лекоммуникаций и информатики, г. Самара (Рос-
сийская Федерация)

Полоцкий государственный университет, г. Но-
вополюцк Витебской обл. (Республика Беларусь)

Республиканский институт высшего образова-
ния Белорусского государственного университета,
г. Минск (Республика Беларусь)

Самарский государственный архитектурно-
строительный университет, г. Самара (Российская
Федерация)

Самарский государственный аэрокосмический
университет им. академика С.П. Королева, г. Сама-
ра (Российская Федерация)

Самарский государственный социально-
педагогический университет, г. Самара (Российская
Федерация)

Самарский государственный технический университет, г. Самара (Российская Федерация)

Самарский государственный университет, г. Самара (Российская Федерация)

Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара (Российская Федерация)

Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара (Российская Федерация)

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов (Российская Федерация)

Саратовский военный Краснознамённый институт ВВ МВД России, г. Саратов (Российская Федерация)

Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, г. Саратов (Российская Федерация)

Саратовский социально-экономический институт (филиал) «РЭУ им. Г.В. Плеханова», г. Саратов (Российская Федерация)

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск (Российская Федерация)

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь (Российская Федерация)

Средняя школа № 210 г. Минска (Республика Беларусь)

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак Республики Башкортостан (Российская Федерация)

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент (Республика Узбекистан)

Ташкентский финансовый институт, г. Ташкент (Республика Узбекистан)

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти Самарской обл. (Российская Федерация)

Университет им. П.И. Шафарика, г. Кошице (Словакия)

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск (Российская Федерация)

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск (Российская Федерация)

Ферганский политехнический институт, г. Фергана (Республика Узбекистан)

Филиал Военного учебно-научного центра ВВС Военно-Воздушной Академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина в г. Сызрань Самарской обл. (Российская Федерация)

Филиал Кубанского государственного университета в г. Геленджике Краснодарского края (Российская Федерация)

Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань (Российская Федерация)

Центр психологического здоровья и образования, г. Минск (Республика Беларусь)

Центральный аппарат ОАО «Сбербанк России», г. Москва (Российская Федерация)

Шадринский государственный педагогический институт, г. Шадринск Курганской обл. (Российская Федерация)

Юго-Западный государственный университет, г. Курск (Российская Федерация)

Информация об авторах

Абдулмуталинова Тамара Адамовна, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вольского военного института материального обеспечения, кандидат педагогических наук, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Абишева Жанат Рысбековна, старший преподаватель кафедры истории Казахстана Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина, кандидат исторических наук, г. Астана (Республика Казахстан). E-mail: zhanat_2511@mail.ru

Бибарсова Гульнара Шихмуратовна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, кандидат педагогических наук, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация). E-mail: lsmetankina.umo@mail.ru

Бойко Сергей Иванович, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, кандидат политических наук, доцент, г. Москва (Российская Федерация). E-mail: bsi1952@yandex.ru

Борщёва Наталья Николаевна, доцент кафедры журналистики Самарского государственного социально-педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: borshiova@yandex.ru

Бровко Сергей Александрович, заведующий кафедрой экономики, менеджмента и права Вольского военного института материального обеспечения, кандидат философских наук, профессор, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: macha_di@mail.ru

Булдыско Александра Дмитриевна, студент Национального минерально-сырьевого университета «Горный», г. Санкт-Петербург (Российская Федерация). E-mail: irina_shestakova@inbox.ru

Волокитина Юлия Олеговна, курсант Вольского военного института материального обеспечения, младший сержант, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Герасимов Николай Николаевич, начальник учебного отдела, заместитель начальника специального факультета филиала Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрань, г. Сызрань Самарской обл. (Российская Федерация). E-mail: 5526reu@mail.ru

Ерёмин Максим Александрович, доцент кафедры журналистики Самарского государственного социально-педагогического университета, кандидат филологических наук, г. Самара (Российская Федерация). Email: snurry@yandex.ru

Загидуллина Анна Викторовна, магистрант Казанского национального исследовательского технологического университета, г. Казань (Российская Федерация). E-mail: plusha131333@yandex.ru

Зайцева Наталья Валентиновна, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, доктор философских наук, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: zajceva.natalia2012@yandex.ru

Ибрагимов М.М., курсант Вольского военного института материального обеспечения, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Ильин Сергей Николаевич, доцент кафедры тактики и общевойсковых дисциплин Вольского военного института материального обеспечения, кандидат экономических наук, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Ипполитова Анастасия Георгиевна, профессор кафедры философии и общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, кандидат культурологии, доцент, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: ippolito-vaag@rambler.ru

Карпиленя Николай Васильевич, профессор кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь, доктор военных наук, доцент, действительный член Академии военных наук (Российская Федерация), г. Минск (Республика Беларусь). E-mail: karpilenyav@open.by

Колесникова Инна Александровна, доцент Северо-Кавказского федерального университета, кандидат психологических наук, г. Ставрополь (Российская Федерация). E-mail: inna.iva@mail.ru

Косых Елена Семеновна, доцент кафедры теории и истории государства и права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, г. Стерлитамак Республики Башкортостан (Российская Федерация). E-mail: kossES@yandex.ru

Курышова Людмила Анатольевна, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-эконо-

мических дисциплин Вольского военного института материального обеспечения, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Лубяной Владимир Иванович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вольского военного института материального обеспечения, доцент, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: lubyanyov56@mail.ru

Мартынова Ольга Александровна, аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань (Российская Федерация). E-mail: plusha131333@yandex.ru

Мейрманова Гульжан Асановна, преподаватель кафедры истории Казахстана Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина, г. Астана (Республика Казахстан). E-mail: zhanat_2511@mail.ru

Митасова Елена Владимировна, профессор кафедры психологии Военного университета Министерства обороны России, кандидат психологических наук, доцент, г. Москва (Российская Федерация). E-mail: kariffa@yandex.ru

Моралес Линарес Абел-Карлос, военнослужащий Вооруженных сил Министерства обороны Кубы, курсант Вольского военного института материального обеспечения (Куба)

Морозова Ксения Игоревна, студентка 4-го курса отделения журналистики филологического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара (Российская Федерация). Email: kseniamorozowa@gmail.com

Некрасова Екатерина Александровна, преподаватель кафедры психологии Военного университета Министерства обороны России, г. Москва (Российская Федерация). E-mail: kariffa@yandex.ru

Никитина Юлия Елизаровна, курсант Вольского военного института материального обеспечения, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Пискунова Светлана Ивановна, декан факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, доктор философских наук, профессор, г. Саранск (Российская Федерация). E-mail: simitina@yandex.ru

Постников Сергей Васильевич, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вольского военного института материального обеспечения, кандидат педагогических наук, доцент, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: telec8572@mail.ru

Постникова Ольга Анатольевна, профессор кафедры русского языка Вольского военного института материального обеспечения, кандидат исторических наук, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: telec8572@mail.ru

Радомский Владимир Маркович, профессор кафедры прикладной математики и вычислительной техники Самарского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный изобретатель Российской Федерации, г. Самара (Российская Федерация). E-mail: vmradomsky@gmail.com

Савик Сергей Анатольевич, доцент кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь, кандидат исторических наук, доцент, г. Минск (Республика Беларусь). E-mail: sergeu2811@mail.ru

Семенова Вера Эдуардовна, доцент кафедры философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук, г. Нижний Новгород (Российская Федерация). E-mail: veru-nechka08@list.ru

Семенова Лидия Эдуардовна, профессор кафедры классической и практической психологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининский университет), доктор психологических наук, доцент, г. Нижний Новгород (Российская Федерация). E-mail: verunechka08@list.ru

Сметанкина Людмила Васильевна, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, доктор философских наук, кандидат социологических наук, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация). E-mail: lsmetankina.umo@mail.ru

Сороко Светлана Михайловна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета, кандидат филологических наук, доцент культурологии, г. Новополоцк Витебской обл. (Республика Беларусь). E-mail: svetasoroko@mail.ru

Таджиеда Л.О., военнослужащий Вооруженных сил Министерства обороны Кубы, курсант Вольского военного института материального обеспечения (Куба)

Толбатовская Елена Геннадьевна, заместитель директора по науке филиала Кубанского государственного университета в г. Геленджике, кандидат педагогических наук, доцент, г. Геленджик Краснодарского края (Российская Федерация). E-mail: inna.iva@mail.ru

Х международная научно-практическая конференция

Третяк Александр Николаевич, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки внутренних войск МВД России Вольского военного института материального обеспечения, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Труханов Виктор Александрович, профессор кафедры истории, социологии политики и сервиса Саратовской государственной юридической академии, доктор политических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, г. Саратов (Российская Федерация). E-mail: truhanov_viktor@mail.ru

Узакова Салима Андромасовна, ученый секретарь, старший преподаватель Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем, аспирант 3-го курса Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, г. Уральск (Республика Казахстан). Email: Salima1966@mail.ru

Хабибулин Рифхат Габдрашидович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вольского военного института материального обеспечения, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: natali197707@rambler.ru

Хациева Инна Адамовна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вольского военного института материального обеспечения, кандидат педагогических наук, доцент, г. Вольск Саратовской обл. (Российская Федерация). E-mail: v_v_v_u_t@mail.ru

Червена Каролина, доцент Университета им. П.Й. Шафарика, доктор философии, г. Кошице (Словакия). E-mail: karolina.cervena@upjs.sk

Чипкар Ян, доцент Университета им. П.Й. Шафарика, доктор философии, кандидат философских наук, г. Кошице (Словакия). E-mail: jan.cipkar@upjs.sk

Чуракова Ольга Владимировна, доцент кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного Арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент, г. Архангельск (Российская Федерация). E-mail: ochurakova@yandex.ru

Шабанов Лев Викторович, профессор кафедры конфликтологии Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация). E-mail: lsmetankina.umo@mail.ru

Шакирова Елена Юрьевна, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрань, доктор философских наук, г. Сызрань Самарской обл. (Российская Федерация). E-mail: 5526reu@mail.ru

Шестакова Ирина Григорьевна, доцент кафедры философии Национального минерально-сырьевого университета «Горный», кандидат философских наук, доцент, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация). E-mail: irina_shestakova@inbox.ru

Для заметок